

ШИ ХАЙ-АНЬ

РЕЧНЫЕ
ЗАВОДИ



Китайская классическая литература

Най-ань Ши

Речные заводи. Том 1

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Ши Н.

Речные заводы. Том 1 / Н. Ши — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,
— (Китайская классическая литература)

ISBN 978-5-91051-025-2

Роман «Речные заводы» («Шуйху чжуань») основан на устных преданиях о восстании, произошедшем в XII веке. Мятеж возглавил Сун Цзян вместе с тридцатью шестью другими предводителями. Повстанцы создали хорошо укрепленный лагерь в труднодоступных местах, подчинив своей власти обширную область Китая. В этом захватывающем повествовании, написанном Ши Най-анем (1296-1370 гг.), действуют сто восемь героев-разбойников (в их числе и три женщины) — люди совершенно различных характеров. «Речные заводы», «Троецарствие», «Путешествие на Запад» и «Сон в красном тереме» — самые известные произведения китайской классической прозы, и можно только позавидовать тем, кто их еще не читал. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-91051-025-2

© Ши Н.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	34
Глава четвертая	44
Глава пятая	59
Глава шестая	71
Глава седьмая	81
Глава восьмая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ши Най-ань

Речные Заводи. Том первый

Глава первая

*Небесный наставник Чжан молебнами и
жертвоприношениями избавляет народ
от мора. Сановник Хун Синь по неведению
освобождает из заточения оборотней*



Был в стране беспорядок
В дни пяти злополучных династий,
Но утихли волненья,
И отхлынули годы ненастий.

Облака распахнулись

После долгой, губительной бури,
И широко по небу
Развернулось сиянье лазури.

В первый раз за столетье
Оживились поля и дубравы,
Благодатную влагу
Получили деревья и травы.

Снова радость вернулась,
Разливаясь рекою чудесной,
И желанный порядок
Воцарился во всей Поднебесной.

Миновали страдания,
Времена наступили иные,
И народ даже в будни
Стал в шелка одеваться цветные.

В городах и селеньях
Стало праздничней и многолюдней,
Из распахнутых окон
Зазвучали певучие лютни.

Долго край наш томился,
Долго был он печальным и сирым,
А теперь расцветает,
Наслаждаясь покоем и миром.

И прекрасные виды
Расстилаются в пышном величье,
И звенит отовсюду
Бесперывное пение птичьё¹.

Предание гласит, что эти восемь строф принадлежат кисти знаменитого конфуцианца Шао Яо-фу², известного также под именем Канцзе и жившего при дворе императора Шэнь-цзун³ династии Сун⁴. Шао Яо-фу скорбел по поводу бесконечных войн и смут в Поднебесной во времена пятицарствия, наступившие после крушения династии Тан⁵. Тогда случалось так, что утром правили Ляны, а к вечеру воцарялись Цзини. Даже сложилась поговорка: «Император Чжу, Ли, Ши, Лю, Го – династии Лян, Тан, Цзинь, Хань, Чжоу. Счетом императоров было пятнадцать, а смуту сеяли пятьдесят лет!»

Но затем кончилось лихолетие, и все переменялось. В военном городке Цзяма появился на свет будущий основатель династии Сун – император У-дэ.

¹ Здесь и далее стихи в обработке Сергея Северцева.

² Шао Яо-фу – он же Шао Юн (1011—1077).

³ Шэнь-цзун – император (1068—1086).

⁴ Династия Сун – 960—1279 годы.

⁵ Династия Тан – 618—907 годы.

При рождении его по всему небу разлилось красное зарево, необычайное благоухание не рассеивалось всю ночь, и он, как бог грома и молний, сошел на землю. Был он отважен, мудр и великодушен, и ни один император не мог с ним сравниться. С палицей в руках, столь же огромной, как он сам, У-дэ разгромил войска четырехсот округов и всех их покорил. Он очистил Поднебесную и освободил ее от всякого зла. Эру его правления называли Великой Сун, а столицу свою он учредил в Бяньляне⁶. Из восьми наиболее известных императоров, правивших до него, он считался самым могущественным и первый заложил основы четырехсотлетнего царствования. Вот почему Шао Яо-фу писал восторженно: «Облака распахнулись после долгой губительной бури, и широко по небу развернулось сиянье лазури». В самом деле для народа он явился светом небесным.

Жил в те времена в горах Сихуашань ученый даос Чэнь Туань, великий праведник и прорицатель. Однажды, спускаясь с гор верхом на осле на пути в Хуайнь, он услышал, как путники говорят: «Император Чай Ши-цзун отдал трон в Восточной столице Чжао Куан-иню».

Услыхав это, Чэнь Туань возликовал, схватился руками за голову и так засмеялся, что свалился с осла. Люди спросили, почему он смеется, и он ответил: «Теперь в Поднебесной воцарится мир! Поистине такова воля неба, законы земли и желание людей».

Вступив на трон, Чжао основал новую династию. Он правил семнадцать лет, и мир был во всей Поднебесной. Затем он передал правление брату, императору Тай-цзуну⁷, который управлял страной двадцать два года, после чего воцарился император Чжэнь-цзун⁸, в свою очередь оставивший трон императору Жэнь-цзуну⁹.

Жэнь-цзун, он же Босоногий Волшебник, родившись, заплакал, и плакал дни и ночи много лет. Император повелел вывесить объявления, приглашающие лучших врачей вылечить наследника. Это тронуло сердце Небесного правителя, и он отправил на землю духа Вечерней звезды Тай-бо. На земле Тай-бо принял образ старца, сорвал объявления и заявил, что может успокоить императорского наследника. Чиновник, ведающий объявлениями, провел его во дворец, и старец предстал перед Чжэнь-цзуном. Император повелел провести его во внутренние покои к колыбели наследника. Старец приблизился к младенцу, взял его на руки и прошептал ему на ухо восемь слов, после чего младенец тут же затих. Старец же, не назвавшись, исчез, будто его и не было.

Что же прошептал старец на ухо младенцу? Вот что: «Звезда мудрости поможет тебе, звезда войны защитит тебя». Так и было. Правитель неба послал на землю две звезды, чтобы они оказывали императору помощь. Звездой мудрости был великий ученый Бао Чжэн, живший в южном дворце, звездой войны – полководец Ди Цин, покоритель государства Сися. Мудрые сановники помогали императору, и император правил сорок два года и девять раз сменил наименование своего правления.

Первый год правления Тянь-шена был последним годом шестидесятилетнего цикла летоисчисления. В Поднебесной царил мир, вдоволь было хлеба и всяческого продовольствия, народ спокойно занимался своими делами и забыл, что такое воровство и разбой. Так жили в этот первый период, длившийся девять лет.

Благодатными были и девять лет с первого года правления Мин-дао до третьего года правления Хуан-ю. В третий период, с четвертого года правления Хуан-ю по второй год правления Цзя-юй, также тянувшийся девять лет, поля приносили еще больший урожай, чем прежде. Эти двадцать семь лет – три десятилетия – были названы Эпохой Великого Благоденствия. Народ тогда наслаждался радостной и спокойной жизнью. И кто бы мог подумать, что радость и

⁶ Бяньлян – Кайфын, Восточная столица.

⁷ Тай-цзун – император (976—998).

⁸ Чжэнь-цзун – император (998—1023).

⁹ Жэнь-цзун-император (1023—1064).

довольство породят горе? Весной третьего года правления Цзя-ю в Поднебесной начался мор. Он распространился от Великой реки до обеих столиц, и не было такого места, где бы не болели люди, и такого человека, который не пострадал от него. Из всех округов и областей Поднебесной, как хлопья снега, сыпались донесения, сообщения, доклады и просьбы о помощи.

Надо сказать, что от этого мора уже погибла большая часть гражданского и военного населения Восточной столицы как в самом городе, так и в пригородах. Правитель Восточной столицы Бао Чжэн всеми силами старался помочь народу. На собственные деньги он покупал лекарства и спас множество людей. Но разве мог он вылечить всех? Мор все усиливался. И вот военные и гражданские чины собрались на совет в Зале Водяных Часов, ожидая императора, чтобы доложить ему обо всех бедах.

А было это в третий день третьей луны третьего года правления Цзя-ю, в пятую стражу. Император вышел к собравшимся, закончились согласно этикету церемонии, и ведающий приемами провозгласил:

– Тот, у кого есть дело, пусть выступит вперед и доложит императору. Те, у кого нет дела, пусть удалятся.

Главный советник Чжао Чжэ и советник Вэнь Янь-бо вышли из толпы сановников и почтительно доложили:

– В столице свирепствует мор. Многие погибли, гражданские и военные. Смирненно просим вас, всемилостивейший император, проявить милосердие, освободить из заключения преступников, облегчить пытки и снизить налоги и ради спасения народа вознести небу моления об избавлении от этого бедствия.

Выслушав, император тотчас же повелел палате ученых составить проект императорского указа о прощении всех преступников Поднебесной и об освобождении народа от поборов и налогов. А буддийским и даосским храмам в столице был разослан приказ о совершении молений.

Однако мор в тот год еще больше усилился. Когда слухи об этом дошли до Сына Неба Жэнь-цзуна, он очень встревожился и снова призвал на совет всех своих сановников. В числе собравшихся был один старший сановник, который, не дожидаясь своей очереди, выступил вперед и обратился к императору с докладом. Взглянув на него, император узнал государственного советника Фань Чжун-яня. Фань Чжун-янь, поклонившись и воздав Сыну Неба должные почести, почтительно обратился к нему со следующими словами:

– В Поднебесной свирепствует мор, и население жестоко страдает. Ни днем ни ночью никто не может быть спокоен за свою жизнь. Прошу благосклонно выслушать мое скромное предложение: чтобы избавиться от мора, необходимо немедленно призвать во дворец потомка ханьского небесного наставника и во внутренних покоях совершить моления и принести жертвы всемогущему небу. Тогда наши мольбы дойдут до Небесного правителя, мы избавимся от мора и спасем народ.

Император Жэнь-цзун согласился и тут же приказал ученым написать необходимый приказ, который и скрепил собственноручно августейшей подписью. Затем он повелел военачальнику Хун Синю отправиться в монастырь, взяв с собой в подарок монахам благовонных свечей из императорских кладовых. Хун Синю надлежало в качестве императорского посла выехать в уезд Синьчжоу провинции Цзянси, взойти на Гору Дракона и Тигра – Лунхушань и пригласить во дворец потомка ханьского небесного наставника Чжана.

Затем во дворце были зажжены благовонные курения, и император лично вручил военачальнику Хун Синю указ на красной бумаге, приказав ему тотчас же собираться в путь. Хун Синь почтительно простился с Сыном Неба, заучил указ наизусть, вложил в ларец полученные от императора благовонные свечи и сел на коня. Сопровождаемый свитой в несколько десятков человек, он покинул Восточную столицу и направился к городу Гуй-цисянь в уезде Синьчжоу провинции Цзянси.

Когда он достиг города Синьчжоу, все чиновники этого города вышли ему навстречу. Тотчас был послан гонец на гору Лунхушань к настоятелю и монахам, чтобы предупредить их о прибытии императорского посланника.

На следующий день все чиновники города отправились вместе с Хун Синем к подножию горы Лунхушань. Тут они увидели, что с горы спускается огромная толпа монахов с большими хоругвями, знаменами и благовонными свечами в руках. Подъехав к монастырю, Хун Синь сошел с коня. Здесь собрались все монахи – от настоятеля до последнего послушника. Хун Синя провели в главный храм и просили положить императорский указ посередине храма, чтобы совершить перед ним жертвоприношения. Обратившись к настоятелю, Хун Синь спросил, где сейчас находится великий учитель, потомок ханьского небесного наставника, и настоятель с поклоном отвечал:

– Разрешите довести до вашего сведения, господин военачальник, что нынешний потомок ханьского небесного наставника, именующийся великим учителем Сюй Цзином, обладает возвышенным нравом, любит тишину и уединение. Торжественные встречи и проводы его утомляют, он поселился в хижине на вершине горы Лунхушань и живет там, совершенствуя свою чистоту. Поэтому его и нет здесь среди нас.

– Но я прибыл с императорским указом, и мне необходимо повидать небесного наставника, – сказал Хун Синь.

– Разрешите попросить вас, – отвечали монахи, – положить императорский указ здесь, в приемном зале. Мы, смиренные иноки, не смеем коснуться его. Сейчас мы просим вас, господин военачальник, пройти в келью настоятеля выпить чаю. А уж после мы все обсудим.

Хун Синь оставил императорский указ в главном зале и вместе со всеми отправился к настоятелю. Там он сел посреди кельи, и монахи подали ему чай. Затем были поданы разные яства из всевозможных даров земли и воды.

Когда трапеза окончилась, Хун Синь вновь обратился к монахам:

– Если небесный наставник поселился на вершине горы, то, быть может, вы пошлете к нему кого-нибудь и попросите спуститься, чтобы я мог прочесть ему императорский указ.

– Небесный наставник правда живет в горах, – отвечали монахи, – однако достоинства его необычайны, и он наделен даром передвигаться на тучах и облаках. Поэтому застать его трудно. И часто бывает так, что мы, смиренные монахи, не можем найти его, когда бывает в нем нужда. Как же можно послать за ним?!

– Если дело обстоит так, – отвечал Хун Синь, – то как же смогу я повидать его? В столице свирепствует мор, и Сын Неба послал меня сюда, вручив указ и благовонные свечи, чтобы я пригласил небесного наставника совершить моление всем духам праведников на небе об избавлении народа от бедствий. Что же мне предпринять?

– Если Сын Неба желает спасти народ, – сказал на это настоятель, – тогда вы должны доказать искренность своих намерений и питаться только постной пищей. Вы должны вымыться, надеть простую одежду, воскурить присланные благовония и, оставив здесь свою свиту, пешком отправиться на гору с августейшим указом. На горе, преклонив колени, вы сообщите великому учителю свою просьбу. Если в сердце вашем нет места притворству, то, возможно, вы и увидите его. Но если нет в вас искренности, то вы лишь напрасно потеряете время и учитель останется невидимым для вас.

– После отъезда из столицы я питался только постной пищей, и как можете вы говорить о неискренности? Но пусть будет по-вашему. Завтра рано поутру я отправлюсь на гору.

И вскоре после этого все разошлись на отдых.

На следующий день, поднявшись до рассвета, монахи согрели воду и, приготовив благовонное омовение, пригласили Хун Синя помыться. Хун Синь облачился в новую одежду, на ноги надел соломенные туфли, позавтракал постной пищей, взял императорский указ и заки-

нул за спину желтую шелковую котомку. Затем, взяв серебряную курильницу, возжег благо-
вония.

Монахи проводили Хун Синя к горе и там указали тропинку, по которой ему надлежало
следовать дальше. Расставаясь с Хун Сином, монахи напутствовали его следующими словами:

– Раз уж вы, господин военачальник, решили спасти народ, то пусть ничто не остановит
вас на вашем пути. Неуклонно идите к вашей благородной цели.

Расставшись с провожающими, Хун Синь призвал на помощь милость неба и стал подни-
маться в гору. Так он шел некоторое время по извилинам горной тропинки; на крутых склонах
ему часто приходилось цепляться за лианы и другие ползучие растения. Пройдя два или три
ли¹⁰ и оставив позади несколько горных перевалов, Хун Синь почувствовал, что ноги у него
ослабели и он не в силах больше двигаться. Тогда он подумал: «Я один из почитаемых при
императорском дворе сановников, в столице я уставал даже когда спал на мягкой постели и
ел из драгоценной посуды. Как же я измучаюсь, поднимаясь на такую гору в этих соломенных
сандалиях! И подобные мучения я вынужден терпеть лишь для того, чтобы узнать, где нахо-
дится какой-то наставник!»

Пройдя еще шагов пятьдесят, он остановился и расправил плечи, чтобы перевести дух,
как вдруг из лощины налетел сильный порыв ветра. Раздалось громовое рычание, и из чащи
соснового леса выскочил огромный тигр с белым пятном на лбу и глазами навывкате. Хун Синь
перепугался и с криком «ай-я!» повалился на землю. Тигр приблизился к Хун Синю, обошел
его кругом и с громким рыком умчался в горы. Хун Синь, лежа под деревом, стучал зубами от
страха, сердце его учащенно билось, тело онемело, а ноги ослабели, словно у петуха, побитого
в петушином бою. Он лежал и непрерывно стонал, охваченный страхом.

Немного погодя Хун Синь поднялся с земли, подобрал курильницу, зажег еще несколько
курительных палочек из императорских кладовых и снова двинулся в путь, решив во что бы то
ни стало разыскать наставника. Сделав еще шагов пятьдесят по тропинке, он снова принялся
вздыхать и сетовать на свою судьбу:

– Поручение императора заставляет меня переживать такие страхи...

Не успел он произнести этих слов, как опять поднялся сильный ветер, вокруг распро-
странилось омерзительное зловоние. Хун Синь стал оглядываться и вдруг услышал шипение:
из зарослей бамбука выползла громадная змея с белыми пятнами, толщиной ведро.

Тут Хун Синя обуял ужас. Он отбросил курильницу и с воплем: «Ну, теперь я погиб!»
попятился и свалился у выступа скалы.

Змея быстро подползла к нему и, свернувшись кольцами, уставилась на Хун Синя гла-
зами, сверкавшими желтым светом. Широко раскрыв свою огромную пасть и высунув язык,
она обдавала его ядовитым дыханием.

У Хун Синя от страха душа ушла в пятки. Змея еще некоторое время смотрела на него,
затем, извиваясь, поползла прочь и вскоре скрылась. Когда она исчезла, Хун Синь поднялся
на ноги и воскликнул:

– Еще счастливо отделался! Ведь я чуть не умер от страха!

Тут он увидел, что все его тело покрылось пупырышками, словно от холода, и принялся
ругать монахов:

– Бессовестные негодяи! Надули меня, и по их милости я переживаю все эти страхи! Если
только я не найду великого учителя на вершине горы, то уж разделаюсь с ними по возвращении!

Снова он поднял курильницу, поправил на спине котомку с императорским указом, при-
вел в порядок одежду и головной убор и снова стал подниматься в гору. Но едва он сделал
несколько шагов, как из-за леса послышался слабый звук флейты, который все приближался.

¹⁰ Ли – мера длины, равная 576 м.

Вскоре Хун Синь увидел молодого послушника, ехавшего на буйволе, лицом к хвосту. Послушник, улыбаясь, играл на флейте. Хун Синь окликнул его:

– Эй, ты откуда? Ты знаешь меня?

Но послушник не обратил на него никакого внимания и продолжал играть на флейте. Хун Синь несколько раз повторил свой вопрос, и тогда, наконец, послушник громко рассмеялся и, указывая на Хун Синя флейтой, сказал:

– Так это вы прибыли сюда повидаться с великим учителем?

Хун Синь удивился:

– Ты простой пастух, откуда тебе известно это?

Послушник засмеялся и ответил:

– Утром я прислуживал учителю в хижине, и он сказал: «Сегодня прибудет военачальник Хун Синь, посланный ко мне Сыном Неба с указом и курильницей для возжигания благовоний. Он взойдет на гору и попросит, чтобы я отправился в столицу для жертвоприношений и вознесения молитв всем святым о прекращении мора. Я сегодня же полечу на журавле ко двору императора». Теперь он, верно, уже в пути, – продолжал послушник, – в хижине вы его не найдете. Вам нет нужды ходить туда, потому что на горе много диких зверей и ядовитых змей и вы можете там погибнуть.

– Смотри, не ври! – пригрозил Хун Синь послушнику.

Но тот только рассмеялся и, снова заиграв на флейте, стал спускаться с горы. «Откуда этот мальчишка все знает? – подумал про себя Хун Синь. – Вероятно, сам небесный наставник послал его. И все так и есть, как он рассказывает. Надо бы взойти на гору, да только страшно, как вспомнишь те ужасы, от которых я только что чуть было не погиб... Нет, лучше мне спуститься вниз».

Хун Синь подобрал курильницу, отыскал тропинку, по которой пришел, и стал быстро спускаться с горы. Монахи проводили Хун Синя в келью настоятеля, и настоятель спросил его:

– Удалось вам повидать великого учителя?

– Я сановник, уважаемый при дворе императора, – отвечал Хун Синь, – как же могли вы послать меня на гору, где я чуть было не лишился жизни? Прежде всего на полпути мне повстречался тигр с белым пятном на лбу и с глазами навывкате и до смерти перепугал меня. Когда же я пошел дальше, то из зарослей бамбука выползла громадная пятнистая змея и, свернувшись кольцами, преградила мне дорогу. Если бы судьба не благоприятствовала мне, вряд ли довелось бы мне вернуться живым в столицу! И все это учинили вы, даосские монахи, чтобы посмеяться надо мной!

– Как посмели бы мы, смиренные монахи, проявить такое непочтение к вам, уважаемому сановнику? – возразил настоятель. – Все это были лишь испытания, посланные вам небесным наставником, и хоть на этой горе и водятся змеи и тигры, они не причиняют людям вреда.

– Я уже выбился из сил, – продолжал Хун Синь, – и все же карабкался на гору, как вдруг увидел послушника, который выехал из леса верхом на буйволе и играл на флейте. Когда он подъехал ближе, я спросил его, откуда он едет и знает ли он меня. Он ответил, что знает все, и сообщил мне, что небесный наставник еще утром сел на журавля и отправился в Восточную столицу. Вот почему мне пришлось вернуться обратно.

– Очень жаль, господин военачальник, что вы упустили такой случай, – опечалился настоятель. – Ведь пастушок и был сам великий учитель!

– Если это был великий учитель, так почему же он похож на самого простого, заурядного человека? – спросил Хун Синь. – Этот великий ученый – человек необыкновенный, – ответил настоятель. – Правда, он еще молод, но добродетели его несравненны. Он ни на кого не похож и в разных местах меняет свой облик. Проницательность учителя необычайна, и люди зовут его отцом всех мудрецов, постигших тайны великого дао.

– И как это я, имея глаза, не смог распознать небесного наставника? – сетовал Хун Синь. – Встретил его и не знал, кто передо мною!

– Успокойтесь, господин военачальник, – продолжал настоятель. – Если небесный наставник говорил о своем путешествии, то к вашему возвращению в столицу моления будут уже совершены.

Только после этих слов Хун Синь успокоился. Тут настоятель приказал устроить в честь военачальника торжественную трапезу, а указ велел положить в ларец для императорских писем и поставить ларец в храме, в главном приделе которого зажгли благовонные свечи из кладовых императора.

Трапеза состоялась в тот же день в келье настоятеля, куда было подано вино и различные постные кушания. Закончилась она только поздно вечером, и Хун Синь снова ночевал в монастыре.

На следующий день после завтрака Хун Синя посетили настоятель и монахи и пригласили его погулять с ними по горному склону. Хун Синь был очень рад этой прогулке. Вместе с ним отправилась и его свита. Шествие двинулось из кельи игумена; впереди в качестве проводников шли два послушника. Монахи и их гости обошли вокруг храма, наслаждаясь красотой горных пейзажей. Главный придел храма отличался неопишуемой роскошью. В левом крыле находились три придела: придел Девяти Небес, придел Императорской Пурпурной Звезды и придел Северной Звезды, а в правом – придел Изначального Духа, придел Неба, Земли и Воды и придел Изгнания Злых Духов.

Осмотрев приделы, они свернули вправо, и Хун Синь увидел неподалеку еще один храм со стенами цвета красного перца. Перед храмом высились две темно-красные решетки, двери же были крепко заперты, и на них висели замки величиной с человеческую ладонь. Замки были запечатаны десятью бумажными полосами, на которых стояло множество красных печатей. Под карнизом храма висела горизонтальная табличка красного цвета с золотой надписью: «Придел Покоренных Злых Духов».

– Что это за храм? – спросил Хун Синь у монахов.

– В этот храм заточили злых духов, усмирённых при небесных наставниках прошлых поколений, – отвечал настоятель.

– А почему на двери так много печатей? – спросил Хун Синь.

– Небесный наставник Танской династии Дун Сюань заточил Владыку злых духов, и после него каждый небесный наставник собственноручно прибавлял к уже имевшимся новую полоску бумаги, дабы воспретить будущим поколениям самовольно открыть эту дверь. Освобождение злых духов было бы необычайным бедствием. Сменилось уже девять поколений наставников, и все они приносили клятву в том, что не будут отпирать этот придел. Замки залиты расплавленной медью, и кто знает, что делается там внутри? Я, смиренный настоятель, уже более тридцати лет ведаю этим храмом, но знаю только то, что уже сообщил вам.

Выслушав настоятеля, Хун Синь очень изумился и подумал: «Я должен взглянуть на Владыку злых духов».

– Откройте, пожалуйста, дверь, я хочу увидеть, каков из себя этот Владыка, – сказал он настоятелю.

– Господин военачальник, – смиренно отвечал тот, – я никак не могу открыть храм. Наши небесные наставники запрещали это, повторяя, что никто из последующих поколений не смеет открывать эту дверь.

– Глупости! – засмеялся Хун Синь. – Вы выдумали, что здесь заперт Владыка злых духов, чтобы дурачить порядочных людей. Я читал множество книг, и нигде не говорилось о том, чтобы можно было заточить злых духов. Ведь духи и дьяволы живут в преисподней. Я не верю, что Владыка злых духов находится здесь. Открывайте быстрее, и я посмотрю, что там.

– Храм нельзя открывать, – упорно твердил настоятель. – Этим мы наделаем бед и причиним вред людям.

Тут Хун Синь рассвирепел и сказал монахам:

– Если вы не откроете мне дверь, я, возвратившись ко двору, доложу Сыну Неба, что вы, монахи, нарушили его высочайшее повеление, не дали мне зачитать его августейший указ и не дали увидеться с великим учителем. Еще я скажу, что вы тайно построили здесь храм и, делая вид, будто держите в нем Владыку злых духов, обманываете народ. Тогда у вас отберут монашеские свидетельства, заклеят и сошлют, – хлебнете вы горя!

Настоятель и монахи испугались. Им оставалось только позвать работников, и работники сорвали бумажные печати и сшибли молотом замок. Затем они толкнули дверь и проникли в храм, где было темно, как в пещере, и ничего не было видно.

Хун Синь приказал своим спутникам принести и зажечь факелы. Когда люди вошли в храм и осветили все углы, там не оказалось ничего, кроме каменной плиты вышиной в пять-шесть чи¹¹, стоявшей в самом центре. Под ней обнаружили каменную черепаху, которая уже наполовину вросла в землю. Когда к плите поднесли факелы, то на лицевой ее стороне отчетливо выступило изречение, заимствованное из священной книги и написанное древними хвостатыми письменами, понять которые не мог ни один из присутствовавших. Осмотрев обратную сторону, они увидели на ней надпись: «Придет Хун и откроет».

Увидев эти иероглифы, Хун Синь обрадовался и сказал настоятелю:

– Вы хотели помешать мне, но случилось так, что еще несколько веков назад здесь был поставлен мой фамильный знак. Слова «Придет Хун и откроет» заставляют меня выяснить, почему вы препятствовали мне? Я полагаю, что под этой плитой и спрятан Владыка злых духов. Эй, монахи! Позовите-ка еще работников, и пусть они захватят мотыги и железные лопаты и копают здесь.

– Господин военачальник, – в страхе сказал настоятель, – вы не должны трогать этот камень, иначе, боюсь, будет беда, и вы принесете людям много зла. Опасность велика!

– Да что вы, монахи, понимаете! – закричал разгневанный Хун Синь. – Здесь ясно сказано, что именно я должен поднять эту плиту. Как же смеее вы препятствовать мне? Сию минуту пришлите сюда людей, и пусть они поднимут плиту!

– Боюсь, будет беда, – твердил настоятель.

Но Хун Синь и слушать его не хотел. Он собрал работников, и они сначала отвалили каменную плиту, а потом, потратив немало усилий, сдвинули каменную черепаху; прошло много времени, прежде чем они смогли поднять ее. Копая дальше и вырыв яму в четыре чи глубиной, они увидели большую плиту из темного камня, площадью не менее десяти квадратных чи. Хун Синь приказал поднять эту плиту, хотя настоятель умолял не трогать ее.

Но Хун Синь уже не обращал на него внимания. Работники подняли большой камень и, заглянув под него, увидели пропасть в десять тысяч чжан¹² глубиной. Из этой пропасти доносился гул, подобный сильным раскатам грома. Затем гул прекратился, вверх взвилась черная туча, которая ударилась в своды храма и, пробив их, вырвалась наружу и заполнила собой все небо. Затем черная туча разделилась на сотню золотых облаков, и они разлетелись во все стороны.

Люди пришли в ужас, закричали от страха и, отбросив мотыги и железные лопаты, бросились вон, на бегу опрокидывая друг друга. А Хун Синь так перепугался, что потерял дар речи и не знал, что ему делать. От страха лицо его стало серым, как земля. Выскочив на веранду, он увидел здесь настоятеля, который горестно причитал.

– Что это за духи? – спросил Хун Синь.

¹¹ Чи – мера длины, равная 0,32 м.

¹² Чжан – мера длины, равная 3,2 м.

– Господин военачальник, – отвечал настоятель. – Наш древний предок, небесный наставник Дун Сюань, оставил после себя завещание, которое гласило: «В этом храме заточены тридцать шесть духов больших небесных созвездий и семьдесят два духа малых земных созвездий, а всего сто восемь повелителей злых духов. Они придавлены каменной плитой, на которой старинными письменами вырезаны их прозвища. Если их выпустить на волю, много будет от них зла людям». Что же делать теперь, когда вы, господин военачальник, освободили их?

Когда Хун Синь услышал это, все его тело покрылось холодным потом и он задрожал. Созвав приехавшую с ним свиту, он спустился с горы и поспешил обратно в столицу. Мы не будем распространяться о том, как монахи, проводив Хун Синя, возвратились в монастырь, починили в храме все повреждения и водрузили каменную плиту на прежнее место.

Вернемся теперь к военачальнику Хун Синю, который по дороге в столицу велел своей свите никому не рассказывать о выпущенных духах, опасаясь жестокого наказания от Сына Неба. О том, что было у Хун Синя в пути, мы рассказывать не будем. Путники не делали привалов и быстро вернулись в столицу. Там они услышали, что люди говорили: «Небесный наставник семь дней и семь ночей совершал богослужения во дворце императора. Он написал и повсюду разослал заклинания и молил духов о том, чтобы спасти людей от мора. Теперь мор прекратился и наступил мир. Совершив все это, небесный наставник распростился с Сыном Неба; сев на журавля, он исчез в облаках и вернулся на Гору Тигров и Драконов».

На следующее утро военачальник Хун Синь предстал перед Сыном Неба и почтительно доложил:

– Великий учитель раньше меня прибыл в столицу потому, что летел на журавле и на облаках, а я и мои спутники следовали по дороге перегон за перегонем и только что прибыли сюда.

Император признал его заслуги, наградил и восстановил в прежней должности. Но об этом мы также говорить больше не будем.

Император Жэнь-цзун царствовал в течение сорока двух лет, после чего скончался. И так как у него не было наследника, трон перешел к приемному сыну князя И из Пуаня, который всего лишь по женской линии приходился внуком первому императору правившей династии. Он правил четыре года под девизом Ин-цзун¹³, после чего трон перешел к его сыну Шэнь-цзуну, который управлял страной в течение восемнадцати лет и передал власть Чжэ-цзуну¹⁴. Все эти годы в Поднебесной царил мир и страна не знала никаких бедствий.

...Но подождите! Если в те времена повсюду и вправду царил мир, то о чем же тогда написана эта книга? Имейте терпение, читатель! Ниже пойдет речь о тридцати шести духах больших созвездий, опустившихся на землю, и о семидесяти двух духах созвездий, пришедших к людям.

Стал прибежищем тигров и барсов
В эти дни Ван-цзы-чэн отдаленный.
В тихих заводях грозною стаей
Собрались водяные драконы.

Если вы хотите знать, как все это произошло, прочитайте последующие главы.

¹³ Ин-цзун – годы правления – 1064—1068.

¹⁴ Чжэ-цзун – годы правления – 1086—1101.

Глава вторая

Учитель фехтования Ван тайком отправляется в город Яньань. Ши Цзинь учиняет буйство в своей усадьбе



Предание гласит, что во времена династии Сун, в период правления императора Чжэ-цзуна, много лет спустя после кончины императора Жэнь-цзуна, в Восточной столице жил молодой повеса и бездельник по фамилии Гао. Был он вторым сыном в семье и с юных лет не имел склонности ни к полезным занятиям, ни к семейной жизни. Впрочем, он искусно владел копьем и палицей и особенно хорошо играл в ножной мяч. Столичные жители наделяют людей меткими кличками, поэтому молодого человека называли не так, как полагалось бы – Гао-эр, что значит Гао второй, а Гао Цю, что означает Гао мяч. С годами это прозвище стало его собственным именем.

Гао Цю играл на духовых и струнных инструментах, умел петь и плясать, фехтовал, боролся, жонглировал, сочинял стихи и песнопения. Что же касается высоких моральных качеств – любви к людям, справедливости, благопристойности, мудрости, верности, благородства поведения, преданности и совести, – то ими он похвастать не мог. Гао Цю знал со вся-

кими бездельниками в городе и в предместьях. Он завязал дружбу с приемным сыном одного богача и ежедневно транжирил его деньги в различных притонах.

Отец этого молодого человека подал жалобу в суд. Судья приговорил Гао Цю к двадцати палочным ударам и высылке в отдаленные места, а также строжайше запретил жителям столицы принимать его в своих домах и кормить. Гао Цю пришлось оставить столицу, и он отправился в город Линьхуай, что к западу от реки Хуай, и там нашел приют у содержателя игорного дома по имени Лю Ши-цюань. Всю свою жизнь этот Лю окружал себя разного рода пройдохами, которые стекались к нему со всех сторон, кормил и содержал их. Вот Гао Цю и нашел себе приют у этого Лю и прожил у него три года.

В скором времени Сын Неба, император Чжэ-цзун, посетивший южные владения и весьма довольный своей поездкой, объявил помилование всем преступникам. Гао Цю, живший в то время в Линьхуае, тоже получил прощение и решил вернуться в Восточную столицу.

У картежника Лю Ши-цюаня был в Восточной столице родственник, аптекарь Дун Цзян-ши, торговавший лекарственными снадобьями около Золотого моста. Лю Ши-цюань одарил Гао Цю, дал ему немного денег, вручил письмо к этому аптекарю и наказал по приезде в столицу обратиться к Дун Цзян-ши и остановиться у него в доме. Гао Цю простился с Лю Ши-цюанем и, взвалив свой узел на спину, отправился в Восточную столицу. Там он сразу зашел к аптекарю Дуну у Золотого моста и передал ему письмо своего приятеля. Взглянув на Гао Цю и прочитав письмо, Дун Цзян-ши стал раздумывать: «Что мне делать с этим молодчиком? Будь он порядочным и честным человеком, можно было бы ввести его в свою семью и поручить ему обучение детей. Но ведь он якшался с бездельниками и не заслуживает никакого доверия, и, кроме того, совершил преступление и был выслан. А ведь известно, как трудно избавиться от застарелых привычек. Если я оставлю его в своей семье, он испортит моих детей, если же я не приму его – обижу моего родственника».

В конце концов ему пришлось сделать вид, что он очень рад Гао Цю, и на первое время оставить его у себя. Гао Цю прожил у аптекаря более десяти дней, и каждый день хозяин угощал его вином и различными яствами. Наконец Дун Цзян-ши нашел выход. Он подарил Гао Цю новую одежду, написал письмо и сказал:

– Светильник в моем скромном доме слишком слаб, чтобы освещать ваш жизненный путь. Боюсь, что, живя у меня, вы обманетесь в своих надеждах, и потому я хочу рекомендовать вас в дом одного ученого по имени Су. Со временем вы сможете там прославиться. Что вы думаете об этом?

Гао Цю это предложение очень понравилось, и он поблагодарил Дун Цзян-ши. Аптекарь вручил письмо своему слуге с приказом проводить Гао Цю в дом ученого Су. Привратник доложил хозяину дома, и тот вышел навстречу гостю. Узнав из письма, кто такой Гао Цю и каково его прошлое, он подумал: «Что же я буду с ним делать? Может быть, все-таки помочь ему?.. Я пошлю его в дом императорского конюшего Ван Цзинь-цина, пусть он возьмет этого молодца в свою свиту. Конюшего считают большим сановником и говорят, что он любит людей такого сорта».

Рассудив так, ученый Су тут же написал Дуну ответ и оставил гостя у себя на ночлег. А на следующий день он составил письмо и приказал своему слуге проводить Гао в дом императорского конюшего. Конюший был женат на сестре императора Чжэ-цзуна и приходился зятем императору Шэнь-цзуну. Он питал слабость к людям, подобным Гао Цю, и приближал их к себе. Молодой человек понравился ему с первого взгляда. Он тотчас написал ответ ученому и оставил Гао Цю в своей свите. Так счастье улыбнулось Гао Цю, и он стал в доме сановника своим человеком.

Древняя мудрость гласит: «Разлука делает людей чужими, совместная жизнь людей сближает».

Однажды в день своего рождения императорский конюший приказал устроить пир в честь своего шурина князя Дуаня, одиннадцатого сына императора Шэнь-цзуна и младшего брата императора Чжэ-цзуна. Князь Дуань был способным человеком и известным кавалером. Он хорошо знал таких людей, как Гао Цю, и их образ жизни ему нравился. Нет надобности упоминать о том, что князь Дуань умел играть на духовых и струнных инструментах, увлекался шашками, был прекрасным каллиграфом, недурно рисовал, пел и танцевал, а также был отличным игроком в мяч.

Стол во дворце конюшего был уставлен изысканными яствами. Хозяин попросил своего гостя князя Дуаня занять почетное место, а сам сел против него, чтобы составить ему компанию. После того как им дважды поднесли угощение и они выпили по несколько чашек вина, князь Дуань встал из-за стола, вытер руки, а затем прошел в библиотеку, чтобы немного отдохнуть. В библиотеке на письменном столе он увидел два пресса для бумаги в виде львов, вырезанных из белой яшмы. Львы были прекрасно выточены, изящны и красивы. Князь Дуань взял их и сказал, любуясь:

– Какие красивые вещицы.

Видя, что яшмовые львы понравились князю, конюший тотчас же ответил:

– У меня имеется еще подставка для кисточек в виде дракона, выполненная тем же мастером. Ее здесь нет сейчас, но завтра ее принесут, и я пошлю вам весь прибор.

Князю Дуаню были приятны слова конюшего, и он сказал:

– Благодарю тебя. Я полагаю, подставка для кисточек выполнена еще искуснее?

– Завтра мне принесут эту подставку, – повторил конюший, – и весь прибор будет доставлен вам во дворец. Тогда вы сами сможете судить, какова она.

Князь Дуань еще раз поблагодарил хозяина, и они возвратились в зал, где пировали до позднего вечера, и разошлись, когда уже изрядно выпили. Князь Дуань отбыл к себе во дворец.

На другой день конюший уложил оба пресса из белой яшмы и подставку для кисточек в маленькую золотую шкатулку, завернул ее в желтый шелк, приложил почтительное письмо и приказал Гао Цю отнести все это князю. Гао Цю, взяв шкатулку и спрятав письмо за пазуху, отправился во дворец князя Дуаня и попросил привратника доложить о нем. Вскоре вышел приближенный князя и спросил Гао Цю:

– Откуда вы прибыли?

Гао Цю с поклоном ответил:

– Ваш покорный слуга прибыл из дворца главного конюшего. Я послан со специальным поручением передать князю эти подарки.

Тогда приближенный сказал:

– Князь Дуань сейчас во внутреннем дворе, он играет с детьми в мяч. Пройдите туда.

Гао Цю учтиво обратился к приближенному:

– Не будете ли вы любезны указать мне дорогу? Приближенный проводил Гао Цю до ворот внутреннего двора, и Гао Цю увидел там князя Дуаня. На голове князя была мягкая шелковая повязка, а сам он был в халате, расшитом фиолетовыми драконами, и опоясан двойным поясом – военным и гражданским. Полы его халата были подоткнуты за пояс. На ногах у него были сапоги, расшитые золотыми фениксами. Он играл с детьми в мяч.

Гао Цю, не осмеливаясь нарушать игру, остановился позади свиты.

И счастье снова улыбнулось Гао Цю. Мяч подскочил высоко над землей, и князь Дуань не сумел его поймать. Тогда Гао Цю, заметив, что мяч летит в его сторону, набрался смелости и, выкинув вперед ноги наподобие ножниц, направил мяч прямо князю Дуаню. Князь был приятно поражен.

– Кто ты такой? – спросил он.

Гао Цю выступил вперед, встал на колени и сказал:

– Ваш нижайший слуга состоит в свите императорского конюшего. Приказанием своего господина я удостоился чести доставить вам, высокочтимый князь, изделия из яшмы, которые мой хозяин посылает вам вместе с этим письмом.

Выслушав почтительную речь Гао Цю, князь Дуань произнес, улыбнувшись:

– Как, однако, внимателен мой шурин!

Гао Цю вручил князю письмо и подарок. Князь открыл шкатулку и, полюбовавшись красивыми вещицами, передал их одному из своих приближенных. Затем, тотчас же забыв о них, обратился к Гао Цю:

– Ловко подбрасываешь мяч! Как тебя зовут?

Сложив ладони, как того требовал этикет, и низко склонившись, Гао Цю ответил:

– Вашего покорного слугу зовут Гао Цю. Иногда я забавляюсь игрой в мяч.

– Отлично, отлично! – воскликнул князь Дуань. – Выходи на площадку и покажи свое искусство еще разок!

В ответ Гао Цю снова поклонился до земли:

– Я слишком маленький человек, чтобы осмелиться играть вместе со все милостивейшим князем.

– Здесь мы все игроки в мяч, – ответил князь Дуань, – и все равны. Подбрось мяч еще раз, ничего с тобой не случится! Гао Цю, продолжая кланяться, почтительно повторял:

– Не смею, не смею...

Он упорно отказывался, но князь Дуань продолжал настаивать, и Гао Цю, не переставая кланяться, вынужден был согласиться. Размяв ноги, он вышел на площадку и несколько раз высоко подбросил мяч. Князь шумно выразил свой восторг. Тогда Гао Цю постарался показать ему свое мастерство в полном блеске.

Это было поистине красивое зрелище. Гао Цю перекачивал мяч вокруг себя так искусно, что казалось, будто мяч живой и сам цепляется на него. Князь Дуань был в таком восхищении, что не захотел отпустить Гао Цю домой и оставил его во дворце на всю ночь. На следующий день он устроил пиршество, на которое пригласил своего шурина.

А теперь обратимся к конюшему. Видя, что Гао Цю не возвращается, он усомнился в его честности. На следующий день, когда ему доложили, что князь Дуань прислал гонца с приглашением на пир, конюший тотчас сел на коня и поехал в княжеский дворец. Там он спешился, прошел во внутренние покои и предстал перед князем Дуанем. Князь был весел и поблагодарил шурина за яшмовые вещицы.

Во время пира князь Дуань сказал:

– Оказывается, твой Гао Цю искусно подкидывает мяч обеими ногами! Мне очень хочется, чтобы этот человек состоял при мне. Что ты на это скажешь?

Конюший ответил:

– Если вы, милостивейший князь, желаете, чтобы он служил у вас, так оставьте его у себя.

Князь Дуань был весьма обрадован ответом шурина и на радостях выпил с ним еще чашку вина. Затем они побеседовали немного. А когда наступил вечер и пирушка кончилась, конюший отправился домой. На этом дело и закончилось.

После того как князь Дуань оставил Гао Цю в своей свите, тот стал жить во дворце и неотлучно находился при княжеской особе.

Не прошло и двух месяцев, как скончался император цзун. Наследника у него не было, и все военные и гражданские должностные лица, собравшись на совет, избрали императором князя Дуаня, присвоив ему имя Хуэй-цзун¹⁵.

После провозглашения Дуаня императором, Гао Цю по-прежнему оставался его приближенным. Однажды Сын Неба сказал Гао Цю:

¹⁵ Хуэй-цзун – годы правления – 1101—1126.

– Я желаю, чтобы ты занял более высокое положение. Правда, для этого нужно иметь какие-нибудь военные заслуги. Для начала я прикажу государственному тайному совету занести тебя в списки императорской свиты.

Спустя полгода Гао Цю был назначен начальником дворцовой стражи. Получив повеление о назначении, он выбрал счастливый день для вступления в должность. Все его новые подчиненные – чиновники и старшие писцы, начальники охранных войск столицы, инспекторы войск, конные и пешие отряды – прибыли поздравить Гао Цю. Подчиненные держали в руках свои послужные списки с собственноручными подписями, и Гао Цю лично проверял каждый список. Из подчиненных отсутствовал только один – учитель фехтования Ван Цзинь, состоявший при дворцовых войсках. За полмесяца до этого события он заболел, о чем и представил своевременно бумагу, и так как до сих пор не поправился, то исполнять свою должность не мог.

Обнаружив его отсутствие, Гао Цю разгневался и грубо накричал на чиновника, доложившего ему о болезни Ван Цзиня.

– Вздор! Осмелился прислать бумагу, вместо того чтобы явиться самому! Разве это не пренебрежение к начальнику и не уклонение от службы под предлогом болезни? Доставить его ко мне сейчас же!

И он послал стражников к Ван Цзиню, чтобы привести его силой.

Теперь следует сказать несколько слов о Ван Цзине. Он не был женат, и была у него только старая мать, которой было уже за шестьдесят.

Явившись к учителю фехтования, стражники сказали ему:

– Гао Цю сегодня вступил в должность, и у него на приеме были все подчиненные. На месте не оказалось только вас. Начальник личной канцелярии доложил, что вы прислали донесение о своей болезни и находитесь дома. Но господин Гао Цю не поверил тому, что вы больны. Он сильно разгневался и требует, чтобы вы были доставлены во дворец. Гао Цю полагает, что вы притворяетесь больным и скрываетесь дома. Для вас нет иного выхода, как немедленно явиться к нему. Если вы не пойдете, то мы будем наказаны.

Услышав это, Ван Цзинь понял, что, несмотря на свою болезнь, должен повиноваться. Он отправился во дворец и представился Гао Цю. Сделав четыре поклона и склонившись перед ним, Ван Цзинь произнес приветствие и отступил в сторону. Гао Цю заносчиво спросил:

– Эй ты! Не сын ли ты Ван Шэна, бывшего учителя фехтования при войске?

Ван Цзинь почтительно ответил:

– Ваш покорный слуга и есть тот, о ком вы говорите.

Тогда Гао Цю закричал на него:

– Негодяй! Твой дед был уличным торговцем лекарственными снадобьями и свое умение владеть оружием показывал лишь для того, чтобы заманить покупателей. Что ты понимаешь в военном искусстве? Где были глаза у моего предшественника, когда он назначал тебя учителем фехтования? Ты осмелился пренебречь мною и не явился на прием! И ты думаешь отсидеться дома под предлогом болезни?

Ван Цзинь отвечал:

– Ваш нижайший слуга, конечно, не осмелился бы остаться дома, если бы действительно не был болен. Я и теперь еще не вполне здоров.

– Бездельник! – крикнул Гао Цю. – Если ты в самом деле болен, так как же ты смог сейчас прийти сюда?

На это Ван Цзинь ответил ему:

– Когда начальник посылает за мной, я должен явиться.

Но взбешенный Гао Цю отдал приказ:

– Взять его и избить как следует!

Большинство военных начальников были друзьями Ван Цзиня, и один из них, приблизившись к Гао Цю, сказал:

– Сегодня день вашего вступления в должность, и я прошу вас простить его по этому случаю.

Тогда Гао Цю крикнул Ван Цзиню:

– Ладно, злодей! Сегодня я прощаю тебя. Но завтра тебе будет худо!..

Ван Цзинь поклонился и признал себя виновным. Подняв голову, он посмотрел на Гао Цю и только теперь узнал, кто это. Выйдя на улицу, он тяжело вздохнул и подумал:

«Теперь я погиб! Не знал я, кого назначили начальником дворцовой стражи! Кто бы мог подумать, что это бездельник Гао-эр? Когда он еще учился фехтовать, мой отец однажды так стукнул его, что он свалился и проболел три или четыре месяца... С тех пор он затаил в своем сердце злобу и жажду мести. А ныне он занимает высокую должность начальника дворцовой стражи, и теперь он отомстит за себя! Никогда не думал я, что буду служить под его началом. Издавна говорится: «Не бойся чиновника, бойся его власти». Как могу я с ним тягаться и что мне теперь делать?»

В большой печали вернулся он домой и рассказал обо всем матери. Оба они заплакали. Потом мать сказала:

– Сын мой! «Из всех ходов в игре самый лучший – бежать от игры». Боюсь только, что бежать тебе некуда.

Тогда Ван Цзинь произнес:

– Ты права, матушка! Но вот у меня есть такая мысль. В Янь-ане, у старого Чуна, начальника пограничной стражи, есть на службе военные, которые в свое время бывали у нас в столице и хорошо знают, как я искусен в фехтовании. Уедем к ним. Опытные люди там нужны, и там-то мы сможем спокойно обосноваться.

Так они и решили. Затем мать сказала:

– Я, конечно, должна бежать с тобой. Но я боюсь стражников, которых поставили у наших дверей. Если они догадаются, что мы задумали, бежать нам не удастся.

Ван Цзинь ответил:

– Ничего, матушка! Не бойся! Я сумею их провести!

Уже смеркалось, когда Ван Цзинь пригласил к себе одного из стражников, по имени Чжан, и сказал ему:

– Скорее ужинай, я хочу дать тебе поручение.

Чжан спросил:

– Куда угодно господину учителю послать меня?

– Во время моей болезни, – сказал Ван Цзинь, – я дал обет пойти по выздоровлении в храм у ворот Суаньцао и возжечь там жертвенные свечи. Завтра утром я хочу быть в этом храме первым. Ты отправишься туда сегодня вечером и скажешь служителю, чтобы он открыл ворота пораньше и дождался меня. Приготовь для жертвоприношений рыбу, курицу и голову свиньи. Переночуй в храме и жди меня там.

Недолго думая, Чжан согласился; он наскоро поужинал, взял все, что приказал ему Ван Цзинь, и отправился в храм.

Ночью мать и сын уложили ценности, шелковые одежды и серебро в большой узел и два седельных вьюка. На рассвете Ван Цзинь разбудил второго стражника по имени Ли и сказал ему:

– Возьми деньги, отправляйся в храм и вместе с Чжаном приготовь все для жертвоприношений. Будьте наготове и ждите меня. Я куплю благовонные свечи и жертвенные деньги и приду вслед за тобой.

Ли поклонился и отправился в храм.

Ван Цзинь сам оседлал лошадь и крепко приторочил вьюки к седлу. Затем он вывел лошадь через задние ворота и помог матери взобраться в седло. Мебель и громоздкие вещи остались в доме. Закрыв передние и задние ворота на замок, Ван Цзинь взвалил узел на спину

и пошел позади лошади. Час был ранний, еще не рассвело, и мать и сын через Западные ворота столицы потихоньку вышли на дорогу, ведущую в Яньань.

А теперь расскажем, что произошло с двумя стражниками. Они купили еду и приготовили жертвенные блюда и стали ждать своего начальника в храме, как им было велено. Наступил полдень, но никто не появлялся. Стражник Ли встревожился и решил вернуться в дом Ван Цзиня. Там он увидел, что все ворота закрыты на замок и в доме никого нет. Ли долго искал хозяев, но так никого и не нашел. День клонился к вечеру, и у второго стражника, оставшегося в храме, тоже возникли подозрения. Он тоже поспешно вернулся в дом Ван Цзиня и вместе с Ли обшаривал его до самых сумерек. Стемнело, однако ни мать, ни сын домой не пришли. На следующий день оба стражника обошли всех родственников Ван Цзиня, но так и не нашли его.

Боясь навлечь на себя беду, стражники решили, что им остается только отправиться к начальнику дворцовой стражи и доложить ему, что Ван Цзинь бросил свой дом и скрылся с матерью неизвестно куда.

Услышав это, Гао Цю рассвирепел и закричал:

– Сбежал, мерзавец!

Он тут же велел разослать по всем городам приказ о поимке и аресте беглого военного Ван Цзиня. Стражники, поскольку они сами сообщили об исчезновении Ван Цзиня, наказаны не были. О них говорить больше не будем и поведем рассказ о дальнейшей судьбе Ван Цзиня и его матери.

Покинув столицу, мать и сын терпели всевозможные лишения, голод и жажду. Больше месяца они провели в дороге, на ночь останавливались, с рассветом снова пускались в путь. Однажды вечером Ван Цзинь, шагая с узлом на плечах за лошадью, на которой ехала мать, произнес:

– Небо нам покровительствует, мы не попали в сети, раскинутые для нас. Отсюда уже недалеко до Яньаня. Если Гао Цю и послал своих людей схватить меня, они уже не могут этого сделать.

Мать и сын были так обрадованы, что не заметили, как миновали постоялый двор, где должны были переночевать. Они все шли и шли, не зная, где остановиться на ночь, и вдруг увидели мерцающий вдали огонек. Ван Цзинь воскликнул:

– Вот хорошо! Мы пойдем туда, извинимся перед хозяевами и попросим пустить нас на ночлег, а завтра чуть свет отправимся дальше.

Они свернули в лес, осмотрелись и увидели большую усадьбу, окруженную глинобитной стеной, вокруг которой росли сотни три ив. Ван Цзинь подошел к усадьбе и долго стучал в ворота. Наконец появился слуга. Ван Цзинь, опустив на землю свою ношу, учтиво поклонился.

Слуга спросил:

– Что привело вас в нашу усадьбу?

Ван Цзинь отвечал:

– Скажу вам всю правду. Мы с матерью идем издалека. Сегодня мы хотели пройти больше, чем обычно, и не заметили, как миновали постоялый двор. Так мы и попали сюда. Впереди не видно селения, и поблизости нет заезжего двора. Вот мы и хотели просить разрешения переночевать в вашей усадьбе, а завтра утром двинуться в путь. За ночлег мы заплатим. Очень просим вас не отказать в приюте.

Слуга сказал:

– Что ж, подождите, пока я спрошу своего господина. Если он разрешит, вы, конечно, сможете здесь переночевать.

– Хорошо, – произнес Ван Цзинь. – Пожалуйста, доложите хозяину.

Работник ушел и долго не возвращался; вернувшись, он сказал:

– Господин приглашает вас к себе.

Ван Цзинь помог матери сойти на землю, взял свой узел и, ведя лошадь под уздцы, прошел за слугой во двор. Здесь он сложил свои тюки и привязал лошадь к иве. Затем путники вошли в дом, где увидели хозяина усадьбы.

Хозяину было за шестьдесят, у него были седые волосы и усы. На голове он носил стеганую теплую шапку, а одет был в широкий халат с черным шелковым поясом; обут он был в сапоги из дубленой кожи. Увидя его, Ван Цзинь низко поклонился, на что хозяин поспешно сказал:

– Что вы, что вы! Оставьте церемонии... Вы – путники и испытали много трудностей и лишений. Прошу вас, садитесь!

После взаимных приветствий мать и сын сели; тогда хозяин усадьбы осведомился:

– Откуда вы держите путь и как оказались здесь в столь поздний час?

На это Ван Цзинь ответил:

– Имя вашего покорного слуги – Чжан, родом я из столицы. Я разорился, дела мои пришли в упадок, и мне осталось только отправиться к своим родственникам в Яньань. Торопясь прибыть на место, мы с матушкой не заметили, как миновали постоянный двор, и остались без ночлега. Просим разрешения провести эту ночь под вашей кровлей. На рассвете мы отправимся дальше. А за ночлег уплатим, что положено.

– Об этом не беспокойтесь, – сказал старый хозяин. – Ведь известно, что, отправляясь путешествовать, не берут с собой крышу. Вероятно, вы и ваша достойная мать еще не ужинали? – И, обратившись к слугам, он приказал накрыть на стол.

Вскоре в зале был приготовлен ужин. Слуга поставил перед путниками поднос с четырьмя овощными блюдами и одним мясным. Усадив гостей за стол, хозяин налил вина в чашки и сказал:

– В нашей деревенской глуши нет изысканных кушаний, поэтому прошу не осуждать меня за скромное угощенье.

Ван Цзинь встал и, поблагодарив хозяина, произнес:

– Мы – маленькие люди, к тому же доставили вам неожиданные хлопоты и даже не можем отблагодарить вас за гостеприимство.

– Не говорите так, – сказал старый хозяин. – Прошу вас, ешьте и пейте без стеснения.

Уступая просьбам хозяина, Ван Цзинь выпил несколько чашек вина, после чего слуга подал рис. Когда ужин окончился и со стола было убрано, хозяин усадьбы сам повел мать и сына в отведенную им комнату. Ван Цзинь обратился к нему:

– Я почтительно прошу вас приказать слугам накормить лошадь, на которой ехала моя мать. Завтра я за все расплачусь.

– Пожалуйста, не беспокойтесь об этом, – отвечал хозяин. – В моем доме есть мулы и лошади, и корм у нас найдется. – Он тут же приказал слуге отвести лошадь Ван Цзиня в конюшню и дать ей корму.

Еще раз поблагодарив хозяина, Ван Цзинь взял свой узел и вошел в комнату для гостей. Слуга зажег лампу и принес кувшин горячей воды, чтобы путники могли обмыть ноги. Старый господин удалился во внутренние покои, а Ван Цзинь, вежливо поблагодарив слуг, отпустил их и закрыл двери. Мать и сын постлали постели и заснули.

Наступило утро, но гости не выходили. Проходя мимо их комнаты, хозяин услышал стон и окликнул:

– Почтенные гости! Уже рассвело! Вы еще не проснулись?

Услышав эти слова, Ван Цзинь поспешно вышел к нему и приветствовал его почтительным поклоном. Затем Ван Цзинь сказал:

– Ваш нижайший слуга давно уже на ногах. Мы доставили вам столько хлопот... Нам очень неловко...

Вместо ответа хозяин спросил:

– А кто же это стонет в вашей комнате?

– Не смею скрывать от вас, – отвечал Ван Цзинь. – Это стонет моя старая мать. Она слишком устала от езды на лошади, и ночью у нее заболело сердце.

– В таком случае, – сказал хозяин, – вам не следует торопиться. Пусть ваша матушка поживет здесь несколько дней. У меня есть рецепт лекарства от сердечной боли, я пошлю за ним слугу в город, и вы дадите это лекарство вашей матушке. Пусть она немного отдохнет здесь и поправится.

Ван Цзинь сердечно поблагодарил хозяина усадьбы.

Ван и его мать прожили в поместье несколько дней. Больная принимала лекарство и вскоре совсем окрепла. Тогда Ван Цзинь собрался в дорогу. В день, назначенный для отъезда, он пошел в конюшню взглянуть на свою лошадь. На открытой площадке перед конюшнями он увидел молодого человека, тело которого до пояса было татуировано ярко-голубыми драконами. На вид юноше было не больше девятнадцати лет; лицо его, широкое и круглое, походило на серебряный поднос. В руке юноша держал палицу и упражнялся в фехтовании.

Ван Цзинь долго и задумчиво наблюдал за ним и неожиданно для себя громко произнес:

– Он не плохо фехтует, но у него есть недостатки, которые помешают ему стать хорошим фехтовальщиком.

Услышав эти слова, юноша очень рассердился и крикнул:

– Кто ты такой, что берешься судить о моих способностях? Меня учили знаменитые мастера фехтования, и я не верю, что они фехтовали хуже тебя. Давай-ка сразимся!

В это время подошел владелец усадьбы и сурово прервал юношу:

– Нельзя быть таким неучтивым.

Но тот сказал:

– Я не позволю этому проходимцу издеваться над моим мастерством в фехтовании.

– Почтенный гость, – обратился к Ван Цзиню хозяин, – вы, очевидно, тоже умеете фехтовать?

– Да, немного фехтую, – отвечал Ван Цзинь. – Осмелюсь ли спросить, кто этот юноша?

– Это мой сын, – произнес хозяин.

– Если он ваш сын, – продолжал Ван Цзинь, – и если он желает изучить мастерство фехтования в совершенстве, я буду рад помочь ему избавиться от ошибок.

– Это было бы очень хорошо, – сказал старик и приказал юноше приветствовать Ван Цзиня как своего учителя.

Но юноша наотрез отказался выполнить приказание отца и, еще более распалившись, закричал:

– Отец, не слушай вздорных речей этого проходимца. Вот если он в поединке со мной одержит победу, тогда я поклонюсь ему как учителю!

На это Ван Цзинь отвечал:

– Молодой человек, если вы согласны, я готов померяться с вами силами. Посмотрим, кто победит...

Тогда юноша встал в центре круга и, подняв палицу, начал вращать ею, как ветер вращает крылья ветряной мельницы. Он крикнул, обращаясь к Ван Цзиню:

– А ну-ка, попробуй подойти! Будь я презренным трусом, если испугаюсь тебя!

Ван Цзинь посмотрел на юношу и улыбнулся, но не сделал ни одного движения. Тогда отец юноши воскликнул:

– Нашему почтенному гостю следовало бы хорошенько проучить этого самоуверенного упряма. Прошу вас, сразитесь с ним, если это вам не трудно!

Продолжая улыбаться, Ван Цзинь произнес:

– Я боюсь причинить какой-нибудь вред вашему сыну. Это было бы с моей стороны неблагодарностью.

– Не беспокойтесь об этом! Если вы даже переломаете ему руки и ноги, он получит только то, что заслужил...

– В таком случае заранее прошу прощения! – отозвался Ван Цзинь. С этими словами он подошел к подставке, на которой было развешено оружие. Выбрав себе палицу, он вышел на площадку и отсалютовал. Тогда юноша ринулся на Ван Цзиня. Тот отскочил. Вращая палицей, юноша бросился за ним. Ван Цзинь обернулся и, замахнувшись, сделал ложный выпад. Юноша прикрылся своей палицей, но Ван Цзинь не ударил его, а только слегка толкнул его палицей в грудь, и этого толчка было достаточно, чтобы юноша выронил оружие и упал навзничь.

Быстро отбросив свою палицу, Ван Цзинь поспешил к молодому человеку, помог ему встать и сказал:

– Не сердитесь на меня!..

А юноша, вскочив на ноги, принес скамью, стоявшую в стороне, силой усадил на нее Ван Цзиня и, низко поклонившись ему, произнес:

– Я зря прошел через руки нескольких учителей, у меня нет и частицы вашего искусства. Учитель мой, я могу только обратиться к вам с почтительной просьбой передать мне ваше умение.

На это Ван Цзинь отвечал:

– Вот уже несколько дней, как мы с матерью беспокоим вас своим присутствием; мы не знали, чем отплатить за оказанное нам гостеприимство. Поэтому обучить вас я считаю своим долгом.

Владелец усадьбы был очень обрадован таким исходом дела; он приказал сыну одеться, и они втроем возвратились в зал для гостей. Хозяин велел слугам зарезать барана и приготовить угощение с вином, фруктами и сладостями. Не забыл он пригласить на пиршество и мать Вань Цзиня.

Когда они вчетвером сели за стол, старый хозяин встал и пригласил всех выпить вина. Обращаясь к Ван Цзиню, он сказал:

– Судя по вашему высокому искусству, дорогой друг, вы, несомненно, являетесь учителем фехтования. Мой сын не мог даже оценить ваше мастерство, подобно тому как некоторые не замечают гору Тайшань, находясь у ее подножья.

Ван Цзинь промолвил с улыбкой:

– Пословица говорит: «Не бойся обмануть людей злых, но не вводи в заблуждение людей добрых». Моя фамилия вовсе не Чжан. Я – главный учитель фехтования при восьмисоттысячном дворцовом войске в Восточной столице. Имя мое Ван Цзинь. Копье и фехтовальная палица всегда были спутниками моих дней. Ныне начальником войска назначен некий Гао Цю, которого мой покойный отец когда-то победил в поединке. Сейчас, став важным лицом, он решил отомстить мне за старую обиду. Я не могу бороться с ним и не захотел оставаться под его началом. Нам с матерью оставалось только бежать в Янь-ань. Я решил поступить в пограничное войско. Мы и не думали, что попадем сюда и встретим у вас столь радушный прием. Я ваш неоплатный должник еще и потому, что вы вылечили мою мать. Если ваш сын хочет изучить фехтовальное искусство, я приложу все усилия, чтобы передать ему свои знания. То, чему он обучался до сих пор, – только театральное фехтование, красивое, но непригодное для боя. Я должен учить его с самого начала.

Выслушав эти слова, старый господин сказал:

– Сын мой, ты потерпел поражение. Подойди скорее и еще раз поклонись своему учителю!

Юноша поклонился Ван Цзиню, и старик продолжал:

– Прошу вас, учитель, займите почетное место. Разрешите сказать вам, что я и мои предки постоянно жили здесь на земле уезда Хуайнь. Против вас находится гора Шаохуашань. Наша деревня называется Шицзяцунь, и все триста или четыреста семейств, проживающих

здесь, носят фамилию Ши. Мой сын с детства питал отвращение к сельскому хозяйству и знать ничего не желал, кроме фехтования и искусства владеть пикой. Мать безуспешно пыталась увещевать его и умерла от огорчения. Мне пришлось позволить сыну следовать его увлечению. Сколько денег я потратил, приглашая учителей! И еще был вынужден пригласить опытных мастеров татуировать ему плечи, грудь и спину драконами. Всего на нем девять драконов, поэтому весь уезд зовет его Ши Цзинь Девятидраконовый. Господин учитель, поскольку вы оказались здесь, помогите моему сыну усовершенствовать свое искусство, и я щедро вас отблагодарю.

Услышав это, Ван Цзинь очень обрадовался и отвечал:

– Господин мой, будьте спокойны. Я сделаю все, что вы пожелаете, и постараюсь передать вашему сыну все свои знания. Лишь после этого я отправлюсь в дальнейший путь.

Итак, Ван Цзинь и его мать остались жить в поместье. Ван Цзинь ежедневно обучал юношу восемнадцати приемам военного искусства. Что касается старого господина Ши, то он был старейшиной этих мест, но это к нашему рассказу не относится.

Дни шли, и незаметно прошло уже более полугода. Ши Цзинь успешно изучил восемнадцать приемов владения оружием. Он прекрасно владел боевой секирой, молотом, луком, самострелом, пищалью, плетью, нагайкой, цепями, клинком, мечом, большим и малым боевыми топорами, трезубцем, щитом, палицей, пикой и боевыми граблями. Ван Цзинь приложил много стараний к обучению молодого человека и передал ему все тонкости своего искусства. Когда Ван Цзинь увидел, что юноша освоил все полностью, он подумал про себя: «Жить здесь приятно, но вечно продолжаться это не может». И вот однажды он решил распрощаться с гостеприимными хозяевами и отправиться в Яньань.

Молодой Ши Цзинь ни за что не хотел расставаться с Ван Цзинем и уговаривал его:

– Учитель, оставайтесь здесь, и ваш покорный слуга будет заботиться о вас и вашей матери до конца жизни. Как это было бы чудесно!

– Мой добрый друг, – отвечал Ван Цзинь, – поистине видел я от вас много хорошего и чувствую себя здесь прекрасно. Но боюсь, что Гао Цю узнает, где я нахожусь, и это навлечет беду не только на меня, но и на вас, чего бы я очень не хотел. Сейчас у меня одно стремление – попасть в Яньань и там поступить на службу. В пограничной области нужны люди. Я найду себе пристанище и буду жить спокойно.

Напрасно Ши Цзинь и его отец пытались удержать Ван Цзиня. Им пришлось устроить прощальный ужин, во время которого они почтительно преподнесли гостю в знак благодарности два куска шелка и сто лян серебра¹⁶, и на следующий день Ван Цзинь собрал свое имущество и оседлал лошадь. Мать и сын распрощались с хозяином; Ван помог матери сесть в седло, и они тронулись по дороге в Яньань. Приказав слуге нести их узел, Ши Цзинь сам провожал гостей целых десять ли и все никак не мог с ними расстаться. Прощаясь с учителем, юноша почтительно кланялся, слезы текли по его лицу... Затем он возвратился со своим слугой домой, а Ван Цзинь, взвалив тюк на спину и ведя лошадь в поводу, зашагал на запад, к пограничной заставе.

Теперь рассказ пойдет не о Ван Цзине и не о том, как он вступил в пограничные войска, а о Ши Цзине, который усиленно продолжал совершенствоваться в боевом искусстве.

Будучи человеком молодым и не обремененным семьей, он вставал ни свет ни заря и без усталости занимался упражнениями. Днем он стрелял из лука и скакал на коне по окрестностям.

Прошло не более полугода, и старый хозяин усадьбы заболел. Через несколько дней он уже не мог подняться с постели. Ши Цзинь послал людей за лекарями, но болезнь не поддавалась лечению, и – увы! – старый хозяин скоро скончался... Ши Цзинь положил тело отца в гроб и пригласил монахов для выполнения траурного обряда семь раз через каждые семь дней,

¹⁶ Лян – мера веса, равная 37,3 г.

являя этим пример глубокой сыновней скорби. Кроме того, он пригласил и даосских монахов совершить моление о том, чтобы душа умершего спокойно перешла в другой мир. После многочисленных траурных молений был наконец выбран день погребения. Все крестьяне деревни Шицзяцунь – несколько сотен семейств – явились в белых траурных одеждах отдать последний долг покойному. Ши Цзинь похоронил отца на родовом кладбище к западу от усадьбы, рядом с могилами предков.

После смерти старого хозяина некому было наблюдать за порядком в усадьбе: Ши Цзинь по-прежнему не желал утруждать себя хозяйственными заботами. Для ведения хозяйства ему пришлось нанять управляющего, чтобы быть свободным и предаваться военным забавам.

Время летело. После смерти старого хозяина прошло несколько месяцев. Однажды в середине шестого месяца Ши Цзинь, изнемогая от жары, вынес легкую бамбуковую постель и прилег отдохнуть в холодке в тени ивы близ тока. Неподалеку был сосновый лес, откуда веял легкий ветерок, и Ши Цзинь воскликнул с облегчением:

– Какая чудесная прохлада!

И вдруг он заметил, что какой-то человек притаился среди деревьев и осторожно выглядывает из-за стволов. Ши Цзинь подумал: «Странно! Кто это следит за мной?» Вскочив с бамбуковой кровати, он вошел в лес и сразу узнал незнакомца. Это был охотник Ли Цзи. Ши Цзинь окликнул его:

– Ли Цзи, что ты здесь высматриваешь? Уж не задумал ли ты стащить у меня что-нибудь?..

Тогда Ли Цзи поспешно вышел ему навстречу и сказал:

– Господин, ваш покорный слуга шел к Ай-цю, чтобы распить с ним чашку-другую вина. Но я увидел, что вы отдыхаете в холодке, и не осмелился пойти этой дорогой, боясь потревожить вас.

– Послушай, – сказал Ши Цзинь. – Раньше ты часто приносил к нам в усадьбу дичь, и я всегда расплачивался с тобой. Почему ты больше не приходишь? Может быть, ты думаешь, что у меня нет денег?

– Ну что вы! Просто все это время у меня не было дичи, а приходиться с пустыми руками я не решался, – отвечал Ли Цзи.

– Что за глупая болтовня! – рассердился Ши Цзинь. – Никогда не поверю, чтобы на такой большой горе, как Шаохуашань, не осталось больше ни оленей, ни зайцев!

– Но вам, наверное, неизвестно, господин мой, – сказал Ли Цзи, – что в этих горах появились разбойники. Их собралось там около семисот человек. Они устроили в горах укрепленный лагерь. У них сотня добрых коней. Главарь этой шайки – некий Чжу У, по прозвищу Великий Военачальник, второй по старшинству – Чэнь Да, по прозвищу Тигр, прыгающий через стремнины, и третий – Ян Чунь – Полосатая Змея. Под их предводительством разбойники рыскают по всему уезду Хуаинь и занимаются грабежами. Справиться с ними никто не может, хотя за поимку вожаков власти обещают три тысячи связок медяков. Но кто осмелится на это?.. Теперь даже охотники боятся ходить в горы за дичью. Как же я могу добывать ее для продажи?

– Я слыхал об этих разбойниках, – в раздумье произнес Ши Цзинь, – но не знал, что они так сильны. Немало доставят они хлопот народу. Ну, ничего, Ли Цзи, если ты все же раздобудешь какую-нибудь дичь, приноси ее.

Пообещав, Ли Цзи низко поклонился и отправился своей дорогой.

Ши Цзинь вошел в дом и долго размышлял: «Если эти разбойники действительно так сильны, то они не оставят в покое и нашу деревню. А раз так...»

Тут он прервал свои размышления и приказал слугам немедленно заколоть двух буйволов пожирнее и достать выдержанного домашнего вина; сам Ши Цзинь сжег пачку жертвенных денег и велел созвать в парадные покои на совет всех крестьян своего поместья.

Когда крестьяне собрались и расселись по старшинству, Ши Цзинь приказал слугам налить всем вина. Затем он обратился к собравшимся с такими словами:

– Прослышал я, что в горах Шаохуашань объявились три удальца, которые собрали несколько сотен бездельников и промышляют грабежами по всей округе. Если эта шайка так сильна, как говорят, то рано или поздно она нагрянет и к нам. Вот я и собрал вас, чтобы обсудить наше положение. Каждый из нас должен быть наготове. Если в моей усадьбе застучат бамбуковые колотушки, хватайте копья и палицы и бросайтесь все сюда. Если же беда случится у вас, я поступлю точно так же. Только помогая друг другу, мы сможем защитить деревню. А если заявятся сюда главари, я сам позабочусь о них!

– Вы наша опора, господин, – раздалась голоса. – Мы будем действовать так, как вы прикажете, и мы все придем, когда застучат бамбуковые колотушки.

Наступил вечер, и крестьяне, поблагодарив Ши Цзиня за угощение, разошлись по домам. А Ши Цзинь привел в порядок ворота и стены своей усадьбы, в разных местах развесил полые бамбуковые колотушки. Вскоре боевые доспехи, оружие и лошади были наготове. Так крестьяне и хозяин приготовились к встрече разбойников. Но об этом мы пока говорить не будем.

Расскажем лучше о том, как в стане разбойников в горах Шаохуашань держали совет три предводителя. Главный из них, Чжу У, родом из уезда Динъюань, умел сражаться двумя мечами сразу и, хотя особыми талантами не обладал, отлично разбирался в военном деле. Кроме того, голова его всегда была битком набита всевозможными замыслами. Вторым удалец, по имени Чэнь Да, родом из уезда Ечэн провинции Хэнань, был искусен в метании стального дротика. Третий, Ян Чунь, был уроженцем уезда Цзелян области Пучжоу. Он в совершенстве владел мечом с длинной рукоятью.

В тот день Чжу У, беседа с Чэнь Да и Ян Чунем, сказал:

– Сегодня я узнал, что в уезде Хуайнь власти обещают три тысячи связок монет в награду тому, кто нас изловит. Охотники до денег, конечно, найдутся, и уж тогда нам придется обороняться. Но деньги и провиант у нас на исходе. Почему бы нам не отправиться на промысел, чтобы пополнить запасы на случай, если придут войска и осадят наш лагерь?

Чэнь Да согласился с ним:

– Ты рассудил правильно! Отправимся в уезд Хуайнь и для начала попросим тамошних жителей одолжить нам продовольствия, посмотрим, что они скажут.

– Нет, – возразил Ян Чунь, – идти следует не в Хуайнь, а в Пучэн. Там нас ждет верная удача.

На это Чэнь Да заметил:

– В Пучэне жителей мало! Ни денег, ни продовольствия мы там не добудем. Мы пойдем в Хуайнь. Население там богатое, и деньги и зерно у них всегда в изобилии.

Тогда Ян Чунь сказал:

– Разве ты, дорогой брат, не знаешь, что на пути в уезд Хуайнь находится усадьба Ши Цзиня. А ведь Ши Цзинь храбр, как тигр. Не стоит раздражать его. Все равно он нас не пропустит.

– Брат мой, – промолвил Чэнь Да, – нельзя быть таким трусом. Если ты не решаешься пройти через какую-то деревушку, то как ты будешь отбиваться от настоящего войска?

– Друг мой, – стоял на своем Ян Чунь, – не следует относиться к этому человеку с пренебрежением, еще неизвестно, на что он способен!

Чжу У поддержал Ян Чуня:

– Я тоже слышал, что Ши Цзинь настоящий герой и обладает большими талантами. Лучше нам туда не ходить.

Возмущенный Чэнь Да вскочил с места и закричал:

– Заткните глотки! Преувеличивая силу других, всегда преуменьшаешь свою! Он только человек – и у него не три головы и не шесть рук! Я не верю никаким рассказням.

И, обернувшись к другим членам шайки, приказал:

– Подать коня, да побыстрее. Я сегодня же разгромлю деревню Шицзяцунь, а затем овладею всем уездом.

Как ни отговаривали его Чжу У и Ян Чунь, он не изменил своего решения. Быстро собравшись, Чэнь Да вскочил на коня и во главе своего отряда, в котором было около полутора человек, под грохот барабанов и удары гонга двинулся с гор прямо к поместью Ши Цзиня.

А Ши Цзинь в это время находился в своей усадьбе и, готовясь к нападению разбойников, проверял оружие и коней. Вдруг прибежал слуга и сообщил, что разбойники приближаются к усадьбе. Ши Цзинь тотчас же приказал ударить в бамбуковые колотушки. Деревенские жители, услышав этот сигнал, сбегались в усадьбу с пиками и палицами и увидели Ши Цзиня в боевом одеянии. Волосы его были повязаны косынкой, концы которой ниспадали ему на плечи. На нем был халат из синей парчи, одетый поверх ярко-красной кольчуги, подпоясан он был кожаным ремнем, на ногах – расшитые зеленые сапоги, грудь и спину покрывали железные латы. При нем был лук и колчан со стрелами, а в руках он держал обоюдоострый меч-трезубец. Слуга подвел огненно-рыжего коня, и Ши Цзинь вскочил в седло, потрясая мечом. Впереди построились тридцать – сорок дюжих крестьян, за ними столпились еще человек девяносто. С воинственными криками они двинулись к северной окраине деревни.

Чэнь Да во главе отряда быстро помчался с горы и расставил своих людей в боевом порядке. Взглянув на врага, Ши Цзинь заметил, что голову Чэнь Да украшает высокая ярко-красная повязка, примятая посередине, и что на нем золоченые латы, красный халат, сапоги на толстой подошве и пояс, не менее семи чи длиною. Чэнь Да гарцевал на горделивом белом коне и держал наперевес пику с восемью насечками.

Разбойники издали боевой клич, и начальники отрядов выехали друг другу навстречу. Приподнявшись на стременах, Чэнь Да приветствовал Ши Цзиня учтивым поклоном. Но Ши Цзинь в ответ закричал:

– Эй вы, поджигатели и убийцы! Грабители и разорители честных людей! Ваши преступления оскорбляют само небо, вас всех надо уничтожить. Видно, вы не слышали обо мне, раз так нагло явились сюда.

Придерживая коня, Чэнь Да отвечал ему:

– В нашем стане не хватает продовольствия. Мы хотим пройти в Хуаинь, чтобы одолжить его там. Но путь наш лежит через ваши владения, и я прошу разрешить нам проехать. Мы не тронем ни травинки в вашем поместье. А на обратном пути, разумеется, отблагодарим вас.

– Какой вздор ты мелешь! – отвечал Ши Цзинь. – В нашей семье испокон века все были старейшинами этих мест, и я решил переловить вас, разбойников, и установить порядок! Но вы сами сюда пожаловали. Если бы я даже позволил вам беспрепятственно пройти через мои владения, начальник уезда, узнав об этом, впутал бы и меня в ваши грязные дела.

Чэнь Да ответил на это:

– «Среди четырех морей все люди братья»¹⁷. Я прошу пропустить нас.

– К чему эти глупые разговоры? – крикнул Ши Цзинь. – Если даже я пойду на это, найдется другой, кто откажет. Вот спроси его. Если он разрешит, ты сможешь пройти по землям моего поместья.

– Почтенный господин, но у кого же я должен спрашивать? – удивился Чэнь Да.

– Спроси мой меч. Если он пожелает, я разрешу тебе пройти.

Тут Чэнь Да расшвырял меч и закричал:

– Когда преследуешь человека, не доводи его до крайности.

Ши Цзинь тоже вскипел. Взмахнув мечом, он прищпорил коня и ринулся вперед. Чэнь Да вытянул свою лошадь плетью и, взяв пику наперевес, бросился навстречу Ши Цзиню. Начался

¹⁷ Соответствует – «Все мы китайцы».

бой. Долго противники безрезультатно бились друг с другом, пока Ши Цзинь не сделал вид, что промахнулся. Противник направил ему пику прямо в сердце, но он с быстротой молнии увернулся, и копьё Чэнь Да зацепилось за его одежду. Сам Чэнь Да, не удержавшись, повалился прямо на Ши Цзиня. Тогда Ши Цзинь мгновенно протянул проворные, как у обезьяны, руки, выгнул спину, подобно волку, и, схватившись за копьё врага, стянул разбойника с расшитого узорами седла. Ухватив Чэнь Да за тканый пояс, Ши Цзинь швырнул его на землю. Лошадь Чэнь Да умчалась как ветер.

Ши Цзинь приказал связать пленника. Крестьяне бросились на разбойников и обратили их в бегство.

Возвратившись в усадьбу, Ши Цзинь взял веревку и привязал Чэнь Да к столбу на площадке перед домом. Он решил поймать двух других главарей, передать их властям и получить обещанное вознаграждение.

Затем Ши Цзинь, прежде чем отпустить по домам своих соратников, приказал подать вина и в знак благодарности всех угостил.

Все пили и ликовали:

– Поистине правы те, кто называет тебя храбрецом, господин!

Не будем рассказывать, сколько вина было выпито на радостях. Вернемся к двум другим главарям – Чжу У и Ян Чуню, оставшимся в лагере. Охваченные беспокойством, гадали они, что могло случиться с теми, кто отправился в поход. Наконец они послали своих молодцов на разведку. Разведчики издали увидели отступающих и лошадь Чэнь Да, которую вели под уздцы, и кинулись назад в горы с громкими криками:

– Беда! Беда! Почтенный господин Чэнь не послушался советов других наших предводителей и поплатился жизнью!..

Чжу У стал расспрашивать очевидцев, и те кратко рассказали о схватке, закончив рассказ словами:

– Кто же может устоять перед отважным Ши Цзинем!

– Чэнь Да не послушался моих советов, – произнес Чжу У, – и вот произошло несчастье.

Тогда заговорил Ян Чунь:

– Нам нужно двинуть на Ши Цзиня все наши силы. Как ты думаешь?

– Нет, это не годится, – отозвался Чжу У. – Если уж он победил Чэнь Да, то не нам тягаться с Ши Цзинем. У меня есть план разжалобить его. Если это не поможет нам выручить Чэнь Да, мы погибли.

– Что же это за план? – спросил Ян Чунь.

Чжу У наклонился к нему и что-то прошептал на ухо, потом громко закончил:

– Иначе поступить нельзя.

– Отлично! – воскликнул Ян Чунь. – Я отправляюсь с тобой немедленно. Времени терять нельзя.

Теперь возвратимся к Ши Цзиню. Он находился в своей усадьбе и гнев его еще не утих, когда внезапно он увидел своего слугу, стремительно вбежавшего к нему с криком:

– Чжу У и Ян Чунь спустились с горы и идут сюда!

– Ну что ж, я покончу и с ними! – сказал Ши Цзинь. – Сдам властям сразу всех трех. Эй, коня мне!

Он приказал бить в бамбуковые колотушки, и народ снова сбежался к усадьбе. Ши Цзинь вскочил на коня и, едва выехав за ворота, увидел обоих главарей Чжу У и Ян Чуня. Они приблизились к нему и смиренно опустили на колени. По их лицам ручьями струились слезы. Ши Цзинь спешил и грозно закричал:

– Что вам нужно, что вы валяетесь у моих ног?

Тогда Чжу У, рыдая, воскликнул:

– Мы, три бедных человека, подвергались преследованию властей. Нам пришлось скрыться в горах и заняться разбоем. Когда-то мы поклялись, что умрем в один и тот же день. Может быть, мы и не обладаем мужеством и доблестью нареченных братьев Гуань Юя, Чжан Фея и Лю Бэя, о которых повествует «Троецарствие», но сердца наши также слиты воедино, как у этих прославленных героев. Сегодня наш младший брат Чэнь Да не послушался нашего совета. Он оскорбил ваше достоинство, вы взяли его в плен и держите в своей усадьбе. Мы не можем рассчитывать на вашу милость и поэтому просим позволить нам умереть вместе с ним. Мы умоляем вас, достойный герой, передать всех нас в руки властей и получить за это положенное вознаграждение. Мы не затаим против вас обиды, что бы ни случилось! Убейте нас, и мы умрем без ропота!..

Выслушав Чжу У, Ши Цзинь подумал: «Если они действительно так благородны, а я выдам их властям и получу награду, то все достойные люди будут презирать меня. Что тогда скажут обо мне? Недаром с древнейших времен говорится: «Тигр не ест падали!»

Вслух он произнес:

– Следуйте за мной.

Чжу У и Ян Чунь несколько не испугались и вошли с Ши Цзинем во внутренние покои его дома. Там они снова опустились на колени и настойчиво просили связать их. Ши Цзинь несколько раз приказывал им встать, но они отказывались подняться.

Издревне существует поговорка: «Умный поддерживает умного, храбрец распознает храбреца».

Поэтому Ши Цзинь сказал им:

– Я считаю ниже своего достоинства выдать властям людей такого душевного благородства. Что вы скажете, если я освобожу Чэнь Да и верну его вам?

– Не навлекайте на себя беду столь опрометчивым поступком, – ответил Чжу У. – Лучше уж передайте всех нас в руки властей и получите награду.

Но Ши Цзинь с негодованием воскликнул:

– Я не могу совершить такой низкий поступок! Спрашиваю вас, согласны ли вы сесть за мой стол и откусать со мной?

– Если мы не страшимся самой смерти, – промолвил Чжу У, – то станем ли мы опасаться вашего угощения?

Ши Цзинь, довольный их ответом, развязал Чэнь Да и приказал слугам принести вина и мяса. Когда угощение было готово, он пригласил трех главарей к столу. Чжу У, Ян Чунь и Чэнь Да от души поблагодарили Ши Цзиня за его великодушие. Они пили вино, и лица их все более и более светлели. Наконец все вино было выпито, они еще раз поблагодарили Ши Цзиня и ушли в горы. Проводив их до ворот, Ши Цзинь возвратился в усадьбу.

Теперь расскажем о том, как, добравшись до своего лагеря, Чжу У, Чэнь Да и Ян Чунь стали держать совет. Чжу У сказал:

– Не пойдя мы на хитрость, нам бы больше здесь не встретиться. Спасти Чэнь Да удалось только потому, что Ши Цзинь оказался человеком редкого благородства и отпустил нас. Нам следует послать ему подарки, чтобы отблагодарить за великодушие.

Без излишних подробностей скажем, что дней через десять вожаки разбойников приготовили тридцать лян золота и под покровом темной ночи отправили его в знак благодарности в поместье Шицзяцунь. В ту же ночь двое посланцев постучали в ворота усадьбы, и привратник доложил о них хозяину.

Ши Цзинь, поспешно набросив на себя одежду, вышел за ворота и спросил:

– По какому делу вы пришли сюда?

Посланные ответили:

– Трое наших предводителей послали эти скромные дары, чтобы отблагодарить вас за то, что вы не предали их смерти. Они выражают надежду на то, что вы не откажетесь принять эти дары...

С этими словами они вручили золото Ши Цзиню.

Вначале Ши Цзинь не хотел брать подарка, но потом подумал: «Если они прислали мне дар с добрыми намерениями, то я должен принять его», – и приказал слугам вынести посланцам вина. Те выпили и, получив от Ши Цзиня в награду немного серебра, возвратились обратно в горы.

Прошло около месяца. Чжу У снова позвал на совет двух приятелей, и на этот раз они решили подарить Ши Цзиню несколько прекрасных крупных жемчужин, доставшихся им при последнем грабеже. Поздней ночью посланный отнес драгоценности в поместье. Ши Цзинь принял и этот дар. Но об этом больше говорить не станем.

Прошло еще полмесяца, и Ши Цзинь, поразмыслив, решил: «Трудно завоевать большее уважение, чем то, какое проявляют ко мне эти люди. Надо бы и мне в свою очередь что-нибудь им подарить».

На следующий же день он послал одного из своих крестьян за портным, а сам отправился в город, купил три куска красного шелку и велел портному сшить три стеганых халата. Кроме того, он приказал зажарить и уложить в деревянные короба трех жирных баранов.

Был в поместье Ши Цзиня старший работник Ван Сы, по прозвищу Краснобай. Так звала его вся деревня за находчивость и острый язык. Его-то вместе с другим работником и отправил Ши Цзинь с подарками в горный стан. Когда они пришли к горе, разбойники, охранявшие лагерь, подробно допросили посланных, а затем провели к Чжу У и к двум другим вожакам.

Предводители очень обрадовались подаркам – шелковой одежде, жирным баранам и вину. Посланных они одарили десятью лянмами серебра и угостили вином. Каждый выпил более десяти чашек; возвратившись в поместье, они передали Ши Цзиню сердечную благодарность трех главарей.

С тех пор Ши Цзинь поддерживал с тремя главарями постоянную связь и неоднократно посылал к ним Ван Сы с подарками. Да и сам Ши Цзинь не раз получал от них золото и серебро.

Проходили дни за днями, приближался праздник урожая.

Ши Цзиню хотелось пригласить главарей в свою усадьбу в ночь на пятнадцатое число восьмого месяца, чтобы побеседовать с ними и вместе полюбоваться полной луной и повеселиться. Он написал пригласительное письмо и велел Ван Сы отнести его в горы.

Прочитав письмо, Чжу У обрадовался, и все трое обещали приехать. Они тут же написали ответ и, наградив Ван Сы пятью лянмами серебра, заставили его выпить более десяти чашек вина. Спускаясь с горы, Ван Сы встретил одного удалыца, который постоянно приносил в поместье подарки. Они обнялись, и его приятель ни за что не хотел отпустить Ван Сы, пока не затащил его в придорожную харчевню, где они выпили еще по десяти с лишним чашек вина. Затем приятели расстались, и Ван Сы отправился обратно в поместье. Горный ветер бил ему в лицо, и хмель ударил в голову; он шел и качался из стороны в сторону, спотыкаясь на каждом шагу. Пройдя десяток ли, он вошел в лес и, очутившись на полянке, покрытой густой зеленой травой, повалился и сразу заснул.

Случилось так, что в это время на склоне горы охотник Ли Цзи расставлял силки на зайцев. Он узнал Ван Сы из поместья Ши Цзиня, подошел к нему и попытался поднять его на ноги, но не мог даже сдвинуть его с места. Вдруг он увидел, что из-за пояса Ван Сы выпало серебро. Ли Цзи стоял и раздумывал: «Этот прохвост совершенно пьян... Откуда у него столько денег? И почему бы мне не взять у него хоть немного?..»

Тут Ли Цзи развязал пояс Ван Сы, встряхнул его, и оттуда посыпались деньги, а вместе с ними выпало и письмо. Ли Цзи распечатал его и попытался прочесть. Он знал всего несколько

иероглифов и смог разобрать только имена Чжу У, Ян Чуня и Чэнь Да. Больше он ничего не понял.

Тогда он сказал себе: «Я простой охотник, и мог ли я рассчитывать на то, чтобы когда-нибудь прославиться! А предсказатель напророчил мне, что в этом году я разбогатею. Может быть, сейчас как раз подвернулся этот случай? Уездные власти обещают за поимку разбойников три тысячи связок медяков. А этот бездельник Ши Цзинь, когда я недавно пришел в его поместье, чтобы повидаться с Ай-цю, заподозрил меня в том, что я что-то высматриваю и шпионю за ним. Оказывается, он сам водится с разбойниками...»

После этого Ли Цзи забрал все серебро и письмо и отправился в Хуаинь, чтобы донести на Ши Цзиня.

А пока продолжим рассказ о посыльном Ван Сы. Проспав на поляне до глубокой ночи, он проснулся, когда на него упал лунный свет. В ужасе вскочил он на ноги и увидел вокруг себя одни лишь сосны. Ван Сы пощупал пояс, но не нашел ни пояса, ни письма. Пошарив вокруг себя, он обнаружил в траве лишь пустой кошелек. С отчаяния он даже заплакал и прошептал: «Серебро, пропади оно пропадом! Но как быть с письмом? Кто мог взять его?..»

Он долго хмурил брови и размышлял, что ему теперь делать. «Если я приду в поместье, – рассуждал он, – и скажу, что потерял письмо, господин мой рассердится и уж, конечно, прогонит меня. Лучше сказать, что ответа не было? Откуда он может узнать?»

Приняв такое решение, он помчался, словно на крыльях, и когда на рассвете вошел в деревню, была уже пятая стража. Увидев его, Ши Цзинь спросил:

– Где ты так долго был?

Ван Сы отвечал:

– Когда я пришел в горы с вашим поручением, три предводителя до полуночи не отпустили меня из стана и заставили пить с ними вино. Поэтому я так задержался.

– А ответ на мое письмо? – продолжал расспрашивать Ши Цзинь.

– Предводители хотели было написать вам, – произнес Ван Сы, – но я сказал, что если они наверняка придут на ваш пир, то нечего и писать. К тому же я изрядно выпил и боялся дорогой потерять письмо. Ведь это дело серьезное!..

Услышав такие слова, Ши Цзинь обрадовался, но заметил:

– Не зря тебя прозвали Краснобаем. Ты и в самом деле за словом в карман не полезешь.

Ван Сы и тут нашелся:

– Разве ваш жалкий слуга осмелился бы где-нибудь задержаться? Я не останавливался в дороге, а назад бежал со всех ног.

– Ну, раз гости придут, – сказал Ши Цзинь, – так пошли человека в город за вином и фруктами.

Вскоре наступил праздник осеннего урожая. В тот день погода была прекрасная, и Ши Цзинь приказал зарезать большого барана и более сотни кур и гусей и приготовить побольше вина и яств для пира.

Вечером три главаря, приказав своим удалцам охранять стан во время их отсутствия, вооружились мечами и в сопровождении четырех-пяти человек пешком спустились с горы и отправились в усадьбу Ши Цзиня.

Ши Цзинь встретил их и после приветствий попросил пройти в сад, где уже был накрыт стол. Усадив гостей на почетные места, хозяин сел против них. Затем он приказал закрыть все ворота. Слуги наливали вино и нарезали баранье мясо. Пока они пировали, на востоке поднялся круглый диск луны. Ши Цзинь и три главаря сидели за столом, радуясь празднику, болтая о разных вещах, о старинных легендах, о новых сказках. Внезапно за стеной послышался шум, замелькали зажженные факелы; Ши Цзинь испуганно вскочил со своего места. Быстро выйдя из-за стола, он сказал:

– Мои добрые друзья, прошу, пока оставайтесь здесь, а я пойду и посмотрю, что случилось.

Приказав слугам не открывать ворота, сам он по лестнице поднялся на стену и взглянул вниз. Там он увидел начальника уезда Хуайнь, верхом на коне, в сопровождении двух начальников стражи и нескольких сотен солдат, окруживших поместье. Ши Цзиня и его гостей – главарей разбойников – охватило отчаяние.

При свете факелов они увидели блеск отточенных наконечников пик, мечей, пятизубых вил и другого оружия, выросшего вокруг стены, как конопля. Командиры солдат кричали:

– Взять разбойников!

Если бы этот отряд не пришел схватить Ши Цзиня и главарей разбойничьего стана, то и Ши Цзиню не пришлось бы убить нескольких человек и завязать отношения с многими добрыми молодцами.

Вот уж постине:

Средь камышей, в прибрежных зарослях
Большое войско собралось впервые,
Средь лотосов, в глубоких заводях
Суда выстраивались боевые.

О том, как избежали опасности Ши Цзинь и три главаря разбойников, рассказывается в следующей главе.

Глава третья
Ши Цзинь ночью покидает уезд Хуаинь.
Командир охранных войск Лу Да
ударом кулака убивает мясника Чжэна



Увидев, что стражники окружили его усадьбу, Ши Цзинь воскликнул:

– Что же нам делать?

В ответ на это Чжу У и два других главаря, опустившись перед ним на колени, воскликнули:

– Старший брат! Ты человек незапятнанный и не должен страдать по нашей вине. Мы поступили бы недостойно, если бы впутали тебя в свои дела. Скорей свяжи нас, выдай властям и требуй вознаграждение.

Ши Цзинь возмутился:

– Ни за что! Мыслимо ли это? Выйдет так, будто я завлек вас в западню, чтобы выдать властям и получить награду. Да ведь я буду опозорен перед всей Поднебесной! Нет, уж если

вы погибнете, я умру с вами, а останемся в живых – все будем живы. Встаньте и успокойтесь. Мы придумаем что-нибудь поумнее, а пока я пойду и узнаю, как обстоят дела.

Ши Цзинь поднялся по лестнице на стену и закричал, обращаясь к командирам солдат:

– Эй вы! Как смеете поздней ночью вторгаться в мою усадьбу?

– Господин, ваша вина установлена, и вам не следует отпираться, – отвечали те. – Мы пришли по доносу Ли Цзи, который здесь вместе с нами.

– Ли Цзи! – воскликнул Ши Цзинь. – Так это ты клеветешь на невинных людей?

– Я и сам ничего не знал, – стал оправдываться Ли Цзи. – В лесу я подобрал письмо, которое потерял ваш слуга Ван Сы. А когда в уезде прочитали это письмо, то все сразу раскрылось.

– Но ведь ты говорил, что никакого письма не было, – обратился Ши Цзинь к Ван Сы, – откуда же оно взялось?

– Я тогда был пьян, – ответил Ван Сы, – и совсем забыл про него.

Ши Цзинь обругал его:

– Скотина!

«Как же теперь быть?» – подумал он.

Между тем командиры отряда очень боялись Ши Цзиня и не осмеливались ворваться в усадьбу.

Главарь разбойников знаками показал Ши Цзиню, чтобы он сделал вид, будто готов пойти на уступки.

Ши Цзинь понял замысел своих друзей и закричал со стены вниз:

– Господа начальники, перестаньте шуметь и отойдите подальше, я сам свяжу главарей и выдам их властям.

Командиры, боясь Ши Цзиня, охотно согласились на его предложение.

– Наше дело сторона, – сказали они. – Мы подождем, пока вы сами с ними управитесь, а потом, если вам будет угодно, вы можете вместе с нами поехать в уезд за наградой.

Спустившись со стены, Ши Цзинь прежде всего отвел виновника беды Ван Сы в сад за домом и заколол его там. Затем он приказал слугам увязать наиболее ценные вещи в узлы и зажечь сорок факелов. Когда это было сделано, Ши Цзинь и трое разбойников облачились в боевые доспехи, вооружились саблями и мечами и, подоткнув за пояс полы халатов, подожгли крытый соломой дом на краю усадьбы. Узлы с вещами Ши Цзинь приказал слугам взвалить на плечи.

Увидев пожар, отряд, стоявший за стеной, бросился в обход усадьбы. Тогда Ши Цзинь поджег свой дом и, распахнув главные ворота, с боевым кличем ринулся вперед. За ним последовали Чжу У, Ян Чунь и Чэнь Да. Вместе с несколькими разбойниками, сопровождавшими своих предводителей, и слугами Ши Цзиня, тащившими узлы с добром, они прокладывали себе дорогу, нанося удары направо и налево. Поистине в бою Ши Цзинь был подобен тигру, и никто не мог остановить его. Позади бушевал огонь. Ловко орудуя мечом, Ши Цзинь столкнулся лицом к лицу с командирами отряда; с ними был и охотник Ли Цзи. Ши Цзинь пришел в ярость. Справедливо говорят: «При виде врага зрение обостряется».

Командиры, поняв, что над ними нависла смертельная опасность, пустились наутек. За ними кинулся было и Ли Цзи, но Ши Цзинь настиг его и рассек надвое одним ударом. В это время Чэнь Да и Ян Чунь догнали командиров и покончили с ними. Начальник уезда, не помня себя от страха, ускакал обратно; солдаты, спасая свою жизнь, разбежались кто куда. А Ши Цзинь беспрепятственно добрался со своими спутниками до разбойничьего лагеря на горе Шаохуашань. Отдохнув и придя в себя, Чжу У приказал устроить пир в честь благополучного исхода событий. Но об этом мы рассказывать не будем.

Прошло несколько дней, и Ши Цзинь призадумался: «Для того чтобы спасти трех человек, я сжег свою усадьбу. Правда, у меня осталось кое-что из ценных вещей, но дома уже нет».

Поразмыслив, он решил, что оставаться среди разбойников ему не следует, и обратился к Чжу У и его приятелям с такими словами:

– Мой учитель, мастер фехтования Ван Цзинь, служит на западе в войсках пограничной охраны. Я давно собирался отыскать его, но из-за смерти отца не смог сделать этого раньше. Теперь, когда все мое имущество погибло, ничто не препятствует мне отправиться к Ван Цзиню.

– Старший брат, – уговаривал его Чжу У, – никуда тебе ехать не надо. Поживи у нас еще немного, а потом мы решим, как быть. Если ты не хочешь вместе с нами заниматься нашим промыслом, то подожди, пока эта история утихнет и забудется. Тогда мы заново отстроим тебе усадьбу, и ты снова будешь вести жизнь честного человека.

– Благодарю за ваше расположение ко мне, – отвечал Ши Цзинь, – но я не могу отказаться от своего намерения. Если я отыщу своего учителя, то постараюсь найти себе службу и прожить в довольстве свою жизнь.

– Ты мог бы стать нашим предводителем, – продолжал уговоры Чжу У, – разве это так уж плохо? Но, может быть, наш стан кажется тебе слишком убогим?

– Я честный человек, – возразил на это Ши Цзинь, – и не могу пятнать доброе имя моих родителей. Поэтому не уговаривайте меня, и не будем больше об этом говорить.

Слуги Ши Цзиня, которые пришли вместе с ним в лагерь, остались там, а сам он через несколько дней окончательно собрался в путь, и никакие уговоры Чжу У и его приятелей не могли его удержать.

Повязав голову черной косынкой, Ши Цзинь надел фанъянскую белую войлочную шляпу с красной кистью. Военный халат из белой ткани он затянул широким поясом цвета красной сливы и прицепил к нему длинный меч; ноги он обмотал полосатой материей и обулся в плетеные пеньковые туфли, удобные для ходьбы. С собой он взял лишь немного денег и самые необходимые вещи, все остальное имущество он оставил в горном стане.

Взвалив узел на плечи, Ши Цзинь отправился в путь. Почти все разбойники провожали его. Чжу У и двое других главарей со слезами на глазах простились с ним и огорченные возвратились в свое горное убежище.

Спустившись с горы Шаохуашань, Ши Цзинь с мечом в руках прямой дорогой направился в западный пограничный район области Яньань. Шел он около месяца, порой переносил и голод и жажду, и наконец добрался до города Вэйчжоу.

«Тут тоже есть управление пограничной охраны, – подумал Ши Цзинь. – Может статься, что мой учитель Ван Цзинь служит именно здесь».

Вэйчжоу оказался большим и благоустроенным городом. На одном из перекрестков Ши Цзинь увидел небольшую чайную, зашел туда и занял место за столом.

– Какой чай прикажете вам подать? – спросил слуга.

– Простой, заваренный в чашке.

Слуга заварил чай и поставил чашку перед Ши Цзинем.

– Скажи, где здесь управление пограничных войск? – обратился к нему Ши Цзинь.

– Как раз напротив, – ответил тот.

– А не служит ли в здешнем управлении учитель фехтования Ван Цзинь из Восточной столицы? – осведомился Ши Цзинь.

– Здесь очень много учителей фехтования, – ответил слуга, – и есть человека четыре, которые носят фамилию Ван. Я не знаю, который из них Ван Цзинь.

В это время в чайную большими шагами вошел дюжий мужчина. Взглянув на него, Ши Цзинь сразу признал в нем военного. Ростом он был не меньше восьми чи, широкоплечий и мускулистый. У него было круглое лицо, огромные уши, прямой нос, большой рот, а борода и усы – как у барсука. Голова его была повязана косынкой из полосатого шелка, скрепленной на затылке золотыми кольцами, какие выделяются в Тайюани. На нем был боевой халат

из зеленой ткани, подпоясанный двойным поясом – гражданским и военным, обут он был в светло-желтые сапоги, сшитые в четыре шва и с носками в форме когтей коршуна.

Когда вошедший опустился на стул, слуга шепнул Ши Цзиню:

– Это командир пограничных войск. Можете узнать у него все, что вам нужно об учителе фехтования, которого вы разыскиваете.

Ши Цзинь поспешно встал, поклонился незнакомцу и сказал:

– Прошу вас выпить со мною чаю!

Взглянув на Ши Цзиня, военный по его мужественному облику решил, что это человек достойный, и ответил на поклон. Они сели рядом, и Ши Цзинь сказал:

– Простите меня за смелость, разрешите узнать ваше имя.

– Я командир пограничных войск, – отвечал военный, – зовут меня Лу Да. Разрешите в свою очередь и мне узнать ваше имя?

– Я родом из уезда Хуайнь округа Хуачжоу. Зовут меня Ши Цзинь, – отвечал тот. – Был у меня учитель – мастер фехтования при войске Восточной столицы, по имени Ван Цзинь. Я хотел бы спросить вас, не служит ли он здесь, в вашем управлении?

– Уж не тот ли вы господин Ши Цзинь, которого прозвали Девятидраконовый, родом из деревни Шицзяцунь? – спросил Лу Да.

– Он самый, – с поклоном отвечал Ши Цзинь.

Лу Да поспешил ответить на его поклон и сказал:

– Вот уж поистине: «Никакая молва не заменит личной встречи». Так вы разыскиваете мастера фехтования Ван Цзиня? Не того ли Ван Цзиня, который в Восточной столице пострадал от военачальника Гао Цю?

– Того самого! – воскликнул Ши Цзинь.

– Я тоже слышал о нем, – сказал Лу Да. – Но его здесь нет, он несет службу в пограничном управлении старого Чуна в округе Яньань. Во главе же нашей охраны в Вэйчжоу стоит молодой Чун. О вашем славном имени я так много слышал, что счел бы для себя большой честью пригласить вас выпить вина по случаю нашей встречи.

Взяв Ши Цзиня под руку, Лу Да повел его из чайной. У дверей он обернулся и сказал слуге:

– За чай я расплачусь сам.

– Пожалуйста, не беспокойтесь! – почтительно ответил слуга.

Рука об руку Лу Да и Ши Цзинь вышли из чайной; пройдя несколько шагов, они увидели большую толпу.

– Посмотрим, что там происходит, – предложил Ши Цзинь. Протискавшись вперед, они увидели человека, державшего в руках дюжину палиц. На земле возле него стоял большой лоток с разного рода снадобьями, мазями и пластырями. Это оказался бродячий аптекарь и фехтовальщик.

Ши Цзинь сразу же признал в нем своего первого учителя фехтования Ли Чжуна, по прозвищу Победитель Тигров.

– Учитель! – крикнул из толпы Ши Цзинь. – Давненько мы с вами не видались!

– Как ты сюда попал? – радостно воскликнул Ли Чжун, узнав своего ученика.

– Раз ты учитель господина Ши Цзиня, пойдем вместе с нами пить вино, – вставил Лу Да.

– Подождите, господин командир, вот я сейчас распродам свои лекарства, заработаю немного денег и тогда пойду с вами.

– Кто же это будет ждать тебя? – возмутился Лу Да. – Если хочешь идти с нами, так идем сейчас же.

– Это мой единственный заработок, – возразил Ли Чжун, – и я не могу от него отказаться. Идите вперед, господин командир, а я догоню вас. И вы, дорогой ученик, идите, – обратился он к Ши Цзиню.

Эти слова вывели Лу Да из себя, и он набросился на толпу зевак, громко крича:

– Эй вы, чертовы бездельники, расходитесь сейчас же! Кто не уйдет – бить буду!

Собравшиеся, узнав Лу Да, тотчас разбежались. Выходка Лу Да рассердила Ли Чжуна, но он не осмелился показать этого и только с улыбкой сказал:

– Ну и горячий же вы человек!

Он уложил свои вещи в мешок, поднял пики и палицы, и они отправились дальше втроем. Повернув за угол, друзья подошли к известному кабаку около Чжоуского моста. У дверей питейного заведения стоял шест, на котором развевалось полотнище с надписью, извещавшей, что здесь торгуют вином.

Войдя в кабачок, трое поднялись вверх и выбрали чистую и уютную комнатку. Лу Да занял место хозяина, Ли Чжун сел против него, пониже поместился Ши Цзинь.

Слуга приветствовал гостей и, узнав Лу Да, обратился к нему:

– Господин начальник, сколько прикажете подать вина?

– Для начала подай нам четыре рога.

Расставляя закуски, фрукты и вино, слуга снова спросил:

– Что господа будут кушать?

– Что ты все лезешь с вопросами? – закричал Лу Да. – Что есть, то и подавай, тебе за все будет уплачено! Вот болтливый негодяй попался! – выругался он.

Слуга убежал и вскоре принес подогретое вино, а затем уставил весь стол мясными блюдами.

Они выпили уже по несколько чашек вина, поговорили о различных приемах фехтования и, довольные друг другом, вели спокойную беседу, когда из соседней комнаты вдруг послышался тихий плач и всхлипывания. Это так рассердило Лу Да, что он в гневе смахнул со стола все тарелки и чашки.

На шум прибежал слуга и при виде разгневанного командира взмолился, сложив руки:

– Если вам что-нибудь нужно, господин начальник, пожалуйста, приказывайте, и вам все будет подано.

– Что мне нужно? – закричал Лу Да. – Не знаешь ты меня, что ли? Как это ты допускаешь, чтобы кто-то плакал в соседней комнате и мешал нашей пирушке? Мало я тебе давал за труды?

– Не сердитесь, господин, – оправдывался слуга. – Как бы я смел допустить, чтобы кто-нибудь помешал вам? Это плачут отец и дочь – певцы, которые выступают перед нашими гостями. Они не знали, что вы здесь, и потому не сдерживали своих слез.

– Очень странно, – промолвил Лу Да. – Ну-ка, позови их ко мне!

Слуга исчез, и немного погодя вошли певцы, впереди – девушка лет восемнадцати, за ней – шестидесятилетний старик с кастаньетами. Девушку нельзя было назвать красавицей, но была она очень привлекательна. Утирая слезы, она подошла к гостям и трижды глубоко поклонилась, пожелав им счастья и здоровья. Вслед за ней поздоровался с гостями и старик.

– Кто вы такие? И почему вы плачете? – спросил Лу Да.

– Разрешите мне, недостойной, рассказать вам нашу историю, – начала девушка. – Мы – жители Восточной столицы. Вместе с отцом и матерью я приехала в Вэйчжоу к родственникам, но оказалось, что они переехали в Южную столицу. Матушка моя заболела в гостинице и умерла, а мы с отцом, на свое горе, остались здесь. В этом городе живет один богач – господин Чжэн, именующий себя Сановником западных районов. Я ему приглянулась, и он, желая сделать меня своей наложницей, подослал сватов и принудил меня заключить с ним контракт. Но кто бы мог подумать, что контракт о нашем сожительстве он подпишет, а от выплаты трех тысяч связок монет откажется? Он привел меня к себе. Но не прошло и трех месяцев, как его старшая жена, очень злая женщина, выгнала меня из дому. Мало того, она еще подговорила хозяина гостиницы, где мы с отцом остановились, потребовать возвращения денег, которые мне следовали по контракту. Отец у меня слабый и робкий, он не может тягаться с людьми

богатыми и влиятельными. Но ведь мы с отцом не получили ни одной монеты, а теперь с нас требуют возвращения всех денег. Вот так мы и попали в беду. Хорошо еще, что отец с детства обучил меня петь песенки; мы каждый день приходим сюда и поем перед посетителями, это дает нам небольшой заработок. Большую часть денег нам приходится выплачивать Чжэну, а остаток мы откладываем на дорогу. За последние два дня посетителей в кабачке было мало, и мы не заработали даже того, что вынуждены отдавать. Теперь мы боимся, что господин Чжэн придет и будет над нами издеваться. Защиты нам искать негде, некому даже пожаловаться. Плакали мы от безысходного горя и не знали, что мешаем вам, уважаемые господа. Будьте милостивы и простите нас. – Как вас зовут? В какой гостинице вы остановились? – спросил Лу Да. – И где живет это сановник Чжэн?

– Зовут меня Цзинь-эр, так как я был вторым в семье, – отвечал старик. – Имя моей дочери – Цуй-лянь. Господин Чжэн – это мясник, хозяин лавки у моста Чжуаньюань. Он известен под прозвищем Сановник западных районов. Мы живем с дочерью в гостинице у Восточных ворот, которую содержит некий Лу.

– Тьфу, пропасть! – сплюнул Лу Да, выслушав старика. – А я-то думал, кто же это сановник Чжэн? Оказывается, это всего-навсего мясник Чжэн, который режет свиней. Грязная тварь! Нажился на поставках пограничной охране, открыл мясную лавку, а теперь еще обманывает бедных людей! Подождите меня здесь, – сказал он Ли Чжуну и Ши Цзиню. – Я убью эту скотину и сейчас же вернусь.

Ли Чжун и Ши Цзинь стали успокаивать его и уговаривать отложить расправу до завтра. После долгих стараний им удалось уломать его.

– Подойди-ка сюда, отец, – снова обратился Лу Да к старику. – Что ты скажешь, если я дам тебе денег на дорогу и ты завтра же сможешь уехать обратно в Восточную столицу?

В ответ на это предложение отец и дочь в один голос отозвались:

– О! Если бы вы помогли нам возвратиться на родину, вы стали бы для нас дороже родного отца. Вы бы вернули нас к жизни! Но разве нас отпустит содержатель гостиницы? Ведь господин Чжэн поручил ему требовать с нас деньги!

– Это ничего не значит, – отвечал Лу Да. – Я знаю, как уладить это дело. – Он порылся в карманах, вытащил пять лян серебра, положил их на стол и, взглянув на Ши Цзиня, сказал:

– Сегодня у меня с собой маловато денег. Если у тебя есть, одолжи мне, а завтра я их возвращу тебе.

– Стоит ли об этом говорить! – отозвался Ши Цзинь и, вынув из узла слиток серебра в десять лян, положил его на стол.

Тогда Лу Да обратился к Ли Чжуну:

– Одолжи немного и ты.

Пошарив в кармане, Ли Чжун достал два лян серебра.

Увидев, как мало он дает, Лу Да проворчал:

– Ну и скряга!

Передавая старику Цзиню пятнадцать лян серебра, Лу Да сказал:

– Эти деньги возьмите на дорогу, а сейчас идите и собирайтесь. Завтра рано утром я приду проводить вас, и мы посмотрим, осмелится ли хозяин гостиницы вам помешать!

Низко кланяясь и повторяя слова благодарности, старый Цзинь и его дочь ушли. Оставшиеся два лян Лу Да швырнул Ли Чжуну.

Осушив еще два рога вина, друзья спустились вниз. Уходя, Лу Да сказал хозяину кабачка:

– Деньги за вино я пришлю завтра.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – отвечал тот. – Заходите только к нам почаще!

Выйдя из кабачка, друзья расстались. Ши Цзинь и Ли Чжун отправились каждый в свою гостиницу. Лу Да возвратился домой сердитый и лег спать, не поужинав. Хозяин дома, видя, какое у него настроение, не посмел даже и спрашивать его о чем-нибудь.

А старый Цзинь, проводив дочь в гостиницу, отправился в пригород, чтобы заранее нанять повозку. Вернувшись оттуда, он уложил вещи, расплатился за жилье, рассчитался за дрова и питание и стал дожидаться рассвета. Ночь прошла спокойно. Поднявшись рано утром, отец и дочь развели огонь, приготовили завтрак, поели и собрались в дорогу. В это время в гостиницу торопливо вошел Лу Да и громко позвал:

– Эй, сторож! Где тут живет старый Цзинь?

– Почтенный Цзинь, – крикнул сторож, – тебя хочет видеть командир Лу Да.

Старик Цзинь открыл дверь и, обращаясь к Лу Да, произнес:

– Господин командир, пожалуйста, проходите и присядьте!

– Для чего мне садиться? – бросил Лу Да. – Если думаешь ехать, так отправляйся, чего ты еще ждешь?

Старик Цзинь, отвечивая Лу Да бесчисленные поклоны, взял коромысло с вещами и совсем уж собрался было идти с дочерью, как вдруг сторож преградил ему дорогу:

– Куда же это ты уходишь, почтенный Цзинь?

– Разве он должен за комнату? – спросил Лу Да.

– Нет, за комнату он уплатил вчера. Но господин Чжэн поручил проследить, чтобы он вернул деньги, которые должен.

– С мясником расплачусь я сам, – сказал Лу Да, – а сейчас отпусти старика, он уезжает на родину!

Но сторож продолжал настаивать. Тогда Лу Да расвирепел и, раскрыв свою пятерню, дал ему такую затрещину, что у того сразу же хлынула изо рта кровь. Ударив его еще раз, Лу Да выбил ему два передних зуба, после чего сторож в мгновение ока исчез за дверью. Хозяин все это видел, но, разумеется, не осмелился высунуть носа и вмешаться. Тем временем старик Цзинь с дочерью поспешно ушли. Выйдя из города, они нашли нанятую еще накануне повозку и уехали.

Между тем Лу Да, опасаясь, как бы сторож не бросился за ними в погоню, сел на скамейку около гостиницы. Просидев так две стражи и рассчитав, что Цзинь отъехал уже далеко, Лу Да поднялся и направился прямо к мосту Чжуаньюань.

К этому времени в лавке мясника Чжэна уже были открыты обе двери, за стойками на крюках висели куски свинины, а сам мясник Чжэн спокойно сидел за прилавком около дверей, присматривая за своими подручными, торговавшими мясом.

– Мясник Чжэн! – позвал его Лу Да, приблизившись к лавке.

Завидев командира охраны, мясник поспешно вышел из-за прилавка и приветствовал Лу Да поклонами. Потом он велел принести скамью и пригласил его сесть. Усевшись, Лу Да сказал:

– Я получил приказ начальника пограничных войск заказать десять цзиней¹⁸ лучшего мяса, которое должно быть мелко нарублено, да так, чтобы в фарш не попало ни капли жира.

– Будет сделано, – ответил Чжэн и отдал распоряжение своим подручным. – Нарубите побыстрее фарш из самого лучшего мяса!

– Я не хочу, чтобы мясо рубили твои грязные слуги, – вскричал Лу Да, – сделай это сам!

– И то правильно, – согласился Чжэн и направился к прилавку. – Конечно, я сам сделаю лучше.

В это время к мясной лавке подошел сторож из гостиницы; голова его была обвязана полотенцем. Он пришел, чтобы рассказать мяснику о том, что произошло, но, увидев Лу Да около стойки, не решился войти и остановился в сторонке, издали наблюдая за тем, что делается в лавке.

Чжэн рубил мясо целый час, затем завернул готовый фарш в листья лотоса и обратился к Лу Да с вопросом:

¹⁸ Цзинь – мера веса, равная приблизительно 600 г.

– Разрешите отправить, господин командир?

– Не торопись! – ответил Лу Да. – Кроме этого фарша, мне требуется еще десять цзиней чистого жира, без всякой примеси мяса. Жир тоже надо мелко нарубить.

– Я приготовил вам самое лучшее рубленое мясо, – заметил Чжэн. – Полагаю, что у вас в управлении будут варить пельмени. Но для чего же вам нужен еще и рубленый жир?

Лу Да свирепо посмотрел на него и прикрикнул:

– Если мне сам начальник приказал это, как ты смеешь рассуждать?

– Ну, раз так нужно, я сделаю, – присмирел Чжэн.

Он взял десять цзиней чистого жира, мелко-мелко нарубил его и тоже завернул в листья лотоса. Работа заняла у него все утро; прошел уже час завтрака. А сторож гостиницы так и не рискнул приблизиться. Даже покупатели не решались войти в лавку. – Теперь можно послать людей отнести все это в управление, господин командир? – спросил Чжэн.

В ответ на это Лу Да сказал:

– Мне нужно еще десять цзиней фарша, сделанного из сухожилий. Но никакого мяса там быть не должно.

– Вы, верно, потешаетесь надо мной? – кисло улыбаясь, спросил Чжэн.

Тут Лу Да вскочил, схватил оба свертка и, с яростью глядя на мясника, закричал:

– Ты прав! Я пришел сюда для того, чтобы поиздеваться над тобой! – и с этими словами он с такой силой бросил свертки в Чжэна, что залепил мясом и жиром все его лицо.

Мясник рассвирепел. Гнев душил его. Не владея собой, в порыве злобы он схватил со стойки острый нож, которым очищают кости от мяса, и ринулся вперед. Но Лу Да был уже на улице. Никто из соседей и приказчиков Чжэна не осмелился его остановить. Прохожие застыли на месте, а сторож гостиницы словно окаменел от страха.

Сжимая в правой руке нож, мясник подбежал и хотел левой рукой схватить Лу Да, но тот, улучив момент, поймал его за руку и с такой силой пнул в живот, что Чжэн тяжело рухнул на землю. Лу Да наступил ему ногой на грудь и, подняв свой огромный увесистый кулак, закричал:

– Я начал свою службу в пограничных войсках старого сановника Чуна, дослужился там до звания начальника охраны пяти западных застав, и мне, может быть, было бы к лицу звание Сановника западных районов. Ты же – лавочник, торгующий мясом, собачья твоя порода! Да как ты смел назваться Сановником западных районов?! Как ты смел так подло обмануть Цзинь Цуй-лянь?

С этими словами Лу Да нанес Чжэну такой удар кулаком в переносицу, что сломал ему нос, и из ноздрей мясника хлынула кровь. Во рту у мясника Чжэна словно открыли торговлю приправами: ему было и кисло, и солоно, и горько. Чжэн никак не мог высвободиться из рук Лу Да; его нож отлетел в сторону, и он завопил:

– Чего ты дерешься?

– Ах разбойник! – рявкнул Лу Да. – Ты еще смеешь разговаривать?!

Тут он ударил мясника в лоб, да так, что у того искры из глаз посыпались и поплыли круги всех цветов радуги – красного, зеленого, фиолетового, – словно распахнулась лавка с разноцветными шелками.

На улице собралась большая толпа, но никто не осмелился остановить Лу Да. Мясник не выдержал и стал просить пощады. – Ах ты негодяй! – закричал Лу Да. – Если бы ты не оказался таким трусом, я, может быть, и помиловал бы тебя! Но если ты запросил пощады, снисхождения тебе не будет!

С этими словами он ударил мясника кулаком в висок так, что у того в голове разом начали бить металлические била, медные тарелки и цимбалы, словно совершалось даосское заупокойное богослужение по всем душам умерших на суше и на воде.

Лу Да, увидев, что мясник лежит без движения и едва дышит, нарочито громко закричал:

– Вот дрянь какая, прикидывается мертвым! Все равно я тебе еще добавлю!

Но тут он заметил, что лицо мясника стало серым, как земля, и про себя подумал: «Я хотел только как следует вздуть этого мерзавца и никак не думал, что убью его тремя ударами кулака. Ведь за это я пойду под суд! А в тюрьму даже некому будет принести мне еды... Надо поскорее убраться отсюда...» Показывая пальцем на труп мясника, Лу Да шагнул в сторону, повторяя свою угрозу:

– Прикидываешься мертвым! погоди, я еще с тобой разделаюсь!

Выругавшись, он большими шагами пошел прочь, и ни соседи мясника, ни его подручные не осмелились задержать его.

Вернувшись к себе домой, Лу Да наспех собрал кое-какую одежду, захватил наиболее ценные вещи и серебро, взял денег на дорогу, вооружился палицей, доходившей ему до бровей, и, бросив все остальное имущество, быстро вышел через Южные ворота и скрылся.

А в это время семья мясника вместе с пришедшим из гостиницы сторожем долго пытались привести Чжэна в чувство, но – увы! – им не удалось этого сделать: мясник был мертв.

Тогда родные и соседи Чжэна отправились к правителю округа с жалобой. Прочитав жалобу, правитель сказал:

– Лу Да служит в войсках пограничной охраны, и я не в праве арестовать его.

Он тут же сел в паланкин и отправился в управление пограничных войск. Прибыв туда, он послал солдата, сторожившего у ворот, доложить о своем приезде.

Начальник пограничных войск пригласил правителя округа в зал и после установленных приветствий спросил, по какому делу посетил его правитель.

– Разрешите доложить, господин военачальник, – отвечал правитель округа, – что командир вашего управления, Лу Да, беспричинно убил городского торговца мясом Чжэна. Не дожив вам, я не решился арестовать преступника.

Услышав об этом, начальник испугался и подумал: «Лу Да хороший воин, но уж слишком он груб и несдержан. Как могу я его защищать, если он убил человека? Пусть уж лучше привлекают его к ответу». И он сказал правителю округа:

– Лу Да, собственно, служит у моего отца, в старом управлении войсками. Здесь у меня не было помощников, и отец прислал его ко мне. Но раз он совершил убийство, вы можете привлечь его к ответу. Когда дознание установит, что Лу Да действительно виновен, надо будет известить моего отца и уж только после этого принимать окончательное решение. Мне будет очень неприятно, если Лу Да вдруг понадобится моему отцу, а я не смогу послать его.

– Я как раз и приехал к вам затем, чтобы выяснить положение, – отвечал правитель округа. – Конечно, мы будем выносить решение только после того, как уведомим достопочтенного военачальника – вашего отца.

Возвратившись в управление округа, правитель отправился в залу суда и подписал приказ об аресте Лу Да.

Приказ этот был передан на исполнение следователю, который в сопровождении двадцати стражников направился к дому, где жил Лу Да. Однако здесь они застали только хозяина, и тот сообщил им, что начальник Лу Да только что ушел, взяв с собой узел и палицу.

– Я полагал, – добавил хозяин, – что ему дано какое-нибудь важное поручение, и не осмелился ни о чем его расспрашивать.

Следователь приказал открыть комнату Лу Да, но там ничего не нашли, кроме поношенного платья и одеяла. Обыскав понапрасну весь дом, следователь арестовал хозяина дома, двух соседей Лу Да, привел их в управление округа и доложил обо всем правителю округа.

Правитель округа распорядился задержать арестованных, а также взять под стражу соседей и помощников мясника Чжэ-на. Кроме того, он велел квартальным и домовым старшинам еще раз осмотреть тело убитого.

Когда со всем этим было покончено, семья мясника приготовила гроб и все необходимое для погребения. Покойника перенесли в храм, и родственники стали готовиться к похоронам.

Затем был отдан приказ: в определенный срок найти и арестовать преступника. Привлеченных же по этому делу лиц отпустили на поруки, однако всех их приговорили к ударам палками – соседей мясника за то, что они не оказали ему вовремя помощь, а хозяина Лу Да и живших с ним рядом за то, что позволили преступнику бежать.

Повсюду были срочно разосланы распоряжения и расклеены объявления об аресте Лу Да с указанием его примет, возраста и места рождения. Тому, кто задержит преступника, была обещана награда в тысячу связок медяков.

О том, как происходили похороны мясника, мы рассказывать не будем, а вернемся к Лу Да.

Он бежал из Вэйчжоу в полном смятении и, не зная, что делать, брел куда глаза глядят. Так он прошел несколько городов, и в дороге ему пришлось перенести немало трудностей. Правильно говорит пословица: «Голодный непривередлив в еде, замерзающий неприхотлив в одежде, беглец не выбирает дороги, бедный неразборчив в выборе невесты».

Так было и с Лу Да. Он шел наудачу, все еще не зная, где ему лучше укрыться. Спустя полмесяца беглец достиг наконец уездного города Яньмынь в области Дайчжоу. Войдя в город, он увидел шумные рынки и большое скопление народа. По улицам разъезжало множество повозок, в лавках продавались самые разнообразные товары. Повсюду царил образцовый порядок, и хотя Яньмынь был всего лишь уездным городком, по своему благоустройству он мог поспорить с большим областным городом.

Блуждая по улицам, Лу Да вдруг заметил на одном из перекрестков толпу, стоявшую около доски с объявлением. Он протискался вперед, чтобы узнать, о чем читают, так как сам был неграмотен. И тут он услышал следующее: «Согласно полученному начальником уезда Яньмынь округа Дайчжоу указанию ревизора тайюаньской области и на основании отношения окружного управления Вэйчжоу предлагается задержать преступника Лу Да – бывшего командира отрядов пограничной охраны, в связи с убийством им мясника Чжэна. Виновные в укрывательстве Лу Да или в предоставлении ему приюта и пищи будут привлечены к ответственности наравне с преступником. Тому, кто задержит указанного преступника и передаст его властям или сообщит о его местопребывании, будет выдана награда в тысячу связок медяков...»

В этот момент Лу Да услышал за своей спиной возглас:

– Почтенный господин Чжан! Как это вы сюда попали? – И он почувствовал, как кто-то обхватил его сзади и потащил прочь.

Если бы этот человек не заметил его и не увел, тогда не случилось бы, что Лу Да обрил голову, сбрил усы и бороду, изменил свою фамилию, под которой был известен как убийца, и в припадке гнева перебил много почтенных монахов. Ведь недаром говорится:

Тяжелый посох грозного монаха
Опасный путь прокладывал вперед,
Стальной кинжал бесстрашного монаха
Уничтожал несправедливый род.

Но кто же спас Лу Да? Об этом речь пойдет дальше.

Глава четвертая

Лу Чжи-шэнь учиняет скандал на горе Утай. Богач Чжао обещает возместить ущерб, причиненный Лу Чжи-шэнем



Обернувшись, Лу Да сразу узнал человека, который оттащил его в сторону. Это был тот самый старик Цзинь, которому он помог выехать из Вэйчжоу. Отойдя с Лу Да в безопасное место, старик испуганно зашептал:

– Слишком уж вы смелый человек, благодетель! Ведь повсюду объявлено, что задержавшему вас будет выдана награда в тысячу связок медяков, а вы, как нарочно, стоите около этого самого объявления. Если бы мы не встретились, боюсь, вас схватили бы стражники. Ведь там указаны все ваши приметы!

Лу Да ответил:

– По правде говоря, случилось так, что в тот день, когда ты уехал, я отправился к мосту Чжуанюань и расправился с этим подлецом – мясником Чжэном. Тремя ударами кулака я убил его и теперь вынужден скрываться. Много дней я бродил без всякой цели и вот случайно очу-

тился здесь. Но почему ты не вернулся в Восточную столицу, а приехал сюда? – в свою очередь спросил он старика.

– Мой высокий благодетель! – отвечал Цзинь. – После того как вы спасли нас, я нанял повозку и хотел было отправиться в Восточную столицу, но потом испугался, что этот негодяй догонит нас, – ведь мы погибли бы без вашей помощи, – и решил свернуть на север. По дороге повстречался нам старый земляк, который ехал сюда торговать, и взял нас с собой. Он же просватал мою дочь за местного богача Чжао, который поселил нас в отдельном доме. Ваше благодеяние помогло нам, и сейчас мы живем в полном довольстве, не зная нужды. Моя дочь часто рассказывает своему покровителю о той милости, которую вы оказали нам. Он любитель фехтования и не раз выражал желание познакомиться с вами. Но разве мы могли надеяться на такой счастливый случай? Прошу вас, благодетель, пойдите к нам в дом. Вы поживете немного у нас, а потом мы посмотрим, что делать.

Пройдя не более половины ли, они подошли к дому, и старый Цзинь, приподняв занавеску двери, крикнул:

– Дочка! Наш спаситель приехал к нам!

Из внутренней комнаты вышла Цуй-лянь, пышно разодетая и разукрашенная. Она попросила Лу Да сесть на почетное место посередине комнаты и, низко поклонившись ему шесть раз, сказала:

– Если бы не ваше заступничество, уважаемый благодетель, разве мы смогли бы дожить до сегодняшнего счастливого дня? Прошу вас пройти наверх и отдохнуть.

– Не беспокойтесь, – ответил Лу Да, – мне скоро нужно идти.

– Да разве мы отпустим вас? – запротестовал старый Цзинь и, взяв у Лу Да палицу и узел, проводил его в верхние комнаты. Усадив его там, он сказал дочери:

– Займи нашего благодетеля, а я похлопочу об угощении.

– Не затрудняйте себя, пожалуйста, – сказал Лу Да. – Не нужно никаких особых приготовлений.

– За оказанное вами благодеяние жизнь отдать мало, – произнес старик. – Стоит ли говорить о каком-то скромном угощении!

Дочь Цзиня оставила Лу Да у себя наверху, а старик спустился вниз и, приказав служанке развести огонь в очаге, сам отправился в лавку с мальчиком-слугой. Там он купил свежей рыбы, цыплят, особо приготовленного гуся, маринованной рыбы, самых свежих фруктов и с помощью слуги доставил все это домой, где уже были поданы вина и закуски. Затем был накрыт стол на троих, служанка внесла подогретое вино в серебряном чайнике. Отец и дочь поочереды подносили гостю чашки с вином. Выполнив все положенные церемонии, старый Цзинь отвесил Лу Да земной поклон.

– Ты ведь старик! – взволнованно воскликнул Лу Да. – Зачем же совершать передо мной такие церемонии? Ты просто ставишь меня в неловкое положение.

– Благодетель наш, – возразил Цзинь, – послушайте, что я вам скажу. В первые же дни, как мы сюда приехали, я взял лист красной бумаги, сделал на нем благодарственную надпись, и мы с дочерью каждое утро и каждый вечер возжигали перед этой бумагой жертвенные свечи и возносили вам благодарность. Как можем мы не проявлять нашей благодарности теперь, когда вы сами прибыли сюда?

Лу Да сказал на это:

– Люди, обладающие таким чувством признательности, встречаются не часто.

Так они сидели за ужином, неторопливо попивая вино. Уже стемнело, когда на улице внезапно послышался шум. Выглянув в окно, Лу Да увидел толпу человек в тридцать с белыми палками в руках. Слышались крики: «Давай его сюда!» Среди них один человек, по виду важный чиновник, верхом на коне, громко отдавал приказание:

– Смотрите, не упустите этого разбойника!

Увидев, что дела плохи, Лу Да вооружился скамейкой и приготовился уже спуститься вниз, чтобы проложить себе дорогу. Но старый Цзинь решительно замахал руками и с возгласом: «Стойте, подождите!» – бросился на улицу. Подбежав к чиновнику, Цзинь шепнул ему несколько слов, и тот, рассмеявшись, приказал всем разойтись. Толпа быстро рассеялась.

Сойдя с лошади, чиновник вошел в дом и, когда старый Цзинь пригласил Лу Да спуститься вниз, опустил перед гостем на колени и, низко кланяясь, сказал:

– Примите, благородный воин, мое самое искреннее уважение. Правильно говорится: «Никакая молва не заменит личного знакомства».

– Кто это? – спросил Лу Да, обращаясь к старому Цзиню. – Мы не встречались с ним раньше, почему же он так приветствует меня?

– Это и есть господин Чжао, муж моей дочери, – улыбаясь, ответил Цзинь. – Он узнал о том, что я привел наверх к дочери какого-то мужчину и что мы здесь сидим и выпиваем. Вот он и решил проучить непрошеного гостя и поспешил собрать своих людей и привести их сюда. Когда же я рассказал ему, в чем дело, он всех отпустил.

– Так вот оно что, – сказал Лу Да. – Тут вы, конечно, не виноваты.

Обменявшись с Лу Да приветствиями, хозяин пригласил гостя пройти наверх. Когда они уселись за стол, старый Цзинь снова наполнил чашки вином и приготовил закуску, а Чжао попросил Лу Да занять почетное место.

– Что вы, зачем это? – стал отказываться гость.

– Примите этот скромный знак нашего уважения к вам, – сказал Чжао. – Я много слышал о вашем благородстве, и вот сегодня мне посчастливилось познакомиться с вами. Это для меня огромная радость!

– Я простой и невежественный человек, – возразил Лу Да, – да к тому же еще совершил тяжкое преступление. Но если вы не брезгуете моим обществом и считаете меня своим добрым знакомым, то я в случае надобности всегда готов быть вам полезным.

Эти слова доставили удовольствие Чжао. Он расспросил Лу Да об обстоятельствах смерти мясника Чжэна, потом они заговорили о приемах фехтования и, просидев за столом до полуночи, разошлись наконец по своим комнатам.

На следующий день, рано утром, Чжао сказал гостю:

– Боюсь, что оставаться здесь вам небезопасно. Я хотел бы пригласить вас на некоторое время в свое поместье.

– А где оно находится? – спросил Лу Да.

– Более десяти ли отсюда, – отвечал Чжао. – Местность эта называется Цибаоцунь.

– Лучшего и быть не может, – согласился Лу Да.

Чжао послал в поместье слугу, который к полудню привел второго коня. Простившись с Цзинем и его дочерью, Лу Да и Чжао сели на коней и отправились в поместье Цибаоцунь, дружески беседуя по дороге. Вещи Лу Да нес работник.

Вскоре они прибыли в усадьбу, и Чжао, поддерживая Лу Да под руку, провел его в дом. Распорядившись, чтоб зарезали барана и приготовили вино и угощение, Чжао усадил гостя на подобающее место и сам сел напротив. Поздно вечером Лу Да проводили в его комнату на покой. А на следующий день его снова ждали вино и угощение.

– Не знаю, как мне благодарить вас, – обратился Лу Да к хозяину, – я совсем не заслужил такого приема.

– Стоит ли говорить об этом! – воскликнул Чжао. – Ведь правильно сказано: «Среди четырех морей все люди братья».

Не будем многословны и скажем лишь, что Лу Да так прожил в поместье Чжао семь дней. Вдруг однажды, во время их мирной беседы в библиотеке, явился старый Цзинь. Он быстро прошел прямо к ним и, увидев, что, кроме Лу Да и Чжао в комнате никого нет, обратился к гостю:

– Благодетель мой! Не сочтите это за мнительность старика, но когда вы были моим гостем и господин Чжао, введенный в заблуждение ложным доносом, собрал своих слуг и поднял на улице шум, у соседей возникли подозрения. Пошли всякие слухи, и вот вчера четыре стражника посетили наших соседей и подробно расспрашивали их обо всем. Боюсь, как бы они не добрались сюда и не задержали вас. Тут надо быть начеку!

– В таком случае мне сейчас же надо уходить, вот и все! – ответил Лу Да.

– Если оставить вас здесь, – начал рассуждать Чжао, – боюсь, это может плохо кончиться, и тогда вы вправе будете считать меня виновником ваших бед. Но в то же время мне очень не хочется отпускать вас при таких обстоятельствах. Есть один верный способ избавить вас от всех неприятностей и поселить в надежном месте. Не знаю только, согласитесь ли вы на мое предложение?

Лу Да печально сказал:

– Я человек обреченный. Могу ли я отказываться, когда мне предлагают убежище?

– В таком случае все в порядке! – радостно воскликнул Чжао. – В тридцати ли отсюда есть гора Утай. Там находится буддийский монастырь, где живут семь сотен монахов. Настоятель монастыря, по имени Чжи-чжэнь, мой побратим. Еще мои предки вносили пожертвования на этот монастырь, и потому наша семья считается его покровителем. Когда-то я дал обет отыскать кого-нибудь, желающего постричься в монахи, и даже приобрел свидетельство на право пострига, но до сих пор еще не нашел подходящего человека. Если вы, господин Лу Да, согласны идти в монастырь, то все связанные с этим расходы я беру на себя. Только следует решить, в самом ли деле вы готовы обрить голову и стать монахом?

«Если я сейчас и уйду отсюда, – подумал Лу Да, – то деваться мне все равно некуда. Придется поступить так, как он предлагает». И, обращаясь к Чжао, он сказал:

– Раз вы советуете, я готов пойти в монахи. Только надеюсь, что и в дальнейшем вы не оставите меня своей помощью.

Так порешив, они тотчас приготовили шелк и другие подарки для монастыря и собрали для Лу Да одежду и все необходимое в дорогу. Поднявшись на рассвете, они сели в носилки и отправились к горе Утай. Часам к девяти утра путешественники были уже у подножья горы, на которой стоял монастырь. Чжао послал вперед слугу известить о своем прибытии, а его и Лу Да понесли дальше.

Когда они добрались до монастыря, навстречу им вышли келарь и казначей. Чжао и Лу Да остановили носилки и вошли в беседку у ворот, чтобы здесь отдохнуть; тем временем об их прибытии было доложено настоятелю. Настоятель в сопровождении надзирателя и монахов вышел встречать гостей.

Поздоровавшись с прибывшими, настоятель обратился к Чжао:

– Вы совершили далекое путешествие, благодетель.

Ответив на приветствие настоятеля, Чжао сказал:

– У меня есть к вам небольшое дело, и потому я решил побеспокоить вас.

– Прошу вас пройти в мою келью и выпить чаю, – пригласил их настоятель.

Гости направились к дому. Впереди шел Чжао, вслед за ним Лу Да. Когда они вошли в келью, настоятель пригласил Чжао сесть на почетное место гостя, а Лу Да уселся на место келаря. Чжао тотчас наклонился к его уху и прошептал:

– Вы собираетесь стать монахом, как же вы можете сидеть в присутствии настоятеля?

– Но я не знал, что это недозволено, – ответил Лу Да и, поднявшись, встал рядом с Чжао.

По правую и левую руку настоятеля разместились его помощник, келарь, казначей, монах, ведающий приемом гостей, писцы и другие монахи.

В это время слуги Чжао внесли корзины с подарками и поставили их посреди кельи. Увидев дары, настоятель сказал:

– Опять вы благодетельствовали нас. Ведь наш монастырь и без того не оставлен вашими милостями.

– Мои деяния столь незначительны, – ответил Чжао, – что о них не стоит и говорить.

Когда монахи и послушники удалились, Чжао поднялся с места и обратился к настоятелю с такими словами:

– Почтенный отец, я прибыл сюда, чтобы изложить вам одно дело. Я давно дал обет прислать кого-нибудь в ваш монастырь. Все нужные для этого бумаги у меня на руках, но до сих пор мне не удалось осуществить свое намерение. Наконец сегодня я привез к вам моего названного брата, по фамилии Лу. Он служил в пограничных войсках и, убедившись в бренности всего земного, решил покинуть мир и пойти в монахи. Я выражаю искреннюю надежду, что вы проявите милосердие и сочувствие к этому человеку и согласитесь принять его в семью братьев-монахов. Не откажите ему в постриге ради вашего скромного просителя. Все необходимое для этого уже мной приготовлено. Я искренне надеюсь, почтенный отец, что вы исполните мою просьбу и тем самым доставите мне большую радость.

Настоятель монастыря с улыбкой ответил:

– О, это очень нетрудно сделать. Подобное событие только увеличит славу нашего монастыря. А пока что разрешите угостить вас чаем, – и он приказал послушникам накрывать на стол.

Когда чаепитие было окончено и посуда убрана, настоятель отдал распоряжение казначею и келарю приготовить трапезу и пригласил своего помощника и келаря обсудить вопрос о пострижении вновь прибывшего.

Обсуждая эту новость, помощник настоятеля говорил с недоверием другим монахам:

– Какой из него монах? Вы только взгляните на его свирепые глаза!

Монах, ведающий приемом гостей, по просьбе других монахов отвел Чжао и Лу Да в приемную, чтобы дать возможность настоятелю храма переговорить с помощником.

Помощник настоятеля сказал:

– У того человека внешность преступника. Если мы возьмем его в монастырь, то навлечем на себя беду.

– Он побратим нашего благодетеля Чжао, и мы не можем отказать ему, – возразил настоятель. – Отбросьте ваши сомнения и дайте мне подумать.

Тут зажгли свечу, и настоятель, поджав ноги, уселся в кресло для размышлений. Повторяя про себя молитву, он предался самосозерцанию. Когда свеча догорела, он очнулся и произнес:

– Его обязательно надо постричь в монахи. Судьба этого человека предопределена небом, сердце его непреклонно. Хотя сейчас он производит неприятное впечатление и чем-то напоминает преступника, но жизнь его будет очень богата событиями и со временем он ступит на стезю праведников. Он не похож на других людей, и ему удастся достичь высшего совершенства. В этом вы не можете с ним сравняться. Когда-нибудь вы вспомните мои слова, а сейчас не препятствуйте ему.

«Настоятель пристрастен к этому человеку, – подумал помощник настоятеля, – и нам остается только повиноваться. Моим долгом было предостеречь его, но поскольку он не послушался, мне остается только примириться».

Тем временем в келье настоятеля была приготовлена трапеза, на которую вместе с другими пригласили Чжао. После трапезы казначей подсчитал предстоящие расходы, и Чжао дал деньги на покупку материи для монашеского облачения, на пошивку туфель и головного убора, расы, халата, а также всех предметов, необходимых для обряда пострижения.

Через день-два все было готово. Затем настоятель выбрал благоприятный для пострижения день и приказал звонить в колокола и бить в барабаны. Вскоре все монахи собрались в храме. Человек шестьсот в длинных одеждах, разделившись на две группы, уселись рядами

перед алтарем и, сложив ладони, приготовились к молитве. В это время Чжао вытащил из серебряного ларца слиток серебра, одежду и благовонные свечи и все это с поклонами поднес к алтарю.

После того как прочли молитву пострижения, послушник подвел Лу Да к алтарю. Помощник настоятеля велел Лу Да снять с головы повязку и разделил его волосы на девять прядей, придерживая их пальцами. Цирюльник обрил Лу Да голову, но когда дошла очередь до бороды и усов, тот вдруг сказал:

– А нельзя ли их мне оставить?

Услышав эти слова, монахи не могли удержаться от смеха.

– Внемлите словам псалма! – провозгласил стоявший на возвышении у алтаря настоятель и начал читать:

– «Ни один волосок не может быть оставлен,

Все шесть органов чувств должны быть очищены.

Тебя должны полностью обрить

Для того, чтобы устранить всякую причину
для беспокойства».

Кончив чтение псалма, настоятель приказал:

– Обрить наголо!

Цирюльник одним взмахом бритвы начисто обрил усы и бороду Лу Да. Помощник настоятеля поднес настоятелю бумагу о пострижении и попросил дать посвящаемому монашеское имя. Взяв бумагу, в верхней части которой было оставлено место для имени, настоятель прочел строку из псалма: «Один луч чудотворного света стоит тысячи слитков золота. Да распространится повсюду блеск учения Будды. И даруется тебе имя Чжи-шэнь, что значит «Познавший глубину».

Даровав Лу Да новое имя, настоятель передал бумагу монаху-писцу, который вписал туда новое имя посвященного и отдал ее Лу Чжи-шэню. Затем настоятель вручил ему монашеское одеяние и сказал, чтобы он облачился в него. После этого казначей подвел Лу Чжи-шэня к алтарю, и настоятель, возложив ему на голову руки, произнес:

– Отныне для тебя должны быть обязательными следующие три правила: быть таким же добрым и всепрощающим, как Будда, следовать истинному учению, почитать и любить своих наставников и друзей. Ты должен выполнять также пять заповедей: не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не пить вина и не лгать.

Чжи-шэнь не знал, что при совершении обряда следует отвечать только «могу» или «не могу», и вместо этого сказал: «Я запомню», – что также очень рассмешило монахов.

Когда церемония пострижения была закончена, Чжао пригласил монахов в трапезную, где всем, независимо от звания и положения, преподнес подарки. Затем келарь ввел в трапезную Лу Чжи-шэня и, приказав ему поклониться старшим и младшим братьям, усадил его у статуи Будды, позади остальных монахов. На этом можно закончить описание этого дня.

На следующий день Чжао собрался домой. Он простился с настоятелем и на все уговоры погостить отвечал, что ему надо возвращаться к себе. После утренней трапезы все монахи вышли к воротам проводить Чжао. Сложив ладони и кланяясь, он сказал собравшимся:

– Достопочтенный настоятель и отцы-монахи! Во всех своих делах вы проявляете милосердие и сострадание. Мой младший брат Чжи-шэнь – человек простой и прямодушный. Возможно, что он не всегда будет учтиво и вежливо вести себя, случайно обидит кого-нибудь словом или нарушит высокие правила монастырского устава. В таком случае я очень прошу вас, ради меня, недостойного, будьте снисходительны к нему.

– Не тревожьтесь, господин Чжао, – отвечал на это настоятель, – мы постепенно научим его читать священные книги и песнопения, будем разъяснять божественное учение и откроем ему путь к самосозерцанию.

– Когда-нибудь я постараюсь отблагодарить вас за все заботы о моем названом брате, – промолвил Чжао.

Потом он позвал к себе Лу Чжи-шэня, отвел его в сторону под сосны и потихоньку сказал ему:

– Дорогой брат! Теперь тебе придется расстаться со своими старыми привычками. Ты должен вести себя соответственно заповедям и не быть гордым и заносчивым. В противном случае ты поставишь меня в неудобное положение. Ну, береги себя и будь здоров. Всю необходимую одежду я буду тебе присылать. – Вам нет надобности предупреждать меня, дорогой брат, – ответил Лу Чжи-шэнь. – Я буду исполнять все обряды и вести себя как полагается.

Чжао еще раз попрощался с настоятелем и со всеми монахами, сел в носилки и отправился домой. Слуги понесли за ним пустые носилки и корзины, в которых были доставлены подарки. А настоятель монастыря в сопровождении монахов вернулся к себе.

Что касается Лу Чжи-шэня, то, миновав зал, где он принимал постриг, он повалился на скамью, предназначенную для самосозерцания, и сразу же уснул. Монахи стали расталкивать его, приговаривая:

– Так нельзя! Раз ты стал монахом – должен учиться, как предаваться самосозерцанию!

– Я хочу спать! Это мое личное дело и никого не касается! – возмутился Лу Чжи-шэнь.

– О, милосердное небо!¹⁹ – воскликнули монахи.

– Причем тут угорь? – изумился Лу Чжи-шэнь. – Я и черепах едал.

– Ну и беда с ним! – вскричали монахи.

– Почему же горько? – спросил, недоумевая, Лу Чжи-шэнь. – У черепахи большое брюхо, она жирная и на вкус очень приятна.

Тут монахи оставили Лу Чжи-шэня в покое и больше не мешали ему спать. На следующий день они все же решили пойти к помощнику настоятеля и доложить ему о недостойном поведении нового брата. Но помощник стал их уговаривать:

– Ведь настоятель сказал нам, что когда-нибудь Чжи-шэнь достигнет высшего совершенства и никто из нас не сможет с ним сравниться. Ясно, что настоятель потворствует Чжи-шэню, и пока ничего с ним не поделаешь. Оставьте его в покое.

Монахи ушли восвояси.

А Лу Чжи-шэнь, видя, что его больше не тревожат, каждый вечер разваливался на скамье для самосозерцания и засыпал, раскинув руки и ноги. По ночам на весь монастырь разносился его громоподобный храп. Свои нужды он, к великому ужасу всех монахов, отправлял прямо позади храма и загадил все кругом.

Монастырские служки отправились к настоятелю и стали жаловаться:

– Лу Чжи-шэнь не соблюдает никаких приличий. Он ведет себя совсем не по-монашески! Как же можно держать такого человека в монастыре?

– Вздор! – сердито сказал им настоятель. – Мы не должны забывать нашего покровителя. Брат Чжи-шэнь справится.

После этого никто больше не решался заговаривать о новом монахе.

Так прошло около пяти месяцев, в течение которых Лу Чжи-шэнь, сам того не замечая, постоянно нарушал спокойную жизнь монастыря на горе Утай. От длительного безделья его стали одолевать различные мысли. Однажды в начале зимы выдался прекрасный тихий день. Чжи-шэнь надел черную рясу, подвязался блестящим черным поясом, обулся в монашеские туфли и большими шагами вышел из монастыря, направляясь куда глаза глядят. Дойдя до беседки, расположенной на склоне горы, он сел на скамейку с высокой спинкой и задумался: «Что за никудышная жизнь! Раньше я каждый день пил хорошее вино, ел вкусную пищу, а

¹⁹ Тут и дальше игра слов. Иероглифы, означающие «милосердный» и «угорь», произносятся одинаково: «шань»; равно как и слова «горе», «беда» и «горько» произносятся «ку».

теперь меня сделали монахом, и я уже начал сохнуть с голоду! Вот и Чжао что-то долго не присылает своих людей с провизией. Я уже ко всему потерял вкус! Достать бы где-нибудь вина, может быть, на душе стало бы полегче».

Только Лу Чжи-шэнь подумал об этом, как вдалеке увидел человека, который нес на коромысле две кадучки, закрытые крышками. В руках этот человек держал оловянный кувшин для подогревания вина. Подымаясь в гору, неизвестный распевал:

Где на склонах Цзюлишань
Был жестокий бой,
Старый меч нашел пастух
И унес с собой.
Легкий ветер пролетел
Над рекой Уцзян,
Поднял пенную волну,
Разогнал туман.
Словно юная Юй-цзи²⁰
С песней проплыла,
От жестокого бавана
Навсегда ушла!

Сидя в беседке, Лу Чжи-шэнь поджидал, пока человек с ношей приблизится. А тот опустил кадучки на землю у самой беседки и остановился передохнуть.

– Послушай-ка, приятель! – обратился к нему Лу Чжи-шэнь. – Что это у тебя в кадучках?

– Доброе вино.

– Сколько возьмешь за кадучку? – спросил Чжи-шэнь.

Человек удивился:

– Ведь ты же монах! Верно, хочешь посмеяться надо мной?

– Буду я еще с тобой шутить! – рассердился Лу Чжи-шэнь.

– Это вино, – отвечал человек, – я приношу в монастырь для продажи работающим там мирянам: истопникам, носильщикам, уборщикам. Если мы, торговцы, будем продавать вино монахам, нас сурово накажут, отберут деньги, которые выданы на торговлю, и выгонят из жилищ. Все мы торгуем на монастырские деньги и живем в домах, принадлежащих монастырю. Как же я могу осмелиться продать тебе вино?

– Так ты и в самом деле не хочешь продать мне вина? – спросил Лу Чжи-шэнь.

– Хоть убей, не продам! – отвечал продавец.

– Убивать я тебя не стану, – сказал Лу Чжи-шэнь, – но вина ты должен мне продать!

Видя, что дело плохо, продавец подхватил было свой товар, но тут Чжи-шэнь выскочил из беседки, ухватился обеими руками за коромысло и пнул продавца ногой прямо в пах. Тот, схватившись обеими руками за живот, так и присел на землю и долго не мог подняться.

Тем временем Чжи-шэнь втащил обе кадучки в беседку. Подобрал кувшин, он принялся пить неподогретое вино и быстро осушил одну кадучку. Затем он крикнул торговцу:

– Эй, парень! Приходи завтра в монастырь за деньгами!

Боль у продавца постепенно унялась. Боясь, что настоятель узнает об этом происшествии и запретит ему торговать, парень сдержал свое негодование. Ему было уже не до денег. Он разлил оставшееся вино поровну в обе кадучки, схватил коромысло и бегом пустился с горы.

Лу Чжи-шэнь посидел еще немного, вино ударило ему в голову. Он вышел из беседки и, развалившись под сосной, окончательно опьянел. Тогда он спустил с плеч свою черную

²⁰ Юй-цзи – наложница правителя княжества Ци, Вэй-вана, баван – гегемон, узурпатор.

монашескую одежду, отчего на его обнаженной спине открылась цветная татуировка, обмотал рукава вокруг поясницы и, размахивая руками, как птица крыльями, стал подыматься в гору. Так он добрался до монастырских ворот. Два привратника, издали заметив, что он пьян, вооружились граблями и преградили ему дорогу.

– Ты последователь Будды! – закричали они. – Как смел ты напиться? Разве ты слеп и не читал правил, где говорится, что нарушивший заповедь о непотреблении вина приговаривается к сорока ударам палками и изгоняется из монастыря? А привратник, допустивший пьяного монаха в монастырь, получает десять палок. Ступай-ка ты скорее отсюда, тебе же лучше будет.

Но Лу Чжи-шэнь не так давно стал монахом и не забыл еще своих старых повадок. Сви-репо вытарасив на привратников глаза, он заорал:

– Ах вы разбойники этакие! Вы что же, хотите побить меня? Давайте-ка померяемся силами!

Один из привратников, видя, что дело плохо, побежал доложить о буйне казначею, а другой попытался преградить Лу Чжи-шэню дорогу бамбуковыми граблями, Чжи-шэнь одним движением отбил грабли, размахнулся и закатил привратнику такую пощечину, что тот зашатался и с трудом удержался на ногах. Тогда Чжи-шэнь ударил его еще раз кулаком, и привратник свалился у ворот, завопив от боли.

– На этот раз я тебя милую, – сказал Лу Чжи-шэнь и, пошатываясь, вошел в монастырь.

Казначей, услышав о том, что произошло, собрал человек тридцать истопников и носильщиков, вооружил их палками и вышел из западного флигеля навстречу Лу Чжи-шэню. А тот, завидев их, дико заревел и бросился к ним. Люди, шедшие усмирять пьяного, не знали, что еще недавно он служил в войсках. Испугавшись его вида, они поспешно отступили к складу и закрылись там на засов.

Тогда Чжи-шэнь вскочил на крыльцо, ударил в дверь кулаком, а потом ногой и распахнул ее. Его противникам бежать было некуда. Чжи-шэнь отобрал у них палки и выгнал из склада. Казначей побежал к настоятелю и доложил о случившемся. В сопровождении пяти служителей настоятель подошел к флигелю и крикнул:

– Чжи-шэнь, перестань буйствовать!

Тот, хоть и был пьян, все же узнал голос настоятеля, отбросил палку, поклонился ему и, указывая в сторону склада, сказал:

– Я выпил всего две чашки вина и никого не обидел, и вдруг целая толпа прибежала меня бить.

– Ради меня, – сказал настоятель, – отправляйся скорее спать; завтра мы поговорим.

– Если бы не настоятель, я убил бы кое-кого из вас, лысых ослов, – сказал Чжи-шэнь, обращаясь к монахам.

Настоятель приказал служителям уложить Чжи-шэня в постель. Завалившись, он тотчас же захрапел.

Старшие монахи, окружив настоятеля, стали говорить ему:

– Мы же предупреждали вас, почтенный отец. Что теперь делать? Разве можно держать в монастыре этого дикого кота, оскверняющего чистые правила Будды?

– Правда, сегодня он доставил нам немало хлопот, – отвечал настоятель, – но верьте, придет день – и он станет совсем иным. Ничего не поделаешь, ради нашего благодетеля Чжао придется и на этот раз простить его. С завтрашнего дня я сам примусь за него.

Расходясь по своим кельям, монахи переглядывались и говорили друг другу:

– Ну и настоятель! Ничего не хочет понимать!

На другой день после утренней трапезы настоятель послал за Чжи-шэнем послушника. Оказалось, что Чжи-шэнь еще не вставал, и посланный решил подождать его пробуждения. Вдруг Чжи-шэнь вскочил и, набросив на плечи одежду, босой, опрометью выбежал из кельи мимо испуганного послушника.

Послушник выбежал вслед посмотреть, куда побежал Чжи-шэнь, и не мог удержаться от смеха: тот сидел около храма и справлял нужду. Дождавшись, пока Чжи-шэнь покончит со своими делами, послушник сказал ему, что его вызывает настоятель.

Когда Чжи-шэнь явился к настоятелю, тот стал упрекать его:

– Хоть ты и бывший военный, Чжи-шэнь, но наш благодетель Чжао рекомендовал тебя в монахи, и я при пострижении наставлял тебя пяти заповедям – неприменным правилам поведения монахов: не убивай ничего живого, не воруй, не прелюбодействуй, не пей вина и не лги! Первое, от чего должен отказаться принявший монашеский обет, это от вина. Как же случилось, что вчера ты напился пьяным, избил привратника, сломал двери на складе, разогнал всех слугителей, кричал и ругался? Разве такое поведение достойно монаха?

– Я никогда больше не буду так поступать, – сказал Чжи-шэнь, почтительно преклоняя колени перед настоятелем.

– Ты ведь пошел в монахи, – продолжал настоятель, – как же ты осмеливаешься нарушать не только заповедь о запрещении вина, но и другие святыя правила буддизма? Если бы не наш покровитель Чжао, я тотчас выгнал бы тебя из монастыря. Смотри, не повторяй подобных поступков!

Чжи-шэнь встал и, сложив ладони, сказал:

– Впредь я не посмею так вести себя.

Оставив Чжи-шэня в своей келье и позавтракав с ним, настоятель ласково уговаривал его вести себя, как положено монастырским уставом. Потом он подарил Чжи-шэню рясу из тонкой материи, пару монашеских туфель и послал его в храм.

Но тому, кто привык к вину, трудно отказаться от этого удовольствия. Недаром говорится: «С вином дело ладится, с вином и провалится». Даже не слишком храбрый человек, выпив вина, становится смелее и развязнее, а уж что говорить о человеке с характером свободным и независимым!

После описанного скандала Лу Чжи-шэнь месяца четыре не осмеливался выходить из монастыря. Но вот во втором месяце, когда день выдался особенно теплый, он вышел за ворота. Побродив около монастыря, он засмотрелся на гору Утай и даже невольно воскликнул: «Как красиво, как замечательно!» Внезапно ветерок донес до него металлический звон «дин-дон-дин-дон», который раздавался внизу, у подножья горы.

Чжи-шэнь вернулся к себе в келью, взял немного денег, положил их за пазуху и медленно спустился с горы. Миновав арку с надписью «Обетованная земля Утай», он увидел поселок из семисот домов. Здесь шла бойкая торговля: продавали мясо, рыбу, овощи, вино, хлеб.

«Вот чертовщина! – подумал Чжи-шэнь. – Если бы я раньше знал, что близко имеется такое местечко, я не стал бы драться из-за той кадушки, а давным-давно купил бы себе вина здесь. За последние дни я, кроме воды, ничего и не пил. Пойду-ка посмотрю, что здесь можно достать».

Звуки, которые он слышал еще на горе, доносились из кузницы, где ковали железо. Рядом находился постоялый двор, на воротах которого висела вывеска: «Гостиница отца и сына».

Подойдя к кузнице, Чжи-шэнь увидел, что там работают три человека.

– Эй, хозяин, – спросил он, – есть хорошая сталь?

Кузнец поднял голову и, увидев лицо Чжи-шэня, на котором безобразно торчала отросшая щетина, сперва испугался. Прекратив работу, он произнес:

– Пожалуйста, присядьте, святой отец. Что прикажете вам изготовить?

– Мне надо выковать монашеский посох и кинжал, – ответил Чжи-шэнь. – Есть ли у тебя сталь высшего сорта?

– Сейчас у меня есть очень хорошая сталь, – ответил кузнец. – Какого веса вы хотели бы иметь посох?

– В сто цзиней, – сказал Чжи-шэнь.

– Что вы! – засмеялся кузнец. – Это будет очень тяжелый посох. Боюсь, что мне и не выковать такой. Да и как вы будете носить его? Даже меч Гуань-вана²¹ весил всего восемьдесят один цзинь!

– А чем я хуже Гуань-вана? – вспыхнул Чжи-шэнь. – Он тоже был всего-навсего человек!

– Я всем говорю, – ответил кузнец, – что можно выковать посох не тяжелее сорока или пятидесяти цзиней весом. Да и тот слишком тяжел!

– Ну, пусть будет по-твоему! – согласился Чжи-шэнь. – Сделай мне посох, как меч Гуань-вана – в восемьдесят один цзинь.

– Такой посох будет очень толст, – уговаривал Чжи-шэня кузнец, – некрасив и неудобен. Послушайтесь моего совета, отец, и я выкую вам хорошо закаленный посох в шестьдесят два цзиня. Но если он покажется вам слишком тяжелым, то пеняйте на себя! Насчет кинжала – ясно, о нем не стоит и говорить. Все это я изготовлю вам из самой лучшей стали.

– А сколько будут стоить эти две вещи? – спросил Чжи-шэнь.

– Сговоримся, – отвечал кузнец, – за все я возьму пять лян серебром.

– Будь по-твоему, – сказал Чжи-шэнь. – А если сделаешь хорошо, то сверх платы получишь еще и вознаграждение.

Взяв задаток, кузнец сказал:

– Так я сейчас же и примусь за работу.

– У меня тут осталась кое-какая мелочь, – добавил Чжи-шэнь. – Может быть, купим немного вина и выпьем?

– Вы уж, пожалуйста, отец, устраивайте это сами, – промолвил кузнец. – Мне нужно закончить работу, и я не могу составить вам компанию.

Расставшись с кузнецом, Чжи-шэнь прошел не более тридцати шагов и увидел вывеску кабачка. Откинув дверную занавеску, он вошел в комнату, уселся за столик и, постучав по нему, крикнул:

– Подать вина!

К нему тотчас подошел хозяин и вежливо сказал:

– Извините меня, отец, но дом, который я занимаю, и деньги, на которые торгую, дал мне монастырь. Настоятель строго-настрого запретил всем нам, торговцам, продавать вино монахам, иначе он отберет деньги и выгонит из дома. Не вините меня – сами видите, в каком я положении.

– А ты все же подай мне немного вина, – стал просить Чжи-шэнь. – Я никому не скажу об этом.

– Никак нельзя, – отвечал хозяин кабачка. – Может быть, вы пойдете куда-нибудь в другое место. Прошу вас, не гневайтесь! Что было делать Чжи-шэню? Он встал и, уходя, угрожающе сказал:

– Хорошо, я найду вино в другом месте, а потом вернусь и поговорю еще с тобой!

Невдалеке Чжи-шэнь увидел вывеску другого кабачка. Он немедленно завернул туда, сел и потребовал:

– Хозяин! Подай скорее вина, пить хочется!

– Отец, – ответил хозяин, – разве вы не понимаете нашего положения? Вы должны знать о приказе настоятеля. Почему же вы хотите разорить меня?

Несмотря на все уговоры, хозяин так и не согласился отпустить Чжи-шэню вина. Тот заходил еще в несколько питейных заведений, но и там он ничего не добился.

«Надо пойти на какую-то хитрость, – подумал Чжи-шэнь, – а то так и останешься без выпивки...» Тут он заметил на краю поселка, под абрикосовыми деревьями, шест с метлой²².

²¹ Гуань-ван – посмертное имя Гуан-юя, одного из главных героев романа «Троецарствие».

²² Вывеска кабачка, харчевни.

Там был небольшой кабачок, и Лу Чжи-шэнь поспешил туда. Он вошел и, сев у окна, окликнул хозяина:

– Эй, подай-ка вина прохожему монаху!

Взглянув на него, хозяин спросил:

– Ты откуда пришел?

– Я странствующий монах. Только что пришел к вам в поселок и хочу немного выпить, – отвечал Чжи-шэнь.

– Если ты из монастыря на горе Утай, я не могу продать тебе вина.

– Да нет же, – возразил Чжи-шэнь. – Давай скорее вино.

Хозяин оглядел Лу Чжи-шэня с ног до головы и, решив, что по виду и по разговору гость отличается от здешних монахов, спросил:

– Сколько тебе подать вина?

– Да не спрашивай, наливавай побольше, – сказал Чжи-шэнь.

Выпив десяток чашек, он опять подозвал хозяина.

– Найдется ли у тебя какое-нибудь жаркое? Подай мне!

– С утра было немного говядины, да я уже всю распродал, – развел руками хозяин.

Но в это время Чжи-шэнь почуял запах мяса. Он вышел на улицу и увидел, что на очаге около стены в горшке варится собачье мясо.

– У тебя же есть собачатина, почему ты не хочешь мне продать?

– Я не думал, что монах станет есть собачатину, – отвечал хозяин. – Потому и не предлагал тебе.

– Вот, держи деньги! – сказал Чжи-шэнь, вытаскивая все свое наличное серебро. – Давай мне половину твоего мяса!

Хозяин торопливо отрезал половину сварившейся собачьей тушки, накрошил немного чесноку и поставил еду перед Чжи-шэнем. Последний так и накинудся на мясо, разрывая его руками и обмакивая в чесночную приправу. Не забывал Чжи-шэнь и о вине. Выпив с десяток чашек, он все более входил во вкус и требовал еще и еще.

Хозяин кабачка остолбенел от удивления и только вскрикивал:

– Ну и монах! Вот чудеса!

– Я не даром у тебя ем! – огрызнулся Лу Чжи-шэнь, свирепо посмотрев на хозяина. – Какое тебе дело до меня?

– Сколько же тебе еще налить? – спросил хозяин.

– Давай еще кадушку, – потребовал Чжи-шэнь.

И хозяину ничего не оставалось, как поставить перед ним еще кадушку вина.

Вскоре Чжи-шэнь опорожнил и эту кадушку, а недоеденную собачью ногу сунул себе за пазуху. Перед тем как уйти, он сказал:

– Завтра я снова приду выпить на оставшиеся деньги.

Хозяин кабачка был так напуган, что стоял, не двигаясь с места, вытаращив глаза, и окончательно растерялся, когда увидел, что монах направился к горе Утай.

Добравшись до беседки, Чжи-шэнь присел отдохнуть; между тем винные пары начали оказывать свое действие. Вскочив на ноги, он закричал:

– Эх! Давненько я не проделывал никаких упражнений! У меня уж и тело-то все одеревенело! Попробую-ка я сделать несколько выпадов!

Выйдя из беседки и засучив рукава, он сделал несколько движений и почувствовал, как в нем заиграла кровь. Тогда он приналег плечом на столб беседки; раздался сильный треск, столб сломался, и беседка повалилась набок.

Монастырские привратники, заслышав грохот, взглянули вниз и увидели, что в гору нетвердыми шагами подымается Лу Чжи-шэнь.

– Вот беда-то! – закричали они. – Эта тварь опять нализалась! – И тут же закрыли ворота на засов и стали подглядывать в щелку. А Лу Чжи-шэнь, подойдя к воротам и обнаружив, что они заперты, принялся отчаянно барабанить кулаками. Но привратники не решались его впустить.

Постучав так несколько минут, Чжи-шэнь повернулся и, увидев слева от себя статую бога-хранителя монастыря, закричал:

– Ах ты, чертов истукан, вместо того чтобы постучать за меня в ворота, ты еще кулаком грозишь! А я тебя совсем не боюсь!

Тут Чжи-шэнь вскочил на возвышение, поломал, как перья лука, окружающий статую частокол и, схватив одну из палок, принялся дубасить бога-хранителя по ноге. Со статуи посыпалась глина и позолота...

Завидев это, привратники с криком: «Беда! Беда!» – побежали доложить о случившемся настоятелю.

Передохнув немного, Чжи-шэнь обернулся и заметил справа от ворот другую такую же статую. Он рывкнул:

– А ты, глупая тварь, чего разинула рот? Тоже вздумала смеяться надо мной?

Подскочив к этой статуе, он так хватил ее два раза по ноге, что тут же послышался треск и статуя бога-хранителя покатила на землю. Подняв сломанный деревянный каркас статуи, Чжи-шэнь громко рассмеялся от удовольствия.

Тем временем настоятель уговаривал пришедших к нему с докладом привратников:

– Не раздражайте его, идите!

Но тут в келью настоятеля вошли помощник, казначей и келарь в сопровождении других монахов. Все они заговорили разом:

– Этот дикий кот опять сегодня напился до безобразия. Он свалил беседку на горе и разбил статуи богов-хранителей у ворот! Что же мы будем теперь делать?

– Еще в древности говорили, – отвечал им настоятель, – «даже Сын Неба снисходительно относится к пьяным». Что же остается делать нам, старым монахам? Он уничтожил статуи богов-хранителей, а мы попросим его поручителя, господина Чжао, поставить новые. Он поломал беседку, мы опять же попросим Чжао исправить ее. Все это он, конечно, сделает...

– Статуи богов охраняют монастырь, как же можно их заменять? – возразили монахи.

– Это еще полбеда, что он разрушил стоявшие у ворот статуи богов-хранителей, – продолжал настоятель. – Даже если бы он разбил все статуи Будды в храме, и то ничего нельзя было бы сделать! Опасно доводить его до буйства. Вы же сами видели, как он свирепствовал в прошлый раз!

– Ну и настоятель у нас, – ворчали монахи, покидая его покои. – Глуп, как пень. Привратники, – приказали они, – не смейте открывать ворота и все время наблюдайте за тем, что он там вытворяет.

Между тем Лу Чжи-шэнь разошелся вовсю.

– Эй вы, падаль, лысые ослы! – кричал он. – Если вы сейчас же не впустите меня в монастырь, я разведу костер и сожгу ваше чертово логово.

Услышав это, монахи сказали привратникам:

– Откройте засов! Пусть эта скотина войдет. А то он и в самом деле еще что-нибудь натворит.

Привратники неслышно подкрались к воротам, потихоньку отодвинули засов и мгновенно скрылись в помещении. Попрятались и остальные монахи.

В этот момент Лу Чжи-шэнь напряг все свои силы и обеими руками приналег на ворота. Неожиданно ворота распахнулись, и он с шумом влетел во двор и упал. Вскочив на ноги, он испуганно ощупал свою голову, а потом бросился в храм, где сидели монахи, погружившиеся

в самосозерцание. Когда Чжи-шэнь рванул дверную занавеску и ввалился к ним, они замерли в страхе и еще ниже склонили головы.

Чжи-шэнь подошел к первой попавшейся скамье, и тут его начало рвать. Монахи зажали носы и только бормотали: «Небо милостивое! Небо милостивое!»

Облегчившись, Чжи-шэнь взгромоздился на скамью, сдернул с себя пояс и с треском разорвал на себе одежду. Тут он заметил выпавшую из-за пазухи собачью ногу.

– Вот и хорошо, я как раз проголодался!

Разломив кость, он принялся есть.

Увидев это, монахи в ужасе прикрыли лицо рукавами и отошли подальше от Чжи-шэня. Заметив это, Чжи-шэнь оторвал кусок собачатины и, подойдя к стоящему неподалеку монаху, предложил:

– А ну, полакомься и ты!

Испуганный монах еще плотнее закрыл лицо рукавами одежды.

– А, ты не хочешь есть? – вскричал Чжи-шэнь и, повернувшись, сунул собачатину в рот монаху, сидевшему рядом. Тот не успел отстраниться и упал со скамьи. Тогда Чжи-шэнь схватил его за ухо и стал насильно запихивать мясо ему в рот.

Монахи, сидевшие напротив, вскочили со своих мест и принялись всячески успокаивать Чжи-шэня, а тот, отбросив в сторону остатки собачатины, стал барабанить кулаками по их бритым головам. В храме поднялся невообразимый шум: монахи с громкими возгласами схватили чашки для сбора подаяний и одежду и сломя голову бросились бежать. Этот скандал впоследствии получил название «разгон всего храма». И настоятель храма ничего не мог сделать, чтобы водворить порядок.

А Лу Чжи-шэнь так разбушевался, что начал крушить все, что попадало ему под руку. Большинство монахов укрылось в своих кельях. Тогда казначей и келарь, ни слова не говоря настоятелю, собрали монахов, позвали прислугу, а также монастырских кузнецов, рабочих-мирян, послушников и носильщиков. Всего набралось около двухсот человек. Обвязав головы косынками и вооружившись палками и вилами, они все разом ворвались в храм.

Увидев их, Чжи-шэнь взревел от гнева и, не имея под руками никакого оружия, ухватился за стоявший перед статуей Будды стол для жертвоприношений. Выдернув у стола ножки, он бросился на противников. Монахи сильно оробели и отступили под балкон. Рассвирепевший Чжи-шэнь кинулся за ними, размахивая ножками от стола и сбивая с ног всех, кто попадался ему под руку; пощадил он только двух старших монахов.

Когда Чжи-шэнь пробился к самому алтарю, внезапно появился настоятель и повелительно крикнул:

– Перестань безобразничать, Чжи-шэнь! А вы, монахи, тоже успокойтесь!

Среди монахов было уже несколько десятков раненых. Услышав голос настоятеля, все попятились. Заметив это, Чжи-шэнь в свою очередь бросил ножки стола и воскликнул:

– Святой отец, будьте моим заступником! – К этому времени он почти совсем протрезвился.

– Чжи-шэнь, – строго обратился к нему игумен, – ты доставляешь всем нам много беспокойства! Когда в прошлый раз ты напился и устроил скандал, я сообщил об этом твоему названному брату Чжао. И он прислал письмо, в котором просил монахов простить тебя. Сегодня ты снова нарушил святые заповеди Будды! Напившись до безобразия, ты сломал беседку и разбил статуи богов-хранителей, стоящие у ворот. Все это было бы еще полбеды, но ты учинил безобразие в самом храме и разогнал всех монахов, а это уже непростительный грех! Наш монастырь Манджутры Бодисатвы²³ существует много столетий, это место священо, и мы больше

²³ Буддийское божество, представляющее собой олицетворение чистоты.

не можем терпеть твоё богохульство! Иди за мной в мои покои. Ты проведешь там несколько дней, а я тем временем постараюсь устроить тебя куда-нибудь в другое место.

Затем настоятель отослал монахов обратно в храм предаваться самосозерцанию, а получившим ушибы разрешил отдохнуть. Чжи-шэня он оставил у себя ночевать.

На следующий день, посоветовавшись с помощником, настоятель решил выдать Чжи-шэню немного денег на дорогу и отправить его в другой монастырь. Однако об этом следовало предварительно известить Чжао. Настоятель послал к нему двух служителей с письмом, да еще поручил им обо всем подробно рассказать и сразу же возвращаться с ответом.

Когда Чжао прочел письмо, ему стало очень тяжело. Он написал настоятелю почтительный ответ, в котором говорилось: «На восстановление статуй богов-хранителей и беседки я немедленно вышлю деньги, а что касается Чжи-шэня, отправляйте его, куда сочтете нужным».

Получив такой ответ, настоятель приказал слугам достать монашеское одеяние из черной материи, пару туфель и десять лян серебра. Потом он призвал Чжи-шэня и сказал ему:

– Когда ты впервые в пьяном виде учинил в монастыре бесчинство, это можно было отнести за счет твоего недомыслия. Но ты снова напился и настолько потерял рассудок, что разбил статуи богов-хранителей, сломал беседку и даже выгнал из храма всех монахов, углубившихся в самосозерцание. Это уже тяжкий грех. К тому же ты и ранил многих. Мы удалились от мира, это место благостно и свято, а твои поступки нарушают его чистоту. Ради твоего благодетеля господина Чжао я даю тебе письмо, чтобы ты мог найти себе иное пристанище. Здесь я больше не могу тебя оставить. Вечером я прочту тебе напутственную речь, четыре строчки наставления, которые должны помочь тебе встать на праведный путь.

– Отец мой! – воскликнул Чжи-шэнь. – Я готов направиться туда, куда ты посылаешь меня, и с благодарностью приму твое наставление.

Если бы настоятель не отправил Лу Чжи-шэня в назначенное место и не заставил его следовать данному завету, то, возможно, не произошло бы тех событий, о которых можно сказать:

Посмеиваясь, он размахивал
Тяжелым посохом своим,
Вступал с героями в сражения
И был всегда непобедим.

В свирепой ярости хватался он
За свой губительный кинжал
И злых, неправедных правителей
Безжалостно уничтожал.

О том, какими словами напутствовал Лу Чжи-шэня настоятель, рассказывается в следующей главе.

Глава пятая
***Главарь разбойников оказывается под
свадебным пологом. Лу Чжи-шэнь
расправляется с ним в деревне Таохуацунь***



Итак, игумен сказал Чжи-шэню:

– Оставаться здесь тебе больше нельзя. У меня есть духовный брат по имени Чжи-цин, настоятель монастыря Дасянго в Восточной столице. Отправляйся к нему и вручи это письмо. Попроси его дать тебе какую-нибудь службу при монастыре. Этой ночью мне было видение, и я поведаю тебе четыре истины, которые помогут тебе спасти жизнь. Смотри, крепко запомни их и следуй им до конца своих дней.

– Я готов выслушать ваши наставления, учитель, – ответил Чжи-шэнь, опускаясь на колени.

Тогда настоятель торжественно произнес:

– Счастье ты найдешь в лесу. Богатство получишь в горах; больших городов тебе следует избегать, а на берегах полноводных рек ты обретишь покой.

Внимательно выслушав эти слова, Лу Чжи-шэнь отвесил настоятелю девять поклонов. Затем он подвязал дорожную суму и, спрятав письмо, взвалил на плечи узел с вещами. Распростившись с настоятелем и со всеми монахами, Лу Чжи-шэнь покинул гору Утай и направился в гостиницу, расположенную рядом с кузницей. Там он решил немного передохнуть, дожидаясь, когда будут изготовлены посох и кинжал, и затем отправиться дальше.

Уходу Лу Чжи-шэня из монастыря все монахи очень обрадовались. Настоятель приказал починить разбитые статуи богов-хранителей и сломанную беседку. Спустя несколько дней в монастырь прибыл и сам Чжао с богатыми подарками и деньгами. Он распорядился заново восстановить статуи богов и беседку, но об этом мы больше не будем рассказывать.

Последуем теперь за Лу Чжи-шэнем. Он прожил в гостинице около кузницы несколько дней, ожидая выполнения своего заказа. Затем он приказал сделать ножны для кинжала, а посох покрыть лаком. Хорошо вознаградив кузнеца за труд, Лу Чжи-шэнь снова взвалил на плечи свой узел, привесил к поясу кинжал, взял в руки посох и, простившись с хозяином гостиницы и кузнецом, тронулся в путь. Встречные принимали его за бродячего монаха.

Покинув монастырь на горе Утай, Лу Чжи-шэнь направился в Восточную столицу. Более полумесяца провел он в пути. Монастырей он избегал и ночевал и питался на постоялых дворах; днем он заходил в придорожные кабаки.

Однажды по дороге Лу Чжи-шэнь так засмотрелся на красоту окружающей природы, что не заметил, как наступил вечер. До постоялого двора было далеко, и он оказался без ночлега. На беду на дороге не было никого, кто мог бы составить ему компанию, и он не знал, где устроиться на ночь. Пройдя еще двадцать ли и миновав какой-то деревянный мостик, Лу Чжи-шэнь заметил вдалеке мерцающие огни и вскоре подошел к поместью, расположенному в лесу. Сразу за поместьем поднимались крутые горы, словно нагроможденные друг на друга. «Что поделаешь! – подумал Лу Чжи-шэнь. – Придется попроситься ночевать здесь». Он поспешил к поместью и увидел, что несколько десятков крестьян бегают взад и вперед и что-то перетаскивают.

Лу Чжи-шэнь подошел к ним, оперся на свой посох и с поклоном их приветствовал.

– Монах, зачем ты пришел сюда в такое позднее время? – спросили крестьяне.

– Я не успел добраться до постоялого двора, – отвечал Лу Чжи-шэнь, – и хотел попросить у вас разрешения переночевать здесь. Завтра я пойду дальше.

– Ну, здесь с ночлегом у тебя ничего не выйдет, – отвечали крестьяне. – У нас и так сегодня хлопот хоть отбавляй!

– На одну-то ночь уж наверно можно найти приют, – возразил Чжи-шэнь, – ведь завтра я уйду!

– Проваливай-ка лучше, монах, – закричали крестьяне, – или тебе жить надоело?

– Что за чудеса? – удивился Чжи-шэнь. – Что же тут особенного, если я проведу здесь одну ночь? И причем тут моя жизнь?

– Уходи отсюда подобра-поздорову! А не уйдешь – мы тебя свяжем!

– Ах вы деревенщина неотесанная! – рассердился Чжи-шэнь. – Я ничего плохого вам не сказал, а вы вязать меня вздумали!

Некоторые из крестьян принялись ругаться, другие старались уговорить его уйти. Но Лу Чжи-шэнь, схватив свой посох, совсем было собрался пустить его в ход и вдруг увидел, что из усадьбы вышел какой-то пожилой человек. Взглянув на него, Чжи-шэнь сразу определил, что этому человеку было за шестьдесят. Старик шел, опираясь на длинный посох. Приблизившись, он крикнул крестьянам:

– Что здесь за крик?

– Да как же тут не кричать? – отвечали те. – Ведь этот монах собрался нас бить!

Лу Чжи-шэнь выступил вперед.

– Я из монастыря, что на горе Утай, – сказал он, – держу путь в Восточную столицу, где буду служить. Я не успел дойти до ближайшего постоялого двора и решил просить ночлега в вашем поместье, а эти невежи собрались вязать меня!

– Ну, если вы святой отец с горы Утай, – сказал старик, – то следуйте за мной.

Лу Чжи-шэнь прошел следом за стариком в парадный зал, где они уселись – один на месте хозяина, другой на месте гостя, как того требовал обычай.

– Вы не обижайтесь, святой отец, – начал старик. – Крестьяне не знают, что вы пришли из обиталища живого Будды, и смотрят на вас как на простого человека. Я же всегда глубоко почитаю три сокровища буддизма: Будду, его законы и буддийскую общину. И хотя сегодня вечером в поместье много хлопот, я прошу вас переночевать в моем доме.

Чжи-шэнь, поставив свой посох к стене, поднялся с места и, низко поклонившись хозяину, промолвил с благодарностью:

– Я тронут вашей добротой, мой благодетель. Разрешите спросить, как называется это поместье и каково ваше уважаемое имя?

– Фамилия моя Лю, – отвечал старик. – А наша деревня называется Таохуа – Цветы персика. Жители всей округи называют меня старшиной Лю из поместья Таохуа. Могу ли и я узнать ваше монашеское имя?

– Мой духовный наставник, игумен монастыря Чжи-чжэнь, нарек меня именем Чжи-шэнь. Фамилия же моя Лу, и потому теперь меня зовут Лу Чжи-шэнь.

– Разрешите пригласить вас отужинать со мной, – сказал хозяин. – Но я не знаю, дозволена ли вам скоромная пища?

– Я не избегаю ни скоромного, ни вина, – отвечал Чжи-шэнь. – Мне все равно, что пить – просяную ли водку, или вино, я не привередничаю. Меня мало также интересует, что передо мной – говядина или собачатина, – что дают, то и ем.

– Если вы разрешаете себе мясную пищу и хмельное, – сказал хозяин, – то я сейчас же прикажу слугам принести вина и мяса.

Вскоре был накрыт стол, и перед Лу Чжи-шэнем поставили блюда с мясом и несколько тарелочек с закусками, возле которых положили палочки для еды. Чжи-шэнь развязал пояс, снял сумку и уселся за стол. Между тем слуга принес чайник с вином, чашку, налил в нее вина и подал Чжи-шэню.

Лу Чжи-шэнь не заставил себя упрашивать и без дальнейших церемоний принялся за еду и питье. Вскоре и вино и мясо были уничтожены. Сидевший за столом против Чжи-шэня хозяин так изумился, что не мог вымолвить ни слова. Снова были принесены кушанья, и снова Чжи-шэнь все съел.

Лишь после того как слуга убрал со стола, хозяин сказал:

– Вам, учитель, придется переночевать в боковой пристройке. Если вы услышите ночью какой-нибудь шум – не тревожьтесь и не выходите из дома.

– Разрешите спросить, что у вас сегодня ночью должно произойти? – обратился Лу Чжи-шэнь к хозяину.

– Ну, это для монахов не представляет интереса, – ответил старик.

– Вы чем-то расстроены, почтенный хозяин, – сказал Лу Чжи-шэнь. – Быть может, вы недовольны тем, что я потревожил вас своим появлением? Поутру я отблагодарю за все хлопоты и покину ваше жилище.

– Я уже говорил вам, – возразил хозяин, – что постоянно принимаю у себя монахов и делаю им подношения. Чем же может помешать мне один человек? Я огорчен тем, что сегодня вечером в наш дом приезжает жених моей дочери и у нас состоится свадьба.

Услышав слова старого Лю, Лу Чжи-шэнь засмеялся и сказал:

– Да ведь это обычное событие в жизни человека! Всегда так бывает, что взрослый мужчина женится, а девушка выходит замуж. Зачем же вам печалиться?

– Вы далеко не все знаете, почтенный отец, – возразил хозяин. – Эту свадьбу мы устраиваем не по доброй воле.

Тут Чжи-шэнь громко расхохотался.

– Какой же вы чудак, почтенный хозяин! – воскликнул он. – Если на этот брак нет согласия обеих сторон, так чего ради вы выдаете дочь замуж и принимаете к себе в дом зятя?

– У меня одна-единственная дочь, – ответил хозяин. – Ей только что минуло девятнадцать лет. Поблизости от нашей деревни есть гора, которая тоже называется Таохуа. Недавно там появились два удальца, которые собрали несколько сотен человек, построили крепость и занимаются в окрестностях грабежом и разбоем. Цинчжоуские власти посылали войска для расправы с ними, но ничего не смогли поделать. Один из их главарей пришел в наше поместье, чтобы отобрать у нас деньги и продукты, но когда увидел мою дочь, то оставил двадцать лян золота и кусок шелка в качестве свадебного подарка и назначил свадьбу на сегодняшний день. К вечеру он обещал прийти в наш дом. Я, конечно, не мог с ним спорить и должен был дать свое согласие. Вот что меня тревожит, а вовсе не ваш приход.

Выслушав старика, Лу Чжи-шэнь воскликнул:

– Ах, вот в чем дело! Ну, так я сумею отговорить его от женитьбы на вашей дочери. Что вы на это скажете?

– Но ведь это – сущий дьявол. Для него убить человека – пустое дело! – ответил хозяин. – Как же вы заставите его отказаться от свадьбы?

– У настоятеля монастыря на горе Утай я научился познанию законов связи событий, – ответил Чжи-шэнь. – Будь даже этот молодец сделан из железа, все равно я могу заставить его изменить свое решение. Спрячьте куда-нибудь свою дочь, а меня впустите в ее спальню. Я сумею его переубедить.

– Что и говорить, – произнес хозяин, – хорошо, если бы так случилось. Но смотрите, не дергайте тигра за усы.

– Что же, мне самому жизнь не дорога, что ли? – ответил Лу Чжи-шэнь. – Вы только сделайте все, как я сказал.

– Ах, если бы вы действительно могли нам помочь! – воскликнул хозяин. – Моему дому посчастливилось. Словно живой Будда сошел к нам!

Впрочем, крестьяне, слышавшие этот разговор, сильно испугались.

– Не хотите ли еще подкрепиться? – спросил хозяин, обращаясь к Лу Чжи-шэню.

– Есть-то я больше не хочу, – произнес Чжи-шэнь, – а вот вина, если оно у вас имеется, я выпил бы еще.

– Как же, как же, – засуетился хозяин и велел слуге немедленно принести жареного гуся и большой кувшин вина, а Чжи-шэня просил есть и пить сколько душе угодно.

Лу Чжи-шэнь выпил еще чашек двадцать – тридцать вина, съел он также и гуся, а затем передал слуге свой узел и приказал отнести его в комнату хозяйской дочери. Взяв жезл и кинжал, он спросил, обращаясь к хозяину:

– Вы уже спрятали свою дочь?

– Я отправил ее в соседнюю деревню, – ответил тот.

– Тогда ведите меня в спальню невесты.

Они пришли в спальню, и хозяин сказал:

– Вот это и есть ее комната.

– Хорошо, а теперь уходите, – произнес Чжи-шэнь.

Старик Лю и его слуга вышли из спальни и занялись приготовлениями к предстоящему пиру.

Тем временем Лу Чжи-шэнь сдвинул находившуюся в комнате мебель в сторону, свой кинжал он спрятал в изголовье постели, а посох прислонил к спинке кровати. Затем он спустил расшитый золотом полог и, раздевшись догола, забрался на кровать.

Было темно, и хозяин распорядился зажечь свечи и фонари по всему поместью. На току был поставлен стол, на столе расставили вперемежку свадебные свечи, блюда с яствами и кувшины с подогретым вином.

Наступил час первой ночной стражи. Со стороны горы слышались бой барабана и удары гонга. Звуки эти бросили хозяина поместья, старого Лю, в дрожь, а жителей деревни от страха прошиб пот. Они вышли на дорогу и вдали увидели отряд в полсотни людей с зажженными факелами в руках, от которых кругом было светло как днем. Люди эти быстро приближались к поместью.

Старый хозяин приказал работникам широко распахнуть ворота и вышел навстречу толпе разбойников, окружавших своего главаря. Яркое пламя факелов сверкало на оружии и знаменах. Мечи и палицы были перевязаны шелковыми лентами красного и зеленого цвета. Головы разбойников украшали полевые цветы. Впереди несли несколько пар затянутых красным шелком больших фонарей, свет этих фонарей ярко освещал восседавшего на коне главаря. На голове его была повязка, примятая посередине и падающая на уши. Лицо его обрамляли яркие шелковые цветы. Одет он был в роскошный халат из зеленой парчи с широким поясом, расшитым золотом. Ноги его облегал нарядные сапоги из тонкой кожи. Ехал главарь на высоком статном белом коне с вьющейся гривой.

Приблизившись к поместью, главарь сошел с коня, а его свита принялась хором выкрикивать свадебные приветствия:

- Прекрасный убор сияет на твоей голове!
- Сегодня ты являешься женихом!
- Твоя одежда изящна и роскошна!
- Сегодня ты здесь почетный гость!

Старый Лю поспешно взял со стола чашу, налил в нее ароматного вина и, почтительно опустившись на колени, обеими руками поднес главарю. Вслед за ним преклонили колени и все его слуги. Главарь подошел к хозяину и, подымая его, сказал:

- Вы мой тесть, и вам не подобает стоять передо мной на коленях!
- Не говорите так, – отвечал старый Лю, – я всего лишь простой смертный, находящийся под вашим покровительством.

Успевший уже сильно захмелеть, главарь разбойников расхохотался и сказал:

– Скоро я стану вашим зятем и войду в вашу семью. Вам не придется меня стыдиться. У вашей дочери будет хороший муж.

Лю поднес ему еще чашу вина, а затем они прошли на ток. Когда главарь увидел расставленные там столы, освещенные горящими свадебными свечами, он воскликнул:

- Дорогой тесть! Зачем вы устраиваете мне такую пышную встречу?!

Здесь они выпили еще по три чаши вина и после этого вошли в дом. Главарь велел привязать свою лошадь к дереву, а музыканты, сопровождавшие его, расположились перед домом и начали играть.

Войдя во внутренние покои, жених спросил хозяина:

- Где же моя будущая супруга, дорогой тесть?
- Она стесняется и не решается выйти, – ответил Лю.
- Тогда разрешите мне выпить в знак глубокого почтения к вам, – промолвил главарь, самодовольно улыбаясь, но тут же, отставив чашу, произнес:

- Впрочем, нет, пожалуй, я сначала повидею свою жену. Выпить можно и потом.

Старый Лю думал о том, как же спрятавшийся в спальне монах сумеет убедить главаря отказаться от свадьбы, но вслух он только сказал:

- Я сам провожу вас туда.

Взяв со стола подсвечник, он повел главаря за ширмы и, указывая на дверь в комнату дочери, сказал:

– Она здесь. Прошу вас, войдите. – И тотчас же ушел, унося с собой свечу. Не будучи уверен в удаче всей этой затее, он решил заранее подготовиться к бегству.

Тем временем главарь с шумом распахнул дверь в спальню. В комнате было темно, как в пещере, и он недовольно проворчал:

– Ну и скупой же человек мой тесть! Даже плошки не мог в спальне зажечь, держит мою жену в темноте! Завтра же пошлю моих молодцов в крепость, чтобы они привезли оттуда бочонок хорошего масла. Пусть у нас будет светло!

Лу Чжи-шэнь, притаившись за пологом, слышал все это и едва сдерживал смех. А главарь-жених ощупью пробирался вглубь комнаты, приговаривая:

– Женка! Почему же ты не встречаешь меня? Тебе не следует стыдиться. Завтра ты будешь госпожой нашего стана.

Наконец, нащупав полог кровати, главарь откинул его и протянутой рукой попал Лу Чжи-шэню прямо в живот. Тогда Лу Чжи-шэнь схватил главаря за голову и крепко прижал ее к кровати. Разбойник начал было вырываться, но Лу Чжи-шэнь, со словами: «Ах ты, негодяй проклятый!» – ударил его правой рукой пониже уха. Тут жених не вытерпел и заорал:

– Как же ты смеешь так обращаться со своим мужем!

– А это, чтоб ты получше узнал, какая у тебя жена! – крикнул Чжи-шэнь.

Тут он свалил разбойника около кровати и принялся молотить его кулаками так, что тот во весь голос завопил:

– Спасите! Помогите!

Услышав этот вопль, хозяин Лю от испуга застыл на месте. Он надеялся, что монах сумеет как-то уговорить разбойника отказаться от задуманного плана, и был поражен, когда до него донеслись крики о помощи. Быстро схватив подсвечник, он в сопровождении нескольких разбойников кинулся в спальню.

При мерцающем свете свечи они увидели совершенно голого человека, который, сидя верхом на спине главаря, избивал его. Старший из прибежавших разбойников крикнул:

– Эй вы, молодцы, скорей на помощь нашему предводителю!

Разбойники мигом вооружились пиками и палицами и хотели уже было напасть на Лу Чжи-шэня, но тот заметил их и, бросив главаря, схватил стоявший рядом с кроватью посох. Размахивая им, Лу Чжи-шэнь ринулся вперед. При виде расвирепевшего монаха разбойники с криками разбежались, а хозяин Лю пришел в полное отчаяние.

Воспользовавшись суматохой, главарь разбойников выскользнул из спальни и побежал к воротам. Кое-как отыскав своего коня, который стоял неоседланный у дерева, он вскочил на него и хлестнул отломанной от дерева веткой. Тот рванулся вперед, но тут же стал. Всадник воскликнул:

– Вот беда! Даже конь, и тот против меня!

Приглядевшись, он увидел, что впопыхах забыл отвязать уздечку. Освободив коня от привязи, главарь вихрем вылетел из ворот. За воротами он погрозил кулаком и крикнул:

– Ну погоди, старый осел! Ты от меня никуда не уйдешь!

Стуча копытами, конь, подгоняемый ударами ветки, уносил своего седока в горы.

А в это время хозяин Лю, ухватившись за Лу Чжи-шэня, причитал:

– Почтенный отец! Какую беду вы накликali на мой дом!

– Простите меня за непристойный вид, – сказал ему Лу Чжи-шэнь. – Принесите, пожалуйста, мою одежду. Я облачусь, и тогда мы все обсудим.

Слуги принесли из другой комнаты его платье, и он оделся.

– А ведь я было совсем поверил, – продолжал Лю, – что вам действительно удастся уговорить разбойника отказаться от своего замысла. Разве мог я подумать, что вы начнете избивать его? Теперь он, конечно, отомстит мне. Приведет сюда всех своих людей и уничтожит мой дом!

– Не тревожьтесь, – ответил ему Лу Чжи-шэнь. – Я скажу вам всю правду. Ведь я не кто иной, как командир из управления пограничных войск старого Чуна в Яньане. Случилось так, что я убил человека и мне пришлось постричься в монахи. Я бы не испугался и двухтысячного войска, приходи оно сюда, а не то что каких-то негодяев. Если не верите, попробуйте поднять мой посох!

Слуги попытались было сделать это, но не смогли. А Лу Чжи-шэнь схватил посох и стал вращать им как хворостиной.

– Почтенный отец! – воскликнул старый хозяин. – Уж вы, пожалуйста, не покидайте нашу семью в опасности!

– Ну, это само собой разумеется! – отвечал Лу Чжи-шэнь. – Я не уйду отсюда, даже если мне будет грозить гибель. – Принесите вина для почтенного монаха, – приказал Лю своим слугам. – Только, прошу вас, не пейте лишнего, – добавил он, обращаясь к Лу Чжи-шэню.

– Чем больше я пью, тем становлюсь сильнее. От каждой капли у меня силы увеличиваются, а когда я выпиваю полную меру, то она так и рвется из меня.

– Ну, раз так, то тем лучше! – воскликнул Лю. – Вина и мяса у нас в досталь, и вы можете пить и есть, сколько пожелаете.

Между тем другой главарь разбойников, остававшийся в стане на горе Таохуа, собирался послать гонцов, чтобы узнать, как себя чувствует его собрат-молодожен, но в это время на гору вбежало несколько запыхавшихся разбойников.

– Беда! Беда!

Старый главарь спросил:

– Что случилось? Почему вы здесь?

– Избили нашего предводителя! – закричали разбойники.

Старший главарь испугался. Он хотел расспросить более подробно о происшедшем, но в этот момент ему доложили, что вернулся незадачливый жених.

Взглянув на своего товарища, старший главарь увидел, что на голове у того уже нет красной повязки, парчовый халат весь изодран в клочья. Всадник свалился на землю и с трудом проговорил:

– Помогите мне, старший брат!

– Да что с тобой приключилось?

– Спустившись с горы, – начал рассказывать жених, – и приехав в поместье, я прошел в спальню. Мог ли я предполагать, что этот старый осел Лю спрячет свою дочь и вместо нее положит на ее кровать огромного толстого монаха? Ничего не подозревая, я полез под полог и стал искать невесту, а этот негодяй схватил меня и так избил, что я еле жив остался. Когда же этот мерзавец увидел, что в комнату вбежали мои люди, он бросил меня, схватил посох и принялся их избивать. В суматохе мне удалось кое-как выбраться оттуда и спасти свою жизнь. Брат мой, надеюсь, ты сможешь мне отомстить!

Старший главарь ответил:

– Сделаем так. Ты ложись отдыхать, а я отправлюсь в поместье и расправлюсь с этим лысым проходимцем.

– Коня мне! – приказал он стоявшим возле него разбойникам.

Вскочив на оседланную лошадь, старший предводитель во главе своего отряда с боевым кличем стал спускаться с горы.

Лу Чжи-шэнь пил вино, когда вбежал работник и доложил:

– Сюда едет старший главарь со своими грабителями!

– Ладно, – сказал Лу Чжи-шэнь. – Только ничего не бойтесь. Я буду сбивать их с ног, а вы вяжите. Потом сдайте их властям и получите вознаграждение. Подайте мне кинжал!

Он сбросил ряску, подоткнул полы халата, подвесил к поясу кинжал, затем большими шагами, с посохом в руке, вышел на ток. Там он увидел, что к поместью приближается гла-

варь разбойников, окруженный большой толпой с факелами в руках. Подъехав к дому, главарь вытянул вперед свою пику и заорал:

– Где этот лысый осел? Давайте-ка его сюда, посмотрим, каков он!

Эти слова взбесили Лу Чжи-шэня.

– Ах ты грязная тварь! Сейчас ты увидишь, каков я! – завопил он, вращая над головой свой посох.

Но главарь разбойников опустил пику и громко крикнул:

– Обожди, монах! Не двигайся! Твой голос мне очень знаком. Скажи, как тебя зовут?

– Мое имя – Лу Да, – отвечал Лу Чжи-шэнь. – Я командир из пограничных войск старого Чуна. Мне пришлось уйти из мира, постричься в монахи, и теперь меня зовут Лу Чжи-шэнь.

Услышав это, главарь рассмеялся и, соскочив с коня, низко поклонился Лу Чжи-шэню.

– Старший брат мой, – сказал он, – так вот что случилось с тобой после того, как мы расстались! Теперь я понял, в чьих могучих руках побывал мой приятель.

Не разобрав как следует, в чем дело, и боясь какого-нибудь подвоха, Лу Чжи-шэнь отскочил на несколько шагов назад, однако посохом размахивать перестал. Присмотревшись к своему противнику, лицо которого освещали факелы, он узнал в нем бродячего продавца лекарств и учителя фехтования Ли Чжуна, по прозвищу Победитель Тигров.

Обычное приветствие – «Выражаю тебе свое почтение» – не было принято среди военных и вольных молодцов, ибо по звучанию смысл его совпадал со словами: «Признаю поражение». Поэтому и солдаты и разбойники, боясь накликать беду, избегали произносить его, заменяя другим выражением, сулившим удачу.

Отвесив Лу Чжи-шэню низкий поклон, Ли Чжун выпрямился, подошел к нему и сказал:

– Старший брат мой, почему ты стал монахом?

– Пойдем в комнату, расскажу, – ответил ему Чжи-шэнь.

Наблюдавший эту сцену хозяин поместья подумал: «Верно, этот монах одного с ними поля ягода», – и от такой мысли ему стало не по себе.

Войдя в дом, Лу Чжи-шэнь надел рясу. Затем они с Ли Чжуном уселись в гостиной и принялись вспоминать о своей первой встрече. Лу Чжи-шэнь занял главное место и позвал хозяина Лю. Но старик не осмелился даже показаться. Тогда Лу Чжи-шэнь крикнул ему:

– Да ты не бойся, хозяин, этот человек все равно что мой брат.

Услышав, что Лу Чжи-шэнь называет главаря братом, старик еще больше испугался и, не решаясь перечить Чжи-шэню, вошел. Они расселись, второе место занял Ли Чжун, а хозяину досталось третье.

– Вам двоим, – начал Лу Чжи-шэнь, – я могу рассказать всю правду о том, что со мной произошло. После того как тремя ударами кулака я убил в Вэйчжоу мясника Чжэна, мне пришлось бежать в уездный город Яньмынь, в округе Дайчжоу. Здесь я встретил старика Цзиня, которому помог выбраться из города. Старик не поехал, как предполагал, в Восточную столицу. Встретив по дороге своего земляка, он вместе с ним отправился в Яньмынь, где и остался жить. Дочь свою он отдал в жены местному богачу Чжао. Когда я познакомился с этим богачом, мы понравились друг другу. На мою беду, власти продолжали усиленно разыскивать меня, и поэтому Чжао уговорил меня постричься в монахи в монастыре на горе Утай. Настоятель этого монастыря Чжи-чжэнь считался его сводным братом. Устроив меня в монастыре, Чжао оплатил все связанные с этим расходы. Став монахом, я дважды напился пьяным, наскандалил в храме, и настоятель дал мне письмо и отправил в Восточную столицу, в монастырь Дасянго. В письме он просит настоятеля этого монастыря Чжи-цина принять меня и определить при себе на какую-нибудь должность. Все это и привело меня сюда. В эту деревню я попал вечером в поисках ночлега. И, конечно, уж я никак не ожидал встретить здесь тебя, брат. Однако какого же это молодца я здесь вздул? И как ты сам очутился здесь?

Теперь пришел черед Ли Чжуну рассказать о своих делах.

– На другой день после того, как я расстался с тобой и с Ши Цзинем в кабачке в Вэйчжоу, – начал он, – я услышал, что ты убил мясника Чжэна. Я решил найти Ши Цзиня и посоветоваться с ним об этом деле, но он куда-то исчез. После я узнал, что уже отдан приказ о твоём аресте, и тоже счел за благо скрыться. Проходя мимо горы Таохуа, я встретил здесь того человека, которого ты только что отколотил. Его зовут Чжоу Тун. Он давно обосновался на этой горе, и когда я пришел сюда, он со своей бандой напал на меня. Я победил его в схватке. Тогда он уговорил меня остаться в его стане и уступил мне в отряде первое место. Так я и очутился тут и стал заниматься разбоем. – Ну, уж если так все сложилось, – сказал Лу Чжи-шэнь, – то давайте договоримся, что свадьбы в доме почтенного Лю не будет. У него одна-единственная дочь, и надо, чтобы она оберегала отцовскую старость. Нельзя отнимать у старика последнюю опору и заставлять его доживать свои дни в одиночестве.

Услышав это, старый Лю так обрадовался, что приказал принести вина и разной снеди и принялся потчевать своих гостей. Не были забыты и остальные разбойники и слуги. Каждому выдали по две пампушки, по два куска мяса и поднесли по большой чаше вина. Все были сыты и довольны.

А хозяин Лю тут же вынес золото и шелк, предназначавшийся для свадебных подарков. Лу Чжи-шэнь, увидев это, сказал Ли Чжуну:

– Дорогой брат, ты уж как-нибудь уладь это дело, а эти вещи передай своему приятелю.

– Стоит ли об этом говорить? Я хочу пригласить тебя, старший брат мой, погостить немного у нас в стане. Хорошо было бы, если бы и почтенный Лю отправился с нами.

Старик Лю тотчас же отдал распоряжение приготовить носилки. В одни усадил он Лу Чжи-шэня, туда же положили его вещи: узел, посох и кинжал. Сам он уселся в другие носилки. Ли Чжун вскочил на лошадь, и все тронулись в путь. К рассвету они были на вершине горы.

Прибыв к месту, Лу Чжи-шэнь со старым Лю вылезли из носилок. Ли Чжун спешился и пригласил Лу Чжи-шэня и Лю войти в стан. Здесь он провел их в самое лучшее помещение, где все они и уселись. Ли Чжун послал людей позвать Чжоу Туна. Увидев монаха, Чжоу Тун пришел в ярость.

– Дорогой брат мой, – воскликнул он, – ты не только не отомстил за меня, но еще и пригласил к нам сюда моего врага и усадил его на почетное место!

– А знаешь ли ты, кто этот монах, брат мой? – спросил его Ли Чжун.

– Если бы мы были знакомы, то он уж наверное не избил бы меня, – сказал на это Чжоу Тун.

– Этот монах, – смеясь, продолжал Ли Чжун, – тот самый богатырь, который тремя ударами кулака насмерть уложил мясника и о котором я тебе не раз рассказывал.

– Вот так-так! – только и мог воскликнуть Чжоу Тун, потихоньку ощупывая свою голову. Затем он обернулся к Лу Чжи-шэню и низко поклонился ему. Лу Чжи-шэнь, вежливо ответив на его поклон, произнес:

– Ты уж прости меня за неучтивость.

После этого они втроем уселись, а старик Лю остался стоять в сторонке, и Лу Чжи-шэнь начал следующую речь:

– Послушай меня, брат Чжоу! Своим сватовством к почтенному Лю ты допустил ошибку. У него единственная дочь, которая оберегает его старость, а после его смерти будет возжигать свечи перед табличками предков и заботиться о доме. Если ты увезешь ее, то оставишь старика одиноким. Сам он боялся тебя и не смел, конечно, высказать все это. Но ты послушайся моего совета: откажись от этой невесты. Ты можешь выбрать себе другую, не хуже. Золото и шелк, которые ты преподнес в качестве свадебных подарков, мы привезли обратно. Что ты думаешь по этому поводу?

– Брат мой, я готов во всем следовать твоему совету, – отвечал Чжоу, – и после нашего разговора не осмелюсь даже и приблизиться к дому старого Лю.

– Когда достойный муж совершает какой-нибудь поступок или принимает решение, то он не должен менять его, – сказал Лу Чжи-шэнь.

В знак клятвенного обещания Чжоу Тун переломил пополам стрелу. Старик Лю почтительно поблагодарил его за великодушное решение, отдал обратно свадебные подарки – золото и шелк – и вернулся в свое поместье.

Тем временем Ли Чжун и Чжоу Тун распорядились зарезать коров и лошадей и приготовить все для пиршества. В течение нескольких дней они всячески ухаживали за своим гостем, водили его по горам и показывали ему окрестности. И действительно, на горе Таохуа было на что посмотреть! Хребты ее были высоки и неприступны, ниспадая отвесными обрывами; к стану вела одна-единственная дорога; склоны были покрыты буйными зарослями. Осмотрев местность, Лу Чжи-шэнь сказал:

– Да, место здесь поистине неприступно!

Прожив в укрепленном стане несколько дней, Лу Чжи-шэнь увидел, что его хозяева не такие уж радушные люди. Во всем проявлялась их скаредность, и он решил отправиться дальше. Главари настойчиво удерживали его и уговаривали остаться с ними, но он твердо стоял на своем.

– Ведь я отрешился от мира и постригся в монахи, – говорил он, – как же я могу заниматься разбоем?

– Ну, если уж ты, брат, в самом деле не хочешь оставаться с нами и решил уйти от нас, – сказали ему Ли Чжун и Чжоу Тун, – то завтра мы отправимся за добычей и все, что нам в этот раз удастся достать, отдадим тебе.

На следующий день в разбойничьем стане принялись резать баранов и свиней для прощального пиршества. На больших столах расставили богатую посуду из золота и серебра. Перед самым началом пира вдруг появился один из дозорных и сообщил, что у подножья горы показались две повозки, которые сопровождает десяток стражников. Ли Чжун и Чжоу Тун тотчас же собрали своих людей и, оставив двух человек обслуживать Лу Чжи-шэня, выступили в поход. Перед тем как покинуть стан, они сказали Лу Чжи-шэню:

– Брат наш, мы отправляемся на дело, а ты пока угощайся сам. Всю нашу добычу мы подарим тебе.

Оставшись один, Лу Чжи-шэнь стал раздумывать. «Какие скряги! – говорил он себе. – Сколько у них здесь золота и серебра, но они и не подумали подарить мне что-нибудь из этих вещей. Чтобы сделать мне подарок, они решили ограбить других. Нечего сказать, хорошо проявлять свои добрые чувства за чужой счет. Ну, проучу же я вас, мерзавцев, – решил он, – будете меня помнить!»

Лу Чжи-шэнь приказал оставшимся с ним прислужникам подать вино и мясо и принялся за еду. После двух чаш вина он неожиданно вскочил на ноги, ударами кулаков свалил обоих разбойников и, сняв пояс, связал их вместе и заткнул им рты зелеными плодами дикого ореха²⁴. После этого Лу Чжи-шэнь выбросил из своего узла все, что не имело особой ценности, собрал со стола золотую и серебряную посуду, смял ее, чтобы она занимала поменьше места, и засунул в свой узел. Положив за пазуху письмо настоятеля, он прицепил к поясу кинжал, взял в руки посох и взвалил узел на плечи. Выйдя из стана, Лу Чжи-шэнь огляделся по сторонам. Вокруг были только скалы и обрывы. «Если я пойду отсюда по дороге, – подумал он, – то обязательно столкнусь с этими негодьями. Спустишь-ка я лучше по этим зарослям». Недолго думая, он сунул кинжал в узел и сбросил узел вниз, а за узлом полетел и посох. Вслед за тем он сам с шумом и треском скатился по заросшему кустарником крутому склону горы и остался целым

²⁴ Зеленые плоды этого ореха настолько горьки, что связывают все во рту и на некоторое время лишают человека возможности говорить.

и невредимым. Проворно вскочив на ноги и отряхнувшись, он отыскал свой узел, прицепил к поясу кинжал, схватил посох и пустился в путь.

Тем временем Ли Чжун и Чжоу Тун, спустившись с горы, увидели две повозки и охрану, о которой им донесли. Вся охрана была вооружена. Подняв свои пики, разбойники кинулись вперед, издавая боевой клич.

– Эй вы! Торговцы! – кричали они. – Если у вас есть голова на плечах, давайте выкуп!

Один из путников отделился от своих и, размахивая мечом, бросился на Ли Чжуна. Они схватывались несколько раз, то съезжаясь, то разъезжаясь, но не могли одолеть друг друга. Тогда Чжоу Тун пришел в ярость и тоже ринулся вперед, за ним бросились и все остальные. Путники не выдержали этого натиска и обратились в бегство. Человек восемь из них замешкались и были убиты. Захватив повозку с добром, отряд потихоньку двинулся обратно в гору, распевая победные песни.

Возвратившись в стан, разбойники увидели, что золотая и серебряная посуда исчезли со стола, а двое удалцов, прислуживавшие Лу Чжи-шэню, привязаны к столбу.

Чжоу Тун тотчас освободил их и принялся подробно расспрашивать, куда исчез гость.

– Он свалил нас с ног, связал, затем сплющил всю посуду, засунул ее в свой узел и ушел, – рассказали те.

– Видно, этот лысый проходимец нехороший человек! – заметил Чжоу Тун. – Похоже на то, что он провел нас! Но куда он мог уйти?

Разбойники тщательно осмотрели все кругом и наконец заметили в одном месте узкую полоску примятой травы.

– Вот лысый черт! – воскликнул Чжоу Тун. – Да он самый что ни на есть матерый разбойник! С такой кручи он решился кинуться вниз!

– Надо догнать его и как следует проучить! – предложил Ли Чжун.

– Нет, не стоит, – возразил Чжоу Тун. – Правильно говорится: «Поздно запирать двери, если вор ушел». Где уж там догонять его! Да если бы и догнали – потерянного все равно не вернуть. Ведь не отдаст же он посуду сам, а нам с ним ни за что не справиться. Придется оставить это дело так. Это пойдет нам на пользу, если приведется когда-нибудь встретиться с ним. Давай лучше вскрыем тюки и поделим добычу на три части. По одной возьмем себе, а третью отдадим нашим людям.

– Я привел этого монаха на гору, – сказал тут Ли Чжун, – и его приход причинил тебе большой ущерб. Возьми себе мою долю.

– Дорогой мой брат, – возразил на это Чжоу Тун, – мы по гроб жизни связаны вечной дружбой и не будем считаться в таких мелочах.

Читатель, крепко запомни, что Ли Чжун и Чжоу Тун остались заниматься разбоем на горе Таохуа.

Что касается Лу Чжи-шэня, то, спустившись с горы, он за день прошел не меньше шестидесяти ли. Его мучил голод, но он не увидел ни одного места, где можно было бы развести огонь и приготовить пищу. Оглядываясь по сторонам, он думал: «Что же это, иду я с самого утра, а во рту за весь день не было ни крошки. Надо во что бы то ни стало найти место для ночлега».

И вдруг издалека до него донесся звон колокольчиков.

«Мне везет! – подумал Лу Чжи-шэнь. – Это, несомненно, монастырь, если не буддийский, то даосский. Пойду-ка я на звук этих колокольчиков».

Если бы Лу Чжи-шэнь не пошел туда, не пришлось бы нам рассказывать о том, как за каких-нибудь полдня более десяти человек расстались с жизнью и как от одного факела сгорел древний монастырь в Линшаньских горах.

Так уж, видно, было predetermined судьбой:

Огонь багровыми клубами

Взвился над храмом золотым,
Над кровлей яшмового зала
Столбом поднялся черный дым.

О том, в какой монастырь попал Лу Чжи-шэнь, ты, читатель, узнаешь из следующей главы.

Глава шестая

Ши Цзинь промышляет разбоем в сосновом лесу. Лу Чжи-шэнь сжигает монастырь



Перевалив через холмы, Лу Чжи-шэнь вышел к большому сосновому бору и заметил тропинку, которая уходила в лес. По этой тропинке он прошел около половины ли и увидел перед собой полуразрушенный монастырь. Висевшие на выступах монастырской крыши колокольчики раскачивались под ветром и издавали мелодичный звон. На воротах висела выцветшая вывеска. На красном фоне едва можно было различить золотые иероглифы, гласившие: «Монастырь Вагуань». Сделав еще шагов сорок, Лу Чжи-шэнь миновал каменный мостик, вошел в монастырь и направился к флигелю для постояльцев. Подойдя ближе, он увидел, что ограды, которой обычно бывают обнесены такие помещения, около флигеля нет.

«Что здесь произошло? Почему этот монастырь пришел в такой упадок?» – подумал Лу Чжи-шэнь и отправился к помещению, где обычно находятся покои настоятеля, но и здесь двери были закрыты на замок, уже покрытый густой паутиной. Никаких следов вокруг не было, кроме помета ласточек.

Лу Чжи-шэнь стукнул посохом и крикнул:

– Прохожий монах просит накормить его!

Он несколько раз повторил эти слова, но ответа не последовало. Тогда он двинулся в ту сторону, где положено быть кухне и кладовым, но и там все было разрушено: не видно было ни очагов, ни котлов.

Оставив свой узел на земле возле кельи эконома, Чжи-шэнь взял посох и снова отправился на поиски. И вот в небольшой комнатухе, расположенной за кухней, он вдруг обнаружил несколько старых монахов, неподвижно сидевших на земле. У монахов были желтые изможденные лица. Лу Чжи-шэнь с возмущением воскликнул:

– Какие же вы бессовестные люди! Где у вас чувство долга, монахи? Сколько я вас ни звал, никто мне не ответил!

Но монахи только замахали руками и испуганно зашептали:

– Тише! Не говори так громко!

– Я только странствующий монах, – ответил Лу Чжи-шэнь, – и я прошу дать мне немного еды. Ничего плохого я вам не сделаю!

– Мы сами три дня сидим с пустыми желудками, – отвечал один из монахов, – что же мы можем дать тебе?

– Я пришел из монастыря на горе Утай, – продолжал Лу Чжи-шэнь, – уж наверно вы могли бы предложить мне хоть полчашки жидкой кашицы!

– Ты пришел к нам из обиталища живого Будды, – ответил старый монах, – и по положению мы должны были бы оказать тебе соответствующий прием. Но у нас беда! Все наши монахи разбрелись в разные стороны. В монастыре нет никакой пищи. Остались только мы, старики, да и то уже третий день сидим голодные.

– Глупости! – воскликнул Лу Чжи-шэнь. – Ни за что не поверю, чтоб в таком большом монастыре не нашлось какой-нибудь еды!

– Это верно, что наш монастырь не маленький, – отвечали монахи. – Здесь раньше всего было в досталь. Наше богатство привлекло сюда бродячего монаха, который обосновался здесь. К тому же он привел с собой какого-то человека. Все наши постройки они разрушили и своими безобразиями разогнали монахов. А нам, старикам, некуда деться, вот мы и сидим здесь голодные. Никакой еды у нас нет...

– Довольно вам чепуху городить! – сердито сказал Лу Чжи-шэнь. – Ничего такого не может совершить один бродячий монах, хотя бы и с помощником! Почему вы не сообщите о них властям?

– Отец наш! – отвечали монахи. – Ты, наверно, не знаешь, что ямынь²⁵ отсюда далеко, к тому же никакие власти все равно ничего не смогли бы с ними сделать. Эти люди – настоящие разбойники. Им ничего не стоит убить человека или совершить поджог! Они и сейчас преспокойно устроились за кельей настоятеля.

– Как зовут этих людей? – спросил Лу Чжи-шэнь.

– Фамилия монаха – Цуй, – ответил старый монах, – его монашеское имя – Дао-чэн, а прозвище Чугунный Будда. Мирянина же зовут Цю Сяо-и. У него буддийское прозвище Взлетающий в небо якша или Злой Демон. Даже с виду эти люди не похожи на монахов, отрекшихся от мира, это – самые настоящие лесные грабители. А монашеское одеяние только прикрывает их бесчинство.

Во время этого разговора Лу Чжи-шэнь вдруг почувствовал запах еды. Он взял посох, огляделся по сторонам и увидел позади себя глиняный очаг, прикрытый циновкой, из-под которой шел пар. Чжи-шэнь приподнял циновку и обнаружил, что под ней в котле варится просяная каша.

²⁵ Правительственное учреждение.

– Эх вы, монахи! Совести у вас нет! – сказал Лу Чжи-шэнь. – Говорите, что три дня ничего не ели, а у самих полон котел каши. Монахи, а врете без зазрения совести!

Почуяв беду, монахи схватили свои чашки, тарелки, миски, ковши и наперегонки бросились к котлу.

При виде еды Лу Чжи-шэнь снова почувствовал невыносимый приступ голода. Ему очень захотелось каши, но никакой посуды у него не было. Тут он заметил у очага полуразвалившийся лакированный столик, густо покрытый золой и пылью. «Голь на выдумки хитра» – говорит пословица. Прислонив посох к стене и схватив пучок соломы, наваленной возле очага, Лу Чжи-шэнь смахнул ею пыль со столика, а затем обеими руками поднял котел и вывалил кашу на столик. Старики монахи ринулись к столику, но Лу Чжи-шэнь встретил их такими оплеухами, что те, кто не успел отскочить в сторону, попадали на землю. Чжи-шэнь принялся загребать кашу обеими руками и запихивать ее в рот. Но едва успел он проглотить несколько пригоршней, как монахи снова запричитали:

– Мы правду говорим, что ничего не ели три дня! Вот только недавно собрали немного пшена и сварили его, а ты отнимаешь у нас и эти последние крохи.

Услышав это, Лу Чжи-шэнь сразу же оставил кашу. В это время за стеной послышалось пение. Чжи-шэнь вытер руки и взял посох. Внезапно в проломе стены он увидел человека, голова которого была покрыта черной косынкой. На нем был халат, повязанный пестрым поясом, на ногах веревочные туфли. Человек этот нес на коромысле бамбуковую корзину, из которой торчали рыбий хвост и кусок мяса, завернутые в листья лотоса. На другом конце коромысла висел кувшин с вином, также покрытый листьями лотоса. На ходу человек напевал:

Я – на западе, ты – на востоке,
Мы давно уже разлучены,
Проживи-ка попробуй без мужа,
А уж я проживу без жены!
Без тебя, дорогая подружка,
Я смогу обойтись как-нибудь,
А без мужа, без верной опоры,
Одинок и печален твой путь!

Монахи придвинулись к Лу Чжи-шэню, показывая ему жестаами, чтобы он вел себя потише, зашептали:

– Это и есть Цю Сяо-и, по прозвищу Злой Демон.

Лу Чжи-шэнь торопливо вышел, сжав посох. А человек, не подозревая, что за ним кто-то идет, направился прямо за келью настоятеля. Там Лу Чжи-шэнь увидел зеленый вяз, под которым стоял столик. На столе красовались разные яства, три чашечки и три пары палочек. На главном месте восседал толстый монах. Лицо его было темное, черные брови стояли торчком, как щетка. Вся грудь его была покрыта прыщами, а ниже, из-под одежды, выпирал безобразный черный живот. Рядом с монахом сидела молоденькая женщина. Подойдя к ним, Цю Сяо-и опустил коромысло с ношей на землю и сел рядом.

Но тут монах увидел Лу Чжи-шэня, встревоженно вскочил на ноги и, обращаясь к нему, сказал:

– Прошу вас, брат, присядьте и выпейте с нами чашку вина!

Но Лу Чжи-шэнь, подняв посох, спросил:

– Как же это вы осмелились разорить такой богатый монастырь?

– Присядьте, брат, – настаивал монах, – и выслушайте нас.

– Ну, говори, да побыстрей! – закричал Лу Чжи-шэнь, сердито уставившись на монаха.

– ... Да что тут говорить, – начал монах. – Замечательным местом прежде был наш монастырь. Он владел большими землями, и монахов здесь жило множество. А потом монахи, которые прячутся сейчас вон там, начали пьянствовать, безобразничать, тратить деньги на женщин. Какие только меры не принимал настоятель, чтобы обуздать их, но ничего не мог с ними поделать. А они между тем послали на него ложный донос и выжили отсюда. Вот так монастырь и пришел в запустение. Монастырские земли были проданы, а монахи разбрелись кто куда. Мы с этим человеком пришли сюда совсем недавно и, взяв дело в свои руки, решили исправить ворота и привести в порядок храм.

– А что это за женщина распивает с вами вино? – спросил Лу Чжи-шэнь.

– Разрешите сказать вам, почтенный отец, – ответил монах, – эта женщина – дочь Ван Ю-цзиня, проживающего в деревне неподалеку отсюда. Раньше ее отец был жертвователем нашего монастыря, но потом прожил все свое состояние и теперь находится в бедственном положении. В доме у них ничего не осталось, а муж этой женщины лежит больной. Вот она и пришла в монастырь одолжить немного риса. Из уважения к ее отцу мы решили угостить эту женщину. Вот и все. Никаких других мыслей у нас и не было. А вы, почтенный учитель, не верьте тому, что говорят эти старые скоты.

Выслушав монаха и будучи введен в заблуждение его почтительным тоном, Лу Чжи-шэнь свирепо сказал:

– Вот как, значит, эти старики дурачили меня!

С посохом в руках, он отправился обратно. Голодные монахи только принялись за кашу, как вдруг перед ними снова выросла фигура разгневанного Лу Чжи-шэня. Угрожающе показывая на них пальцем²⁶, он вскричал:

– Так это вы, оказывается, разорили монастырское хозяйство да еще вздумали меня обманывать!

– Почтенный отец, – взмолились монахи, – не слушай ты этих бродяг! Ведь ты мог убедиться сам, что они даже женщину у себя держат. Они не отважились дать тебе отпор только потому, что у тебя был посох и кинжал, а у них под руками не было никакого оружия. Если ты не веришь, пойди туда еще раз и посмотри, чем они занимаются. Подумай, почтенный учитель, они там вино пьют и рыбу едят, а у нас даже пшеница нет. Понятно, что мы испугались, когда увидели, что ты отнимаешь у нас последнюю еду.

– И то верно, – заметил Лу Чжи-шэнь.

И, снова взяв посох, он пошел за покои настоятеля, но калитка была уже заперта. Взбешенный, Лу Чжи-шэнь одним ударом ноги высадил ее и ворвался во двор. В ту же минуту навстречу ему с мечом в руке бросился Чугунный Будда – Цуй Дао-чэн. Увидев это, Лу Чжи-шэнь взревел от гнева и, вращая посохом над головой, ринулся на Цуй Дао-чэна. Они сходились раз пятнадцать, и Чугунный Будда понял, что одолеть Лу Чжи-шэня ему не под силу. Он едва успевал уклоняться от ударов и кое-как отражать их. Наконец даже защищаться ему стало трудно, и он уже готов был бежать с поля боя, но в это время Злой Демон – Цю Сяо-и, видя, что его приятель долго не продержится, взмахнул мечом и напал на Лу Чжи-шэня сзади.

Тот услышал позади себя шаги, но, сражаясь с Чугунным Буддой, не мог обернуться и, только заметив рядом с собой тень человека, понял, какая ему угрожает опасность. Чтобы получить возможность повернуться лицом к тому, кто готовил удар в спину, Лу Чжи-шэнь что есть силы рывкнул:

– На! Получай!

Цуй Дао-чэн вздрогнул. Ему показалось, что это победный крик и что Лу Чжи-шэнь сейчас сразит его посохом. Он струсил и прыгнул назад. Лу Чжи-шэнь прервал на несколько мгновений бой и повернулся. Теперь все трое стояли друг против друга. Цуй Дао-чэн и Цюй

²⁶ Обычный прием для большего подчеркивания угрозы или брани.

Сяо-и вместе бросились на Лу Чжи-шэня. Тот выдержал несколько схваток, но положение его становилось все более и более тяжелым. С утра он почти ничего не ел, к тому же за день прошел большое расстояние и очень устал. Он не мог дать отпор сразу двум противникам, нападавшим на него со свежими силами, и решил, пока не поздно, отступить. Прихватив посох, Лу Чжи-шэнь покинул поле боя. Враги гнались за ним, и Лу Чжи-шэню то и дело приходилось останавливаться и отражать их натиск.

Только у самого мостика враги прекратили преследование и уселись на перила.

Когда противники остались далеко позади, Лу Чжи-шэнь остановился, чтобы перевести дух. Тут он вспомнил, что оставил свой узел в монастыре около кухни. «Как же мне теперь быть? – думал он. – Денег у меня нет, и я погибну от голода. Что теперь делать?»

Он уж совсем собрался было идти за своими пожитками, но тут же передумал. «Их двое, а я один, – размышлял он. – Здесь и пропасть недолго». В тяжелом раздумье он потихоньку пошел вперед. Пройдя несколько ли, он увидел перед собой большой сосновый лес, стволы всех деревьев в нем были красного цвета. Взглянув на сосны, Лу Чжи-шэнь невольно подумал: «Какое зловещее место!» – и вдруг заметил человека, выглядывавшего из чащи. Человек этот оглядел Лу Чжи-шэня и скрылся.

– Сдается мне, – пробормотал Лу Чжи-шэнь, – что этот негодяй промышляет разбоем. Как только он разглядел, что я монах и с меня взятки гладки, он тут же скрылся. Да, этому разбойнику и вправду не повезло. Надо же ему было повстречаться со мной, когда меня довели до бешенства. Ну, теперь я хоть на нем отыграюсь, сейчас отберу у него одежду. На выпивку хватит.

Лу Чжи-шэнь поднял свой посох и бросился в лес.

– Эй ты, разбойник! Поди-ка сюда!

Тот рассмеялся:

– Вот дьявол! Мне и так не везет, а тут еще этот привязался! – С этими словами человек выскочил из леса и, выхватив из ножен меч, бросился на Лу Чжи-шэня, громко приговаривая: – Лысый осел! Я ведь тебя не трогал, ты сам захотел своей гибели.

– Сейчас ты увидишь, чего я хотел! – крикнул в ответ Лу Чжи-шэнь и прыгнул ему навстречу, вращая посох над головой. Незнакомец тоже размахивал своим мечом и наступал на Лу Чжи-шэня. Но в этот момент ему вдруг пришло в голову: «Кажется, я где-то слышал голос этого монаха».

– Эй ты, монах! – закричал он. – Я где-то встречался с тобой. Как тебя зовут?

– Вот разиков триста схвачусь с тобой, тогда и назову свое имя, – отвечал Лу Чжи-шэнь.

Тут незнакомец яростно взмахнул мечом и ринулся в бой. На десятой схватке он одобритительно подумал: «Хорошо дерется этот монах!» И, не прерывая поединка, обратился к противнику:

– Остановись, я хочу поговорить с тобой!

Оба выскочили из круга.

– Назови свое имя! – настаивал незнакомец. – Мне очень знаком твой голос!

Наконец Лу Чжи-шэнь назвал себя, тогда его противник отбросил меч и, наклонившись до земли, произнес:

– А вы не узнаете Ши Цзиня?

– Так ты, оказывается, Ши Цзинь! – рассмеялся Лу Чжи-шэнь.

Обменявшись приветствиями, они вошли в лес и уселись там. – Что с тобой произошло, когда ты ушел из Вэйчжоу? – спросил Лу Чжи-шэнь.

– Мой старший брат, – начал свой рассказ Ши Цзинь, – на следующий день, после того как мы расстались с вами в кабачке, я узнал, что вы убили мясника Чжэна и скрылись. Потом мне сказали, будто страже стало известно, что якобы мы вместе помогли старику Цзиню уехать из Вэйчжоу. Тут уж я поспешил выбраться из города и отправился на поиски своего старого

учителя Ван Цзиня. Я пошел прямо в Яньчжоу, но не нашел его там и вернулся в Северную столицу, где прожил все свои деньги. Вот тогда мне и пришлось уйти в лес, чтобы добывать себе средства к существованию легкой наживой. Но я никак не ожидал, что мы здесь встретимся с вами! А как случилось, что вы стали монахом?

Лу Чжи-шэнь подробно рассказал ему свою историю.

– Старший брат, вы голодны, – произнес Ши Цзинь, – а у меня есть немного сушеного мяса и лепешек. – Он достал припасы, предложил их Лу Чжи-шэню и продолжал: – Ваш узел остался в монастыре, сейчас мы пойдем туда вместе и вызволим его. Если монахи не вернут его добром, мы их просто прикончим.

– Правильно, – согласился Лу Чжи-шэнь.

Подкрепившись, они взяли оружие и направились к монастырю. Выйдя на опушку, они увидели, что Цуй Дао-чэн и Цю Сяо-и все еще сидят на перилах мостика.

– Эй вы, олухи! – громко крикнул Чжи-шэнь, выступая вперед. – Выходите-ка сюда! Уж на этот-то раз мы будем биться с вами до конца.

– Эх ты, горе-войка! Ведь тебя уже вздули один раз, а ты что, еще хочешь?

Тут Лу Чжи-шэнь рассвирепел и, размахивая посохом над головой, взбежал на мост. Чугунный Будда тоже пришел в ярость и, схватив меч, ринулся ему навстречу. Но теперь Лу Чжи-шэнь был не один и чувствовал себя вдвое сильнее; придало ему силы и то, что он подкрепился едой. На десятой схватке Лу Чжи-шэнь стал теснить Цуй Дао-чэна, и тот уже начал подумывать о бегстве. Тогда Цю Сяо-и, видя, что его приятелю приходится туго, выхватил свой меч и бросился ему на помощь.

Ши Цзинь в свою очередь в несколько прыжков выскочил из леса к месту боя.

– Смерть тебе, мерзавец! – крикнул он, отбросил назад шляпу и, высоко подняв меч, вступил в борьбу с Цю Сяо-и. Теперь уже четверо бились друг против друга парами.

Лу Чжи-шэнь и Цуй Дао-чэн сражались у самого края горного потока. Улучив момент, Лу Чжи-шэнь с криком: «Получай!» – нанес своему противнику посохом такой удар, что тот полетел с моста вниз. Цю Сяо-и, увидев, что случилось с монахом, сразу потерял всякое желание продолжать бой и кинулся было бежать, но Ши Цзинь крикнул:

– Ты куда?

Нагнав своего противника, он нанес ему в спину мечом такой удар, что тот плашмя повалился на землю. Ши Цзинь прыгнул к упавшему и вонзил ему в спину меч.

Тем временем Лу Чжи-шэнь сбежал с моста и еще раз ударил посохом Цуй Дао-чэна. Так закончилось земное существование этих двух жалких негодяев, и они отошли в вечность.

Лу Чжи-шэнь и Ши Цзинь связали трупы убитых и сбросили их в поток, а сами направились в монастырь и отыскивали там узел с вещами. Старых монахов они уже не застали в живых: после того как Лу Чжи-шэнь потерпел поражение и покинул монастырь, они решили, что Цуй Дао-чэн и Цю Сяо-и, вернувшись, все равно их убьют, и со страха повесились. Лу Чжи-шэнь и Ши Цзинь направились к храму и там увидели, что женщина, которая находилась в плену у разбойников, также покончила жизнь самоубийством, бросившись в колодец. Они вошли в помещение, осмотрели несколько комнат, но никого больше не нашли; только на кроватях лежало четыре узла с платьем. Развязав их, Ши Цзинь увидел, что в одежду было завернуто золото и серебро. Он выбрал что получше и увязал в отдельный узел. В кухне друзья нашли рыбу, вино и мясо. Они принесли воды, развели огонь, приготовили себе пищу и плотно закусили.

Покончив с едой, они взяли узлы, разломали очаг и разбросали горячие головни по всему помещению. Вспыхнул огонь и охватил сначала небольшие задние комнаты, а потом запылало и все здание. Тут Лу Чжи-шэнь и Ши Цзинь взяли несколько факелов и подожгли храм. К этому времени ветер усилился, огонь, вздымаясь к небу, с гулом и треском охватил весь монастырь.

Лу Чжи-шэнь и Ши Цзинь задержались еще на некоторое время, любуясь пожаром.

– Хорошее это место, только делать нам здесь нечего, – сказали они. – А теперь нам лучше всего отправиться своей дорогой.

Они тронулись в путь и шли всю ночь не останавливаясь. На рассвете они заметили вдали какие-то дома и, присмотревшись, убедились, что это было небольшое селение. Путники направились туда и около узкого мостика, состоявшего из одной доски, увидели маленький кабачок. Они вошли и заказали вина, а потом договорились с трактирным слугой, чтобы он достал крупы и мяса и приготовил им поесть. Попивая вино, друзья вспоминали о тех приключениях, которые выпали на их долю во время странствий.

Покончив с трапезой, Лу Чжи-шэнь спросил Ши Цзиня:

– Куда же ты теперь думаешь направиться?

– Пожалуй, опять пойду на гору Шаохуашань в стан главаря Чжу У, – ответил Ши Цзинь. – Поживу с ними, а там посмотрю, что делать.

– И то верно, – согласился Лу Чжи-шэнь.

Он тут же вынул из своего узла часть дорогой посуды и передал ее Ши Цзиню. Затем они расплатились со слугой и, взяв свое оружие и вещи, отправились в путь.

Пройдя около семи ли, друзья оказались на перекрестке трех дорог.

– Ну, брат мой, – промолвил Лу Чжи-шэнь, – здесь мы должны расстаться. Мой путь лежит в Восточную столицу, а ты не провожай меня. В округ Хуачжоу тебе надо идти вон той дорогой... – Помолчав, он добавил: – Когда-нибудь мы с тобой еще встретимся. А будет случай, пришли о себе весточку.

Друзья обменялись прощальными поклонами и разошлись в разные стороны.

Спустя несколько дней, поутру, Лу Чжи-шэнь увидел перед собой Восточную столицу. Войдя в город, он сначала растерялся от уличной суеты и оглушительного шума. Наконец он решился и почтительно спросил у одного из прохожих, где находится монастырь Дасяньго. Ему объяснили, что надо идти еще дальше к мосту Чжоуцяо. Лу Чжи-шэнь пошел указанной дорогой и вскоре увидел монастырь. Войдя в ворота, он огляделся по сторонам и направился прямо в подворье. Находившийся там послушник доложил о нем монаху, ведающему приемом гостей. Последний вскоре пришел и при первом взгляде на незнакомца с большим узлом за плечами испугался его свирепого вида, тяжелого железного посоха и висевшего у пояса кинжала.

– Откуда пожаловал, брат-монах? – осторожно осведомился он.

Лу Чжи-шэнь, опустив на землю свой узел, прислонил к стене посох и приветствовал монаха поклоном. Тот учтиво ответил. – Я прибыл с горы Утай, – сказал Лу Чжи-шэнь. – Мой наставник, настоятель тамошнего монастыря, прислал меня с письмом к вашему почтенному настоятелю и сказал, что здесь мне дадут службу.

– Если у тебя есть письмо – следуй за мной, – сказал монах и провел Лу Чжи-шэня прямо в покои настоятеля. Лу Чжи-шэнь развязал узел, достал письмо и продолжал стоять, держа его в руках. Тогда монах обратился к Чжи-шэню:

– Дорогой брат, разве ты не знаешь правил? Сейчас сюда придет настоятель, и тебе следует встретить его как положено. Сними кинжал, приготовь свечи для возжигания, надень рясу и разложи подстилку для поклонов.

– Так что же ты мне сразу об этом не сказал? – пробормотал Лу Чжи-шэнь.

Он поспешно отвязал кинжал, затем вынул из узла пачку свечей и подстилку, но ему никак не удавалось сделать все как полагается. Монах набросил ему на плечи монашеское одеяние и показал, как следует расставлять свечи.

Вскоре из своей кельи вышел настоятель монастыря Чжи-цин. Монах, встретивший Лу Чжи-шэня, выступил вперед и доложил:

– Этот брат прибыл с горы Утай и принес вам письмо тамошнего настоятеля Чжи-чжэня.

– Давно не имел я писем от брата настоятеля, – заметил глава монастыря.

Монах, ведающий приемом гостей, сказал, обращаясь к Лу Чжи-шэню:

– Брат, поспеши приветствовать настоятеля! – Но тут он заметил, что Лу Чжи-шэнь все еще не успел поставить свечи в курильницу, и, не в силах удержать улыбку, пришел ему на помощь. Затем Лу Чжи-шэнь, стоя на коленях, начал отбивать поклоны перед настоятелем. Наблюдавший за ним монах вовремя остановил его после третьего поклона и, взяв письмо, передал его настоятелю. Тот вскрыл письмо и погрузился в чтение. В послании с горы Утай подробно излагались все обстоятельства, при которых Лу Чжи-шэнь принял постриг, и объяснялось, почему он должен был покинуть монастырь. Далее было написано: «Я выражаю самую искреннюю надежду, что вы будете милостивы и не откажетесь принять к себе Лу Чжи-шэня, назначив его на какую-нибудь монастырскую должность. Этот монах в будущем, несомненно, исправится и проявит себя с хорошей стороны, и потому я прошу вас не отказать в моей просьбе».

Прочитав письмо, настоятель сказал, обращаясь к Лу Чжи-шэню:

– Вы, брат, проделали большой путь, отправляйтесь пока в помещение монахов, отдохните и подкрепитесь с дороги.

Лу Чжи-шэнь почтительно поблагодарил и, подняв подстилку, свечи, узел, посох и кинжал, отправился вслед за послушником.

Тем временем настоятель призвал в свои покои всех старших монахов и обратился к ним со следующими словами:

– Сейчас, когда все вы собрались здесь, я должен сообщить вам, что наш брат настоятель Чжи-чжэнь поставил нас в очень затруднительное положение. Он прислал к нам монаха, который прежде был командиром в пограничных войсках. Он убил человека и постригся в монахи, но вскоре дважды учинил в монастыре бесчинства, и тамошние монахи уже не могли больше держать его в своей обители. Так вот, не желая оставлять у себя этого буяна, они спихнули его нам! Мы не можем отказаться от этого монаха, потому что настоятель умоляет принять его, но если мы оставим его, то он начнет нарушать наши порядки. Вот и подумайте, как с ним быть.

– Я думаю, – начал монах, ведающий приемом гостей, – что этот человек даже с виду не похож на монаха, как же мы можем оставлять его в нашем монастыре?

– А мне, братя, пришла в голову другая мысль, – возразил тут келарь. – Наши огороды находятся за воротами Суань-цзао и постоянно подвергаются опустошению со стороны солдат из ближних казарм, а также обосновавшейся неподалеку шайки проходимцев. Они пускают в огород скотину и вообще творят всякие безобразия. Старый монах, который сейчас там присматривает за огородом, конечно, не может справиться с этой шайкой. Почему бы нам не послать нового монаха сторожить эти огороды? Уж с этим-то делом он, конечно, справится. – Согласен, – сказал настоятель. И тут же велел послушнику привести Лу Чжи-шэня, когда тот закончит еду.

Вскоре послушник возвратился вместе с Лу Чжи-шэнем.

– Поскольку брат Чжи-чжэнь просит дать тебе какую-нибудь монастырскую должность, – обратился настоятель к Лу Чжи-шэню, – мы решили отдать под твое наблюдение наши монастырские огороды, которые находятся за воротами Суань-цзао неподалеку от храма Юэмю. Там ты будешь жить и распоряжаться всеми делами. Десять коромысел овощей тебе надлежит доставлять в монастырь, эти овощи будут приносить рабочие, обрабатывающие огороды, все остальное можешь брать себе.

– Наш настоятель, – ответил на это Лу Чжи-шэнь, – отправляя меня к вам, обещал, что я получу здесь должность при монастыре. Почему же вы, вместо того чтобы назначить меня на какое-нибудь почетное место келаря или казначея, посылаете сторожить огороды?

– Брат мой, – возразил на это настоятель храма. – Ты плохо разбираешься в порядках. Ты ведь только что прибыл к нам и не успел еще ничем проявить себя. Как же ты хочешь

получить старшую монашескую должность? Ведь наблюдение за монастырскими огородами тоже немалое дело.

– Не буду я работать на огороде, – проворчал Лу Чжи-шэнь. – Как хотите, а назначьте меня или казначеем, или келарем!

– Послушай, – вмешался в свою очередь монах, ведающий приемом гостей. – Каждый, кто состоит на монастырской службе, отвечает за какое-нибудь определенное дело. Я, например, ведаю исключительно приемом гостей, приезжающих в монастырь, и уходом за ними. Что касается ближайших помощников настоятеля, келаря и других, то все это – старшие монашеские должности и заслужить их нелегко. Монахи, несущие службу казначея, надзирателя, эконома, ведают всеми хозяйственными делами монастыря. А ты только появился здесь и сразу же хочешь получить такой высокий пост! В монастыре есть и другие, второстепенные должности, вот, например, смотритель амбаров, смотритель залов для приема, хранитель священных книг, главный сборщик податей. Кроме того, у нас есть должности монахов, ведающих пагодами, трапезной, чаепитием, чисткой уборных, а также ведающего огородом. Это низший разряд монастырских должностей. Если ты, брат, хорошо поработаешь на своем месте, ну, скажем, год, тогда можно будет говорить о том, чтобы тебя назначили ведать пагодой. Еще через год тебе можно будет доверить наблюдение за банями, а еще через год, пожалуй, тебя назначат на должность надзирателя.

– Ну, если и вправду я смогу получить повышение, то завтра же отправляюсь на огороды, – согласился Лу Чжи-шэнь.

После этого настоятель оставил его у себя в покоях отдохнуть. В этот же день были определены обязанности Лу Чжи-шэня и заготовлен указ о его назначении, а на огороды была послана бумага о том, что с завтрашнего дня Лу Чжи-шэнь вступает в должность. Когда со всем этим делом было покончено, монахи разошлись по своим кельям.

На следующий день настоятель вышел в зал, подписал приказ о назначении нового смотрителя огородов и вручил его Лу Чжи-шэню. Последний, получив назначение, поклонился настоятелю, забрал свои вещи и в сопровождении двух монахов отправился к месту своей службы.

Необходимо сказать, что по соседству с огородами проживала ватага лодырей и бездельников, человек около тридцати. Они проводили время в кутежах и азартных играх и частенько заглядывали на монастырские огороды, где воровали овощи. Забравшись в этот день на огород, они заметили на сторожевой будке объявление, которое гласило: «Монастырь Сяngo назначает смотрителем огородов монаха Лу Чжи-шэня, который с завтрашнего дня приступает к исполнению своих обязанностей. Настоящим сообщается всем, что посторонним лицам вход на огороды запрещен». Бездельники тотчас же сообщили об этой новости всей своей шайке и собрались, чтобы обсудить создавшееся положение и выяснить, кто такой этот Лу Чжи-шэнь. Шайка решила устроить ему «достойный прием». Бездельники надумали затеять ссору и так вздуть его, чтобы новый смотритель сразу стал послушным и покорным.

– А я вот что предлагаю, – объявил один из них. – Монах этот нас еще не знает, и нам даже ссориться с ним не из-за чего. Пусть он явится сюда, а мы заманим его к отхожему месту и сделаем вид, что пришли поздравить с назначением. Он и оглянуться не успеет, как мы схватим его за ноги и столкнем в яму. Вот это будет здорово!

Остальные бездельники одобрили эту затею и стали ждать прихода Лу Чжи-шэня. А тот, войдя в сторожевую будку, разложил там свои вещи, прислонил к стене посох и повесил на стену кинжал. Все рабочие на огороде пришли его приветствовать, и Лу Чжи-шэнь стал знакомиться со своими новыми обязанностями. После того как ему были переданы ключи и показаны запоры, старик монах, бывший смотритель огорода, а также монахи, провожавшие Лу Чжи-шэня, попрощались с ним и возвратились в монастырь.

Лу Чжи-шэнь отправился на огороды и стал их осматривать. Тут он заметил толпу молодых, человек в тридцать, которые, радостно улыбаясь, направлялись к нему с фруктами и вином. Обращаясь к Лу Чжи-шэню, один из них произнес:

– Узнав о том, что вы, почтенный монах, посланы сюда наблюдать за огородами, мы, ваши соседи, пришли поздравить вас с назначением.

Не подозревая, что ему готовят ловушку, Лу Чжи-шэнь приблизился к ним и оказался возле сточной ямы. Тогда озорники окружили Лу Чжи-шэня и один из них уже нацелился, чтобы схватить его за левую, а другой – за правую ногу и столкнуть в яму. Но они не знали, что удар ногой Лу Чжи-шэня мог опрокинуть и тигра, а когда он пускал в ход кулаки, то пугался даже морской дракон. Поистине можно сказать:

Даже мирный огород,
Где и тишь и благодать,
Иногда по воле неба
Поле боя может стать.

Что вышло из затеи проходимцев, задумавших сбросить Чжи-шэня в сточную яму, вы узнаете из следующей главы.

Глава седьмая

Лу Чжи-шэнь с корнем вырывает из земли плакучую иву. Линь Чуна обманом вводят в Зал Целого Тигра



Следует сказать, что главарями этой шайки, обитавшей за воротами Суаньцзао, были два человека: одного из них, по имени Чжан-сань, прозвали Крыса, перебегающая улицу, другой был Ли-сы, по прозвищу Змея в траве. Они и выступили вперед, направляясь к Чжи-шэню.

Лу Чжи-шэнь шагнул было к яме, но заметил, что толпа все так же неподвижно стоит возле нее и хором выкрикивает:

– Духовный отец! Мы пришли сюда принести вам свои поздравления.

– Раз вы мои соседи, – отвечал Лу Чжи-шэнь, – прошу вас войти в дом.

Тогда Чжан-сань и Ли-сы опустились на колени, ожидая, что Чжи-шэнь, как полагается, подойдет к ним, чтобы помочь подняться, и они осуществят свой замысел.

Но в душу Лу Чжи-шэня уже закралось сомнение, и он подумал: «Видно, это не порядочные люди, а какие-то проходимцы. Почему они не хотят подойти поближе? Уж не замышляют

ли они столкнут меня в яму?.. Ну, недобровать же им, если они вздумают тянуть тигра за усы. Посмотрим. Сам пойду к ним, – пусть познакомятся с моими кулаками!»

Широко ступая, он приблизился к толпе.

– Мы, ваши ничтожные братья, – заговорили Чжан-сань и Ли-сы, – хотим засвидетельствовать вам свое почтение, учитель!

С этими словами они придвинулись к нему, намереваясь схватить его – один за левую ногу, другой за правую. Но Лу Чжи-шэнь не стал ждать и так пихнул Ли-сы правой ногой, что тот кубарем полетел в яму. Чжан-сань хотел было улизнуть, но Лу Чжи-шэнь и его настиг ударом левой ноги, и оба мошенника очутились по уши в нечистотах. Остальные молодчики только рты раскрыли от изумления и испуга и приготовились бежать. Но Лу Чжи-шэнь заорал:

– Кто двинется с места – попадет в яму!

После этого никто уже не решился бежать. Им пришлось стоять и смотреть, как Чжан-сань и Ли-сы барахтаются в вонючей жиже. Яма была очень глубока, и бездельники с головы до ног были облеплены всякой мерзостью; в волосах у них шевелились черви.

– Учитель, прости нас! – взмолились они.

– Эй вы, мошенники! – загремел Лу Чжи-шэнь. – Живее помогайте своим приятелям. Прошаю всех!

Молодчики помогли своим приятелям выбраться из ямы и потащили их к стойке, на которой стояли кувшины из тыквы, наполненные водой. Но от негодяев исходило такое зловоение, и они были до того грязны, что к ним невозможно было подойти.

Лу Чжи-шэнь разразился хохотом и сказал:

– Эх вы, дурачье! Идите вымойтесь в пруду на огороде, а потом приходите ко мне: я хочу с вами поговорить.

Когда Чжан-сань и Ли-сы помылись, приятели собрали для них одежду и одели их. Затем Лу Чжи-шэнь снова позвал их:

– Заходите все и рассаживайтесь. Мне надо сказать вам кое-что!

Усевшись, Лу Чжи-шэнь начал так:

– Смотрите вы, окаянная шатия, не вздумайте еще раз выкинуть подобную шутку! Надо быть последним негодяем, чтобы решиться прийти сюда и позволить себе такую наглую выходку!

Тогда Чжан-сань и Ли-сы, а за ними и все остальные встали перед Лу Чжи-шэнем на колени и сказали:

– Мы, недостойные, как и весь наш род, испокон веков живем в этих местах, добывая на кусок хлеба азартными играми и попрошайничеством, и в этом огороде находили себе пропитание. Монастырь не раз пытался откупиться от нас деньгами, но унять нас было невозможно. Откуда же вы явились, учитель? Вы обладаете невероятной силой! Мы прежде никогда не видели вас в монастыре, но готовы с сегодняшнего дня служить вам верой и правдой.

– Раньше я был командиром в пограничном управлении на западе в Яньаньфу, – отвечал Лу Чжи-шэнь. – Служил у большого военачальника, но случилось так, что я убил немало людей и после этого решил уйти из мира. Сюда я пришел с горы Утай. Фамилия моя Лу, монашеское имя Чжи-шэнь. Ваша шайка в двадцать – тридцать человек для меня ничто; я мог бы проложить себе путь и сквозь тысячное вражеское войско.

Слова эти вызвали восторженные возгласы бездельников; затем они почтительно раскланялись и ушли. Тогда Лу Чжи-шэнь вернулся в свою сторожку, улегся в постель и заснул.

На следующий день вся шайка держала совет. Было решено собрать деньги на покупку десяти кувшинов вина и заколоть свинью. Затем они отправились к Лу Чжи-шэню пригласить его на пир.

На пиру они усадили Лу Чжи-шэня на почетное место, в центре, а сами сели по обе стороны от него. Когда все разместились, Лу Чжи-шэнь спросил:

– Чего ради вы так потратились?

– Мы счастливы, что нашим хозяином стал такой человек, как вы, учитель! – отвечали ему бездельники.

Лу Чжи-шэню этот ответ пришелся по вкусу. Когда все изрядно выпили, за столом стало шумно: кто пел, кто рассказывал истории, а некоторые просто хлопали в ладоши от удовольствия и хохотали.

В самый разгар веселья пирующие вдруг услышали снаружи карканье старого ворона: «Карр-карр!» Этот зловещий крик, который, по народному поверью, предвещает ссоры и разлад между людьми, вызвал замешательство среди молодчиков. Чтобы предотвратить несчастье, они, как полагалось в подобных случаях, стали стучать зубами и разом произнесли заклинание: «Пусть все сутяжники и смутьяны унесутся по воздуху, а буяны и забияки провалятся сквозь землю!»

– Какого черта вы заволновались? – спросил Лу Чжи-шэнь.

– Да вот старый ворон кричит, – ответили они. – Как бы не накаркал беды.

– Откуда вы это взяли? – спросил Лу Чжи-шэнь.

Бывшие поблизости монастырские работники, смеясь, объяснили ему, что на зеленой иве у забора вороны свили себе гнездо и теперь каркают с утра до вечера.

– Давайте подставим лестницу и разорим это гнездо, – предложил кто-то.

– Правильно! – поддержали другие. – Пошли!

Лу Чжи-шэнь был немного пьян и вместе со всеми вышел проветриться. Действительно, на иве было воронье гнездо.

– Несите лестницу, – снова раздались крики. – Мы сейчас разорим гнездо, и делу конец.

– Я могу и так взобраться, – предложил Ли-сы. – Не надо никакой лестницы!

Подумав немного, Лу Чжи-шэнь подошел к дереву и снял с себя рясу. Затем он опустил правую руку вниз, наклонился вперед, обхватил ствол левой рукой и вдруг, выпрямившись, с корнем вырвал дерево из земли.

При виде такого зрелища молодчики попадали перед Лу Чжи-шэнем на колени и, отведывая земные поклоны, воскликнули:

– Учитель! Вы не простой смертный. Вы могучи, как бог. Разве может обыкновенный человек вырвать дерево с корнем?

– Да это же сущий пустяк! – ответил Лу Чжи-шэнь. – Завтра я покажу вам свое военное искусство и умение владеть оружием.

Время было уже позднее, и шайка покинула огород. С этого дня молодчики во всем старались угодить Лу Чжи-шэню. Они приносили вино и мясо, приглашали Лу Чжи-шэня отведать их угощение и с интересом смотрели, когда он показывал приемы фехтования и борьбы.

Так прошло несколько дней. Однажды Лу Чжи-шэнь подумал: «Каждый день я ем у них мясо и пью вино. Устрою-ка я им пир».

Он послал в город работников купить несколько цзиней фруктов и три-четыре меры вина; затем приказал заколоть свинью и зарезать овцу. Дело было в конце третьего месяца, погода стояла жаркая, и поэтому Лу Чжи-шэнь велел расстелить камышовые циновки прямо под деревьями.

После этого он позвал всех бездельников, усадил их вокруг и пригласил есть и пить вволю, а работники все подносили вино и фрукты.

Когда веселье уже было в полном разгаре, бездельники обратились к Лу Чжи-шэню:

– Все эти дни, учитель, мы любовались вашей силой и ловкостью, но ни разу не видели, как вы владеете боевым оружием. Доставьте нам, духовный отец, сегодня такое удовольствие.

– Что ж – это дело, – согласился Лу Чжи-шэнь.

Он пошел в сторожку и принес оттуда свой железный посох длиной в пять чи и весом в шестьдесят два цзиня. Бездельники так и ахнули.

– Этим посохом может владеть лишь тот, у кого сила буйвола, – говорили они между собой, разглядывая его.

Тогда Лу Чжи-шэнь взял у них посох и начал вертеть им во все стороны, перебрасывая из одной руки в другую, да так быстро, что в воздухе поднялся свист. Все движения его были четкими и точными. Зрители громкими возгласами выражали ему свое одобрение.

В тот момент, когда посох, как живой, носился вокруг Лу Чжи-шэня, последний вдруг заметил, что какой-то военный наблюдает за ним из-за ограды, окружающей огород. Человек этот громко воскликнул:

– Какое мастерство!

Лу Чжи-шэнь сразу же прекратил свои упражнения и обернулся к незнакомцу.

На голове у военного была повязка из темного шелка с двумя концами, завязанными в виде рогов; сзади повязка была скреплена двумя застежками из белого нефрита, а сбоку свисала нитка драгоценных бус. На нем был боевой халат из зеленого полосатого шелка без подкладки, с ткаными узорами в виде круглых цветов. Пояс из бобровых шкурок был украшен серебром и панцирями черепах. Обут он был в высокие черные сапоги в форме выдолбленной тыквы, а в руках держал сложенный бумажный сычуаньский веер. Голова его походила на голову барса, с большими круглыми глазами, толстая шея напоминала шею ласточки, а редкие усы были как у тигра. Рост его достигал восьми чи; на вид ему было лет около сорока.

– Разве может простой монах так владеть оружием? – произнес незнакомец.

– Ну уж если военный наставник хвалит, – заговорили все, – то это и вправду хорошо!

– Кто этот военный? – спросил Лу Чжи-шэнь.

– Его зовут Линь Чун. Он наставник по фехтованию восьмисоттысячного войска, – ответили бездельники.

– Почему бы ему не зайти сюда и не познакомиться с нами? – спросил Лу Чжи-шэнь.

Наставник фехтования Линь Чун перепрыгнул через ограду, подошел к компании и познакомился с Лу Чжи-шэнем.

– Дорогой учитель, – сказал Линь Чун, – откуда вы прибыли и как ваше почтенное монашеское имя?

– Зовут меня Лу Да. Я из западных районов, – ответил Лу Чжи-шэнь. – И так как я убил немало людей, то решил покинуть мир и стать монахом. В молодые годы мне приходилось бывать в Восточной столице. Там я познакомился с вашим почтенным отцом.

Польщенный этим Линь Чун тут же предложил Лу Чжи-шэню побрататься, и они ответили друг другу полагающиеся по обычаю поклоны.

– Что же привело тебя сегодня к нашему огороду? – поинтересовался Лу Чжи-шэнь.

– Я шел с женой в храм выполнить данный мной обет и возжечь благовония, но, увидев, как ты проделываешь свои упражнения, отправил жену в храм со служанкой, а сам решил остаться здесь. Вот уж не думал, что повстречаюсь здесь с тобой, дорогой друг мой!

– Когда я прибыл сюда, – сказал Лу Чжи-шэнь, – то никого не знал. Потом я познакомился с этой компанией и вместе с ними провожу все дни. А теперь и ты не только не погнушался знакомством со мной, но даже и побратался. До чего же все хорошо получилось!

Он тут же распорядился принести еще вина, чтобы выпить со своим гостем. Но не успели они выпить по три чашки, как Линь Чун заметил свою служанку. Красная от возбуждения, она появилась в проломе ограды и крикнула:

– Господин! Скорее на помощь! С вашей женой в храме случилась беда!

– Что такое? – всполошился Линь Чун.

– Когда мы выходили из храма и спускались по лестнице, – ответила служанка, – мы встретились с каким-то дурным человеком, который преградил госпоже дорогу и не дает ей пройти.

– Извините меня! Я должен оставить вас, но я еще приду, – произнес Линь Чун, сильно взволнованный.

Простившись с Лу Чжи-шэнем, он мигом выпрыгнул в пролом стены и вместе со служанкой побежал к храму.

Там они увидели толпу людей с арбалетами, трубами и бамбуковыми палками. Все они собрались у террасы. На лестнице, спиной к подходившим, стоял молодой человек, преграждавший дорогу жене Линь Чуна.

– Подождите немного, – говорил он, – пройдемте наверх, я хочу поговорить с вами!

– Как вы смеете издеваться над порядочной женщиной! – кричала жена Линь Чуна.

Лицо ее пылало от гнева и стыда. Линь Чун быстро подбежал к ним, схватил неизвестного за плечо и, повернув к себе, закричал:

– Знаешь ли ты, что оскорбить жену порядочного человека – это преступление?!

Он уже размахнулся, чтобы нанести молодому человеку оплеуху, когда узнал в нем молодого господина Гао, приемного сына своего начальника.

Когда Гао Цю достиг высокого положения в обществе, он, не имея собственных детей, которые были бы ему опорой под старость, решил кого-нибудь усыновить. В приемные сыновья он выбрал юношу, который приходился ему двоюродным братом, и Гао Цю полюбил его, как родного.

Пользуясь его привязанностью, а также тем, что его приемный отец занимал высокое положение, молодой шалопай бесчинствовал повсюду. Больше всего ему нравилось позорить и бесчестить чужих жен и дочерей. Все население столицы боялось его, и никто не осмеливался вступать с ним в пререкания. Его так и прозвали Развратник.

Когда Линь Чун узнал молодого господина Гао, его рука невольно опустилась. А молодой человек сказал:

– Линь Чун! Почему вы вмешиваетесь не в свое дело?

Молодой человек не знал, что эта женщина была женой Линь Чуна, в противном случае он не стал бы так себя вести. Он видел, что Линь Чун стоит в нерешительности, и осмелел. Люди же из свиты молодого Гао, заметив, что дело принимает плохой оборот, окружили спорящих и, обращаясь к Линь Чуну, заговорили:

– Господин наставник фехтования, не сердитесь на молодого господина, он не знал, что это ваша супруга. Он, конечно, виноват перед вами!

Но гнев Линь Чуна не прошел, и он свирепо смотрел на молодого Гао. Тем временем собравшиеся люди успокаивали Линь Чуна и в то же время уговаривали Гао покинуть храм. Вскоре Гао и его свита сели на лошадей и ускакали.

Линь Чун с женой и служанкой также вышли из храма и тут же на улице увидели Лу Чжи-шэня. Держа в руках железный посох, он со всех ног бежал к храму во главе шайки бездельников.

– Куда вы, брат? – крикнул Линь Чун, завидев его.

– Я спешу тебе на помощь, чтобы расправиться с этим проходимцем, – ответил Лу Чжи-шэнь.

– Это был сын Гао Цю, – сказал Линь Чун. – Он не узнал моей жены и потому вел себя неподобающим образом. Я чуть не избил его, но если бы я это сделал, то оскорбил бы его отца. В древности говорили: «Не бойся чиновника, бойся его власти». Я не хотел навлечь на себя неприятностей и потому отпустил этого молодого человека.

– Что ты побоялся своего начальника, это понятно. Ну а мне нечего его бояться! Если я еще раз встречу этого мерзавца, то всыплю ему триста ударов моим посохом, – заявил Лу Чжи-шэнь.

– Ты, конечно, прав, – стал успокаивать его Линь Чун, заметив, что его друг сильно пьян, – но меня уговорили простить этого молокососа.

Однако Лу Чжи-шэнь не унимался:

– Если у тебя будут неприятности, обязательно позови меня, я тебе помогу.

– Учитель, пойдемте домой, завтра мы сведем с ним счеты, – старались уговорить Лу Чжи-шэня сопровождавшие его бездельники.

Лу Чжи-шэнь поднял свой посох и обратился к жене Линь Чуна:

– Не осуждайте меня, госпожа, и не смейтесь надо мной. Ну, брат, надеюсь, завтра мы снова встретимся.

Тут он простился и ушел со своей компанией.

Линь Чун с женой и служанкой также отправился домой, но на душе у него было неспокойно.

А теперь вернемся к молодому Гао. После того как он увидел жену Линь Чуна и в сопровождении своей свиты вынужден был уехать ни с чем, его словно сглазили, и он в грустном настроении вернулся домой.

Прошло дня два-три. Приятели по-прежнему навещали Гао, старались развеселить его, но, видя, что душу молодого господина тяготит какая-то забота, оставили его в покое.

Одного из приятелей Гао звали Фу Ань. Этот человек понял, что мучило его господина, и из всей компании он единственный оставался возле него, готовый помочь в любом деле.

Однажды, заметив, что Гао сидит в библиотеке, погруженный в задумчивость, он подошел к нему и сказал:

– Вы похудели и даже изменились в лице, молодой господин! Вы стали грустны, видно, на сердце у вас какое-то горе!

– Почему ты так думаешь? – спросил молодой Гао.

– Я догадался, что вас печалит, – ответил Фу Ань.

– Что же, по-твоему, меня тревожит? – спросил Гао.

– Вы думаете о женщине, имя которой состоит из двух иероглифов, изображающих дерево, – ответил Фу Ань, – ее зовут Линь! Ну как, отгадал?

– Верно! – рассмеялся молодой господин. – Но что же мне делать? Я никак не могу заполучить ее!

– Да что тут трудного?! – сказал Фу Ань. – Молодой господин, правда, не решится оскорбить Линь Чуна, человека отважного. Но ведь человек этот находится на службе у вашего отца и должен выполнять любое его распоряжение. Разве он посмеет не подчиниться своему начальнику? За неповиновение в малом деле начальник имеет право заклеить подчиненного и отправить в ссылку, а за неповиновение в серьезном деле – казнить. Я знаю, как устроить все это.

– Я видел много красивых женщин, – ответил молодой Гао, – и сам не знаю, почему полюбил именно ее; меня словно заколдовали. И вот ничто меня не радует, и сердце гложет тоска. Открой мне свой план! Если ты сможешь мне заполучить красавицу, я щедро награжу тебя.

– В вашем доме есть один человек, по имени Лу Цянь, который очень дружен с Линь Чуном. Отправляйтесь завтра к дому Лу Цяня и спрячьтесь в одной из внутренних комнат; да позаботьтесь о том, чтобы там заранее было приготовлено вино и закуски. Лу Цяню прикажите пригласить Линь Чуна в какой-нибудь кабачок подальше от дома. Немного спустя мы пошлем в дом Линь Чуна человека, который скажет его жене: «Ваш муж сейчас пирует с Лу Цянем. Что-то рассердило его настолько, что от ярости он потерял сознание и лежит замертво в верхних комнатах дома Лу Цяня». Женщина, конечно, отправится туда. Мы и заманим ее наверх. А сердце женщины не камень! Когда она увидит вас, господин, такого красивого и обворожительного, да еще когда вы скажете ей несколько ласковых слов, она, конечно, не устоит. Ну, как вы находите мой замысел? – осведомился Фу Ань.

– Здорово придумано! – обрадовался молодой Гао.

В тот же вечер он вызвал слугу и послал его за Лу Цянем, который жил в доме напротив. На следующий день они еще раз обсудили весь план. Лу Цянь сразу же на все согласился, да он и не мог ослушаться молодого господина, хотя бы для этого пришлось предать старого друга.

Между тем Линь Чун, мрачный и встревоженный, целыми днями сидел дома. Однажды утром он услышал, что кто-то у дверей спрашивает:

– Дома наставник фехтования?

Линь Чун вышел посмотреть, кто пришел, и увидел Лу Цяня. – Это ты, Лу Цянь? Какими судьбами?

– Я пришел навестить тебя, – ответил Лу Цянь. – Что случилось, почему уже несколько дней тебя не видно?

– Тяжело у меня на сердце, вот и не хочется выходить из дома, – отвечал Линь Чун.

– А я решил вытащить тебя. Пойдем, выпьем вина. Может быть, и тоску твою разгоним, – продолжал Лу Цянь.

– Присаживайся и выпьем сначала чаю, – ответил Линь Чун.

Попив чаю, они поднялись со своих мест, и Лу Цянь, обращаясь к жене Линь Чуна, объявил:

– Я позвал Линь Чуна к себе выпить несколько чашек вина.

Жена Линь Чуна из-за дверной занавески ответила:

– Хорошо. Смотри, милый муж, поменьше пей да скорее возвращайся!

После этого Линь Чун и Лу Цянь вышли из дому, немного побродили по улицам, и тут Лу Цянь сказал:

– Стоит ли нам идти ко мне? Давай-ка зайдем в кабачок.

Они вошли в кабачок и поднялись наверх. Тут они уселись за стол, позвали слугу и заказали два кувшина лучшего вина и хорошую закуску.

Понемногу у них завязалась беседа, и Линь Чун невольно вздохнул.

– О чем ты, брат, вздыхаешь? – спросил Лу Цянь.

– И говорить об этом тяжело, дорогой брат! – ответил Линь Чун. – К чему человеку способности, если нет такого начальника, который сумел бы их оценить. Приходится подчиняться какому-то ничтожеству и сносить всякие оскорбления. Это меня и гнетет!

– В восьмисоттысячном войске есть несколько наставников фехтования, но разве хоть один из них может равняться с тобой, брат мой? – сказал Лу Цянь. – Командующий тоже ценит тебя. Чем же ты огорчен?

Тогда Линь Чун рассказал о стычке, что произошла у него с молодым Гао несколько дней тому назад.

– Но ведь молодой господин не знал, что это твоя жена, – сказал Лу Цянь. – Не сердись на него, дорогой друг! Давай-ка лучше выпьем вина.

Осушив несколько чашек, Линь Чун почувствовал потребность выйти.

Спустившись с лестницы, он вышел из кабачка и завернул в переулок с восточной стороны. Он справил нужду и уже хотел возвратиться, как вдруг увидел свою служанку, с криком бросившуюся к нему:

– Господин, я с ног сбилась, разыскивая вас, а вы, оказывается, здесь!

– Что случилось? – встревожился Линь Чун.

– Не прошло и часа после того, как вы ушли с Лу Цянем, – сказала служанка, – как вдруг какой-то человек быстро подошел к нашему дому и сказал: «Я сосед господина Лу Цяня. Они выпивали, и с вашим мужем что-то случилось. Он почти без чувств лежит на полу, идите, госпожа, быстрее». Услышав это, госпожа тут же попросила соседку-старушку присмотреть за домом, а сама вместе со мной отправилась вслед за этим человеком. Нас привели к дому против дома командующего, только немного дальше по улице. Поднявшись наверх, мы увидели

на столе вина и закуски, но вас там не было. Едва мы собрались сойти вниз, как вдруг увидели того самого молодого человека, который несколько дней тому назад приставал к вашей жене в храме. Он вошел и сказал: «Госпожа, посидите немного. Ваш муж сейчас придет!» Как только я увидела его, то сразу же бросилась вниз по лестнице и, убегая, слышала, как ваша жена зовет на помощь. Вот почему я ищу вас по всем улицам! Аптекарь Чжан сказал мне, что видел, как вы с кем-то вошли в кабачок и здесь выпиваете. Пойдемте же, господин, быстрее!

Услышав это, Линь Чун взволновался. Не обращая больше внимания на служанку, он помчался к дому Лу Цяня и вихрем взлетел наверх. Дверь в комнату была заперта, но он слышал, как его жена громко кричала:

– Как вы смеете запирать в комнате и позорить жену порядочного человека?!

Голос молодого человека отвечал:

– Госпожа, пожалейте меня! Даже человек с каменным сердцем, и то смягчился бы.

– Жена! Открой дверь! – взревел Линь Чун с лестницы.

Услышав голос мужа, женщина бросилась отворять дверь. Молодого Гао охватил страх, и он, распахнув окно, выскочил во двор, перепрыгнул через стену и убежал прочь. Когда Линь Чун ворвался в комнату, Гао там уже не было.

– Этот мерзавец обесчестил тебя?! – спросил он жену.

– Нет, он ко мне не притронулся, – ответила она.

Линь Чун разнес вдребезги все, что нашел в комнате, свел жену вниз по лестнице и, выйдя из дому, осмотрелся кругом. Все соседи позакрывали свои двери. Около крыльца их встретила только служанка, и вместе с ней они отправились домой. Придя к себе, Линь Чун схватил кинжал и сейчас же побежал обратно в кабачок, где рассчитывал еще застать Лу Цяня, но того и след простыл. Тогда он отправился к воротам дома Лу Цяня и подкарауливал его там до глубокой ночи, но, не дождавшись, вернулся домой. Жена Линь Чуня старалась успокоить своего мужа. «Не принимай этого так близко к сердцу, – говорила она, – ему ведь ничего не удалось со мной сделать!»

– Какая же скотина этот Лу Цянь! – возмущался Линь Чун. – Ведь мы с ним были побратимы, а он так предал меня. Боюсь, что мне не удастся отомстить молодому Гао, но этому-то мерзавцу не сносить головы!

Жена всеми силами старалась уговорить его и ни за что не хотела выпускать из дому.

Лу Цянь же спрятался в доме командующего и не решался вернуться к себе домой. Линь Чун трое суток тщетно ждал Лу Цяня у его ворот. Вид у Линь Чуна был такой свирепый, что ни один из слуг командующего не осмелился обратиться к нему.

На четвертый день в полдень к Линь Чуну пришел Лу Чжи-шэнь.

– Куда это ты пропал, дорогой друг? – спросил он первым делом.

– Эти дни я был немного расстроен, – отвечал ему Линь Чун, – и не мог тебя навестить. Но раз сегодня ты оказал мне честь своим посещением, мы должны распить несколько чашек вина. Извини только, что у нас так скромно, я не знал, что будет гость, и не приготовился. Может быть, мы пройдемся немного по городу, а потом зайдем в какой-нибудь кабачок? Что ты на это скажешь?

– Прекрасно! – воскликнул Лу Чжи-шэнь.

Они отправились в город и провели за выпивкой весь день. Вечером они условились, что на следующее утро увидятся снова. Теперь они встречались каждый день и отправлялись вместе пьянствовать. Постепенно Линь Чун начал забывать о неприятной истории, случившейся с ним.

Но вернемся к молодому Гао. Он не осмелился рассказать своему отцу, командующему, о происшествии в доме Лу Цяня, о том, как ему пришлось выпрыгнуть из окна и в страхе бежать со двора. Он сказался больным и не выходил из комнаты, и только Лу Цянь и Фу Ань неотлучно

находились при нем. Они видели, что молодой человек очень изменился и стал безразличен ко всему. Тогда Лу Цянь сказал ему:

– Молодой господин! Что с вами, о чем вы грустите?

– Скажу тебе правду, – отвечал молодой Гао, – виной тому женщина Линь! Я дважды пробовал заполучить ее, и все тщетно. Да еще пережил из-за нее такой страх, что и теперь еще чувствую себя скверно. Если так будет продолжаться, я не выдержу и умру!

– Успокойтесь, господин! – отвечали ему друзья. – Мы берем это на себя. Мы найдем способ доставить ее вам, если, конечно, она раньше не повесится.

В этот момент вошел в комнату управляющий домом и осведомился о здоровье молодого Гао. А тем временем Лу Цянь и Фу Ань посоветовались между собой и решили: «Другого выхода нет!..»

Когда управляющий, побыв немного у больного, уже выходил из комнаты, они отозвали его в сторону и сказали ему:

– Чтобы излечить молодого господина, необходимо доложить командующему о том, что нужно убрать Линь Чуна и отдать его жену молодому Гао. Иначе спасти его невозможно.

– Это дело несложное, – ответил управляющий, – я сегодня же вечером доложу командующему.

– У нас уже все обдумано, – отвечали они ему, – и мы будем ждать вашего ответа.

В тот вечер управляющий направился к командующему Гао Цю и сказал ему:

– Вся болезнь молодого господина происходит от его страсти к жене Линь Чуна.

– К жене Линь Чуна?! – удивился Гао Цю. – А когда же он видел ее?

– Он увидел ее в храме в двадцать восьмой день прошлой луны, – почтительно отвечал управляющий. – С тех пор уже прошло больше месяца.

И тут он подробно изложил все, что ему сообщили Лу Цянь и Фу Ань.

– Так вот в чем дело! – воскликнул Гао Цю. – Но если тут замешана жена Линь Чуна, как же мы сможем избавиться от него?.. Это надо хорошенько продумать. Если пожалеть Линь Чуна, то жизнь моего сына окажется в опасности. Что же тут можно сделать?

– У Лу Цяня и Фу Аня уже есть план, – ответил управляющий.

– Если так, пусть они явятся сюда. Мы обсудим это дело вместе, – сказал Гао Цю.

Управляющий сразу же ввел в залу Лу Цяня и Фу Аня Войдя, они почтительно склонились перед Гао Цю.

– Расскажите, что вы придумали, чтобы вылечить молодого господина? – спросил командующий Гао. – Если вы спасете моего сына и он снова будет здоров, я повышу вас в должности.

– Милостивейший господин, – сказал Лу Цянь, – для этого есть только один способ. – И Лу Цянь выложил Гао Цю свой план.

– Хорошо, завтра же приступайте к делу, – сказал командующий Гао.

Об этом можно больше не рассказывать.

Вернемся теперь к Линь Чуну. Он ежедневно пьянствовал с Лу Чжи-шэнем и совсем уже забыл о деле, которое его прежде так мучило. Но вот однажды, проходя неподалеку от военного плаца, они увидели здорового детину, на голове у которого была повязка, стянутая по углам в виде рогов. Одет он был в старый военный халат, а в руках держал меч дорогой работы, с прикрепленным сверху рисовым стеблем в знак того, что он продается. Парень стоял на улице и сам с собой рассуждал:

– Я не встретил еще никого, кто смог бы оценить его по достоинству. Так и пропадает зря мой меч.

Однако Линь Чун был так занят разговором с Лу Чжи-шэнем, что не обратил на него особого внимания. Но человек пошел за ними следом, твердя:

– Взгляните на этот замечательный меч! Жаль, что здесь нет никого, кто знал бы ему цену.

Линь Чун по-прежнему был увлечен разговором и не останавливался. Но когда они свернули в переулок, детина, не отстававший от них ни на шаг, сказал:

– Даже в таком большом городе, как Восточная столица, и то нет никого, кто знает толк в оружии.

Тут Линь Чун обернулся. Детина сразу же выхватил меч из ножен, и он так засверкал на солнце, что больно было смотреть на него.

Линь Чуна, видно, преследовала злая судьба. Он сказал:

– Ну-ка, покажи мне его!

Детина передал ему меч, и, взглянув на него, Линь Чун в восхищении воскликнул:

– Вот это меч! Сколько ты просишь за него?

– Я хотел бы получить три тысячи связок, – ответил продавец, – но согласен отдать меч и за две тысячи.

– Он стоит таких денег, – сказал Линь Чун, – но здесь ты не найдешь знатока, который по-настоящему оценил бы такое оружие. Если ты согласишься уступить его за тысячу связок, я возьму его.

– Я очень нуждаюсь в деньгах, – сказал детина, – и если вы действительно хотите купить этот меч, я сбавлю пятьсот связок. Мне необходимо иметь тысячу пятьсот связок.

– За тысячу связок я его возьму, – стоял на своем Линь Чун.

Продавец тяжело вздохнул и сказал:

– Золото идет за простое железо. Эх! Пусть будет по-вашему! Но уж ни одного медяка больше не уступлю.

– Пойдем ко мне домой, и я расплачусь с тобой, – предложил Линь Чун и, повернувшись к Лу Чжи-шэню, прибавил: – Подожди меня в чайной, дорогой брат, я скоро вернусь.

– Я лучше пойду к себе, а завтра мы снова встретимся, – ответил на это Лу Чжи-шэнь.

Они простились, и Линь Чун с продавцом отправился домой. Отсчитав требуемую сумму, Линь Чун спросил его:

– Откуда у тебя такой меч?

– Он достался мне от предков, – отвечал тот. – Но сейчас у меня в доме нужда, и мне пришлось продать его.

– Из какого же ты рода? – поинтересовался Линь Чун.

– Если я отвечу на ваш вопрос, – сказал продавец, – это будет для меня таким позором, какого я не перенесу.

И Линь Чун ни о чем больше не спрашивал его. Продавец, получив деньги, ушел, а Линь Чун остался один и без конца любовался мечом.

– Чудесный меч! – сказал он себе. – Правда, у командующего Гао тоже есть превосходный меч, но он его прячет. Сколько ни просил я командующего показать этот меч, он так и не дал мне его. Теперь у меня тоже неплохой меч, и когда-нибудь мы посмотрим, чей лучше!

Весь этот вечер Линь Чун не выпускал меча из рук и никак не мог на него наглядеться. На ночь он повесил его над постелью и то и дело на него поглядывал.

На следующее утро Линь Чун увидел, что к воротам его дома подошли посыльные командующего, и один из них громко произнес:

– Наставник Линь! Командующий Гао зовет вас к себе. Он услышал, что вы купили хороший меч, и приказывает вам принести его, чтобы сравнить со своим! Он ждет вас в управлении.

Услышав это, Линь Чун подумал: «Кто успел уже разболтать об этом командующему?»

Между тем посланцы просили его поторопиться. Одевшись и захватив с собой меч, он последовал за ними.

– Я служу в управлении, но что-то никогда вас там не видел, – сказал Линь Чун своим спутникам.

– Мы только недавно поступили на службу, – ответили те. Вскоре они подошли к зданию управления. Войдя туда, Линь Чун остановился, и тогда посыльные сказали:

– Командующий в дальних покоях.

Они прошли все внутренние комнаты, но командующего нигде не было.

Линь Чун снова остановился, и опять посыльные сказали ему:

– Командующий ожидает вас в дальних покоях и приказал провести вас туда.

Миновав еще две или три двери, они подошли к месту, окруженному зеленой перегородкой. Тут посыльные остановились и сказали Линь Чуну:

– Подождите немного здесь, господин наставник фехтования. Мы пойдем и доложим о вас командующему.

Они ушли, а Линь Чун с мечом в руках остался стоять в передней части зала. Прошло уже столько времени, сколько нужно, чтобы выпить чашку чая, но служащие все еще не возвращались. В сердце Линь Чуна закралось подозрение.

Он огляделся, поднял голову и увидел над дверями надпись из четырех черных иероглифов: «Тайный Зал Белого Тигра». Линь Чун изумился: «Да ведь в этом зале принимаются важнейшие военные решения. Как же меня без всякой причины могли привести сюда?!»

И в тот момент, как Линь Чун повернулся, чтобы уйти прочь, послышались шаги и в залу вошел сам командующий Гао Цю. Не выпуская из рук меча, Линь Чун выступил вперед, готовясь приветствовать командующего, но тот закричал:

– Линь Чун, кто позвал тебя сюда? Как ты осмелился войти в Зал Белого Тигра? Разве ты не знаешь законов? В руках у тебя меч, ты проник сюда, чтобы меня убить! Мне уже говорили, что несколько дней тому назад ты с кинжалом в руках стоял около управления. Ты, верно, пришел сюда с преступными намерениями?

Линь Чун с глубоким поклоном отвечал ему:

– Милостивейший господин! Сейчас двое ваших посыльных привели меня сюда, чтобы сравнить этот меч с вашим.

– Где же эти посыльные? – продолжал кричать Гао.

– Они вошли во внутренние покои, господин командующий.

– Какой вздор! – прервал его Гао Цю. – Кто же из служащих посмеет войти во внутренние покои?

И он крикнул:

– Взять этого человека!

Едва успел он отдать это распоряжение, как со всех сторон выскочили более тридцати человек, схватили Линь Чуна и потащили его из зала.

А командующий распался все больше и кричал:

– Ты – наставник фехтования в моем войске – не знаешь законов?! Почему у тебя в руках меч? Ты пришел убить меня!

И он приказал увести Линь Чуна.

Как сложилась жизнь Линь Чуна в дальнейшем – история пока умалчивает. Однако из-за того, что с ним произошло, он натворил много бед по всей стране, и никто не мог остановить его. По этому поводу можно было бы сказать:

В эти дни у крестьян на спине, на груди
Знаки воинские появились,
Боевые знамена, скликаая в поход,
Над рыбацкими лодками взвились.

Историю о том, что случилось потом с Линь Чуном, прошу вас прочесть в следующей главе.

Глава восьмая

Линь Чуну ставят на лицо клеймо и отправляют его в ссылку в Цанчжоу. Происшествие в лесу Диких Кабанов



События развернулись следующим образом. Командующий приказал страже схватить Линь Чуна и обезглавить его.

– Я не виновен! – воскликнул Линь Чун.

– Тогда зачем явился в «Зал Белого Тигра» да еще с мечом в руках? – возразил командующий. – Разумеется, чтобы убить меня?

– Разве осмелился бы я прийти сюда, если бы вы, господин командующий, не вызвали меня? – ответил Линь Чун. – В этот зал привели меня ваши посыльные.

– Ложь! Какие посыльные? Этот негодяй смеет мне лгать! – закричал Гао Цю и приказал отправить его в областной суд. – Да передать судье, чтобы как следует разобрался в этом деле и вынес надлежащий приговор! Отобрать у него меч и отправить в суд как вещественное доказательство!

Когда Линь Чуна доставили в областной суд, судья занимался разбирательством дел. Стражники подвели Линь Чуна к возвышению, на котором сидел судья, и заставили опуститься на колени. Затем они передали судье приказ командующего, а принесенный меч положили перед Линь Чуном.

– Линь Чун! – сказал судья. – Ты – военный наставник и не можешь не знать законов. Ты посмел переступить порог запретного зала с мечом в руках. Подобное преступление карается смертью!

– Милостивейший и мудрый судья! – почтительно отвечал Линь Чун. – Будьте ко мне милосердны, ибо я ни в чем не виновен. Я человек невежественный, но законы знаю и никогда по собственной воле не переступил бы порог этого зала. Дело в том, что в двадцать восьмой день прошлой луны мы с женой отправились в храм, и там ее оскорбил сын командующего. Я же осмелился вступить и накричал на него. После этого он подослал ко мне некоего Лу Цяня из стражи командующего. Тот затащил меня в кабачок, а тем временем велел другому человеку, по имени Фу Ань, заманить мою жену в дом Лу Цяня, где ее пытались обесчестить. Но я и на этот раз прогнал молодого господина. Моя вина лишь в том, что я изломал мебель в доме Лу Цяня. Мою жену дважды пытались оскорбить, и каждый раз только мое вмешательство останавливало обидчика. У меня есть свидетели, которые могут подтвердить мои слова. Вчера я купил этот меч, а сегодня командующий послал за мной двух человек, приказав принести меч, чтобы сравнить его со своим. Я пришел с посыльными в этот зал и стал ждать. А когда они удалились во внутренние покои, появился командующий. Все это было сделано для того, чтобы погубить меня, и я умоляю вас, милосердный судья, спасите меня.

Выслушав Линь Чуна, судья приказал написать командующему ответ и тут же распорядился принести кангу²⁷. Линь Чуна заковали и отправили в тюрьму. Вскоре из дома Линь Чуну принесли пищу и немного денег. Тесть его – также военный наставник – решил подкупить чиновников деньгами и подарками.

Случилось так, что одним из судебных чиновников, занимавшихся делом Линь Чуна, оказался некто по имени Сунь Дин. Это был безупречно честный и прямой человек. Он всегда был справедлив к людям, помогал им, за что его почитали, как Будду. Он тщательно разобрался в деле и решил спасти Линь Чуна. В докладе судье он изложил всю правду.

– Совершенно очевидно, – сказал он, – что Линь Чун обвинен ложно. Мы должны спасти его.

– Он обвиняется в тяжком преступлении, – возразил судья. – Гао Цю говорит, что он с оружием в руках проник в запретный зал, чтобы убить его. Как же мы можем оставить его без наказания?

– Выходит, суд в нашем городе подвластен Гао Цю? – сказал Сунь Дин. – Разве не один лишь император повелевает нами?

– Не болтай глупостей! – оборвал его судья.

– Да кто же не знает, что Гао Цю, пользуясь своей властью, угнетает и обманывает народ? Нет такого зла, которое при нем не процветало бы. Провинится кто-нибудь, его сразу же присылают к нам. Захочет Гао Цю кого-нибудь казнить – вы казните. Пожелает, чтобы человека разрезали на куски, вы и это сделаете. Разве Гао Цю не хозяин у нас?!

²⁷ Канга – деревянная колодка, которую надевали преступнику на шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.